

Игн. Житецкій.

ГОГОЛЬ—

ПРОПОВѢДНИКЪ И ПИСАТЕЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1909.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1909 годъ.

I.

Происхожденіе Н. В. Гоголя и его родословная до сихъ поръ служатъ предметомъ спора. Біографы путались среди противорѣчивыхъ показаній, но, во всякомъ случаѣ, съ бóльшимъ или меньшимъ ограниченіемъ устанавливали, что родъ Гоголей-Яновскихъ былъ дворянскій и происходилъ отъ „значной" козацкой старшины: одни при этомъ утверждали, что родовитость эта самаго новѣйшаго происхожденія, т. е. не идетъ далѣе XVIII в., другіе указывали на то, что предки писателя принадлежали къ старинному малороссійскому роду, получившему извѣстность еще при Богданѣ Хмельницкомъ. Наибольшую путаницу вносило показаніе дѣда Николая Васильевича — Аѳанасія Демьяновича Гоголь-Яновскаго, поданное въ Полтавское дворянское депутатское собраніе въ 1788 г. Въ этомъ документѣ значилось, что предки его—польской націи; прапрадѣдъ Андрей Гоголь—полковникъ Могилевскій, прадѣдъ Прокопъ и дѣдъ Янъ Гоголи—польскіе шляхтичи. Послѣдній оставилъ, де, свои имѣнія въ Польшѣ, вышелъ въ русскую Украйну и поселился въ с. Кононовкѣ Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, а отецъ заявителя, Демьянъ, „достигши училищъ въ Кіевской академіи, гдѣ и названіе по отцу его Яну принялъ Яновскаго", въ священническомъ санѣ рукоположенъ на приходъ въ той же Кононовкѣ [1]). Замѣтимъ прежде всего, что цѣна подобнымъ документамъ весьма опредѣленная: они, въ лучшемъ случаѣ, основаны на однихъ семейныхъ преданіяхъ. Весьма же нерѣдко малорусская козацкая старшина для пріобрѣтенія дворянскихъ привилегій прибѣгала въ XVIII в. къ простой фабрикаціи документовъ и генеалогій. Въ этомъ разѣ особенно много помогали новымъ нарождающимся панамъ евреи, и не одинъ знатный дворянскій малорусскій

[1]) „Рус. Архивъ" 1875 г. № 4, стр. 452.

родъ обязанъ былъ своимъ происхожденіемъ ловкости рукъ этихъ дѣльцовъ [1]). Нерѣдко родъ новоиспеченнаго шляхтича, отецъ котораго былъ простымъ козакомъ, а дѣдъ — заурядным хлѣборобомъ, выводили отъ венгерскихъ, молдаванскихъ, валашскихъ и иныхъ вельможъ и даже татарскихъ мурзъ (Кочубеи), венеціанскихъ графовъ (Капнисты) и т. п. [2]). Чаще же всего бывало, что войсковая старшина, стремившаяся попасть въ ряды шляхетскаго сословія, старалась доказать давность своего происхожденія подозрительными ссылками на принадлежность къ какому-нибудь дворянскому роду „тогобочной" (правобережной по р. Днѣпру) Украины, т. е. попросту выводила своихъ предковъ изъ польскаго шляхетства. Къ такимъ болѣе скромнымъ претендентамъ на дворянство принадлежалъ и Аѳанасій Демьяновичъ Гоголь-Яновскій. Но уже одно фактическое сличеніе его показаній съ генеалогіей рода не выдерживаетъ самой поверхностной критики.

Родоначальника Гоголей видятъ въ Остапѣ (Евстафіи), подольско-могилевскомъ полковникѣ, о которомъ упоминаетъ лѣтопись Самовидца подъ 1655 г. (Кулишъ, В. Шенрокъ и др.) А. Д. Гоголь-Яновскій знаетъ его подъ именемъ Андрея; дѣда же своего называетъ сыномъ Прокопія. Въ дѣйствительности, извѣстенъ былъ съ конца XVII в. лишь *священникъ* Иванъ (Янъ) Яковлевичъ Гоголь. Это и былъ несомнѣнный родоначальникъ Гоголь-Яновскихъ; установить же его родственныя отношенія къ лѣтописному козацкому полковнику Остапу нѣтъ никакихъ фактическихъ основаній. Документально можно утверждать лишь слѣдующее: дѣдомъ Аѳ. Д. Гоголя былъ викарный священникъ Лубенской Троицкой церкви Иванъ Яковлевичъ Гоголь, упоминаемый подъ 1697 г. Въ первой четверти XVIII в. онъ священствовалъ въ с. Кононовкѣ Лубенскаго уѣзда по крайней мѣрѣ до 1723 г., а можетъ быть и до 1732 г. Тамъ же былъ священникомъ до 1777 года и сынъ его Демьянъ Ивановичъ, прозывавшійся уже Гоголемъ-*Яновскимъ*. Отъ его сыновей пошли два поколѣнія: одно духовное въ лицѣ Кирилла, унаслѣдовавшаго священническое мѣсто въ с. Кононовкѣ, другое—свѣтское въ лицѣ дѣда Ник. Вас. Аѳанасія Демьяновича. У о. Кирилла было два сына—оба священники: о. Меркурій на отцовскомъ приходѣ и о. Савва въ с. Олиферовкѣ Лубенскаго же уѣзда [1]). Это были двоюродные братья Вас. Аѳан. Гоголя; о первомъ изъ нихъ племянникъ Ник. Вас. писалъ въ 1828 г., какъ о „закоснѣломъ грабителѣ", объ „алчномъ попѣ Меркуріи, который съ такою жадностью слѣдитъ наше имѣніе и, пользуясь правомъ родства, уже зажилилъ порядочный кусокъ". Впослѣдствіи онъ же ругательски отзывался и о сынѣ о. Меркурія, Степанѣ, священникѣ и своемъ троюродномъ братѣ; а въ 1847 г. сильно волновался, что появились, де, какіе-то родственники Гоголь-Яновскіе, и рѣшительно, но неосновательно утверждалъ, что такихъ родственниковъ у него нѣтъ, и фамилія Гоголей принадлежитъ одному ему [2]). О другомъ дядѣ, священникѣ Саввѣ Кирилловичѣ, Ник. Вас. упоминаетъ, какъ о доставлявшемъ ему свѣдѣнія о Малороссіи (письма т. I, 129); среди записей его „Книги всякой всячины" находится отрывокъ изъ письма 1829 года о. Саввы съ описаніемъ одежды дьячка [3]). Онъ имѣлъ сына Владимира; это поколѣніе Гоголь-Яновскихъ, оставшееся въ духовномъ сословіи, удержало вторую часть фамиліи и существуетъ до сихъ поръ въ Полтавщинѣ.

Другая линія оставила духовное званіе въ лицѣ дѣда Николая Васильевича Аѳанасія Демьяновича Гоголя-Яновскаго. Родился онъ въ 1738 г., учился въ духовной семинаріи и Кіевской академіи, но

---

[1]) *А. Ефименко* „Малорус. дворянство" въ сборн. „Южная Русь", т. II, стр. 186 и др.

[2]) Въ одной юмористической пародіи XVIII в., найденной въ дѣлахъ о дворянскихъ родахъ Черниговъ. г., неизвѣстный сатирикъ издѣвается надъ подобными представителями старинныхъ малорусскихъ шляхетно-благородныхъ фамилій, рисуя гербъ съ эмблемами мужицкаго труда и оповѣщая въ стихотворной формѣ: *Доказательства Хама Данилея Куксы потомственны*,—

„Да вжежъ наши дворяне гербы посылають,
А що я бувъ дворянинъ, то то и не знають.
..... Онъ у мене гербъ якій—въ деревнимъ цвити—
..... Лопата написана держаломъ у гору (нарисована рукояткой вверхъ)
У середыни грабли, вила и сокира (топоръ).
Якими було роблю... Такжеципомъ молотивъ, скажу правду матку,
Взявши косу на плечи, ходивъ въ косовицю и т. д. Но потомъ—
„Трохи (немного) якъ розживсь, той годи (довольно) робыты.
.... Зъ казенного мужика зробився я паномъ,
И дворянство доказавъ, хоть уже и не даромъ".
(Кіевс. Стар. 1882 г. № 1).

Да,—эти „доказательства" устраивались „не даромъ" и стоили немало хлопотъ и расходовъ.....

[1]) См. А. Лазаревскій „Свѣдѣнія о предкахъ Г.", Чт. Несторов. об. кн. XVI стр. 10—11. Григоревскій въ „Ист. В." 1909, № 3.

[2]) Письма т. I, стр. 166, 198, т. III, стр. 497. Всѣ ссылки на письма Гоголя по изд. Маркса.

[3]) См. соч. Гоголя, т. VII, стр. 885. Всѣ ссылки на соч. Гоголя по X изд. Тихонравова-Шенрока.

духовнаго сана не принялъ, а пошелъ служить писаремъ по войсковымъ канцеляріямъ, сперва—полковой Миргородской, потомъ—гетманской въ г. Глуховѣ. Около 1768 г. мы застаемъ его въ роли учителя панскихъ дѣтей. Аѳанасій Демьяновичъ былъ человѣкъ энергичный и предпріимчивый; ему полюбилась сестра его учениковъ, а можетъ быть и ученица, дочь бунчуковаго товарища Татьяна Семеновна Лизогубъ. Несмотря на явный mésalliance съ войсковымъ канцеляристомъ, молодая дѣвушка вышла замужъ за А. Д. около 1769 г., и, по сохранившемуся преданію, бракъ состоялся съ романическими приключеніями и „похищеніемъ“ невѣсты на манеръ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“. Такимъ образомъ, урожденный поповичъ ввелъ въ свою семью представительницу именитаго козацкаго рода, такъ какъ Лизогубы были родственниками гетмановъ Полуботка и Скоропадскаго. Прабабушка писателя была дочерью переяславскаго полковника Василія Танскаго (ум. 1763 г.), прославившагося своимъ корыстолюбіемъ и жестокостью по отношенію къ козакамъ и крестьянамъ. Ему же приписываютъ, и весьма правдоподобно, созданіе бытовыхъ комическихъ сценъ, такъ называемыхъ „междувброшенныхъ игралищъ“,—популярныхъ малорусскихъ интерлюдій. О Танскомъ—писателѣ отзывались въ XVIII в., какъ о „славномъ природномъ стихотворцѣ во вкусѣ площадномъ, нашемъ Плавтѣ, нашемъ Мольерѣ, ежели что не болѣ“ [1]). Семенъ Лизогубъ, внукъ гетмана Скоропадскаго, былъ человѣкъ образованный, по нраву кроткій и тихій и въ высшей степени благочестивый. Письма его полны текстами изъ священнаго писанія и проникнуты религіозно-мистическимъ настроеніемъ. Они могутъ напомнить, (если отбросить немногія архаическія выраженія), нѣкоторыя письма Н. В. Гоголя особенно въ послѣдній періодъ его жизни: та же въ нихъ проповѣдь любви къ ближнему, та же покорность волѣ Божіей и ожиданіе возмездія за грѣхи земной жизни. Дочь Семена Лизогуба, бабка поэта, внесла относительный достатокъ въ семью, потому что самъ Аѳанасій Демьяновичъ владѣлъ всего 5 крѣпостными душами. Послѣ смерти сына Василія въ 1825 г. она составила духовное завѣщаніе на свое имѣніе въ с. Васильевкѣ и мѣст. Ярескахъ Миргородскаго и Полтавскаго уѣздовъ, состоявшее изъ 137 душъ и тогда оцѣненное въ 60 тысячъ рублей. Это и былъ имущественный родовой цензъ Гоголей. Татьянѣ Семеновнѣ передалось мистически-религіозное

[1]) Письмо Лобысевича къ Г. Конисскому 1794 г. См. Археол. сбор. докум. къ ист. С.-З. Руси, ч. II, стр. 147.

настроеніе отца; имѣла она также способность къ живописи и очень хорошо рисовала картинки деревенской природы и обстановки, долго сохранявшіяся у внучекъ. Любимымъ внукомъ ея былъ „Никоша“, какъ называли Н. В. родные, которому Татьяна Семеновна и завѣщала болѣе чѣмъ половину своего имѣнія. Мы не можемъ прослѣдить отношеній и вліянія бабушки на поэта,—сохранилось лишь одно его дѣтское письмо къ ней изъ Полтавы 1820 г., да позже Н. В. Гоголь часто передавалъ Т. С. поклоны въ письмахъ изъ Нѣжина. Но все-таки не должно забывать, что будущій писатель, пріѣзжая въ юношескіе годы домой, всегда встрѣчалъ доживавшую свой вѣкъ въ с. Васильевкѣ дряхлѣющую бабушку, помнившую и Екатерининское время, и времена запорожской вольницы: еще въ 1827 г. эта глубокая старуха была жива и умерла не ранѣе 1830 года. Гораздо раньше ея умеръ Аѳанасій Демьяновичъ. По семейнымъ свѣдѣніямъ, онъ былъ занимательнымъ разсказчикомъ эпизодовъ изъ полковой козацкой жизни, умѣвшимъ каждый разъ въ свои повѣствованія вставить новые варіанты, часто придуманные имъ во время самаго теченія рѣчи [1]). А ему было кое что поразсказать, такъ какъ А. Д. около 30 лѣтъ терся по войсковымъ канцеляріямъ, только въ 1781 г. былъ награжденъ званіемъ бунчуковаго товарища, а въ 1788 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора. Мы уже знаемъ, что въ разгаръ превращенія малорусской козацкой старшины въ шляхетское благородное сословіе протиснулся и онъ въ дворянскіе ряды. Не могъ сынъ не знать, что и отецъ, и дѣдъ его были попами, но перерождающееся въ дворянство козачество особенно старательно избѣгало связывать свое происхожденіе съ людьми духовнаго и посполитаго состоянія. Не прилично было и пожалованному въ полковые писаря за „рачительное исполненіе службы“ самимъ гр. Румянцевымъ напоминать о своемъ званіи „поповича“, и Аѳанасій Демьяновичъ съ легкимъ сердцемъ ополячилъ своихъ предковъ. До насъ дошла и дворянская грамота, выданная А. Д. Гоголь-Яновскому [2]) изъ дворянскаго депутатскаго

[1]) См. *В. Чаговецъ* „Семейн. хроника Гоголей“. Кіевъ 1902 г., стр. 24, 43—45, 27 и др. и „Восп. О. В. Головни“, сестры писателя. Кіевъ 1909 г., стр. 26.

[2]) Сынъ его подписывался и Гоголемъ, и Яновскимъ; Ник. Вас. окончательно старался отдѣлаться отъ второй части фамиліи, которую писатель считалъ „польскою выдумкою“ (Восп. Лонгинова, „Современникъ“ 1854 г. № 3), и просилъ пріятелей и знакомыхъ не называть его Яновскимъ. Сосѣди же и мѣстный народъ всегда называли Гоголей преимущественно Яновскими, а с. Васильевку исключительно — Яновщиной (см. В. Горленка „О роднѣ Г.“ „Молва“ 1880 г. № 22 и др.). Также и въ Нѣжинѣ Н. В. почти всегда именовали Яновскимъ.

собранія Кіевской губерніи 21-го апрѣля 1785 г. Съ этого времени и стали предки поэта дворянами. Но позже въ семьѣ Гоголей не знали даже толкомъ, столбовые ли они дворяне, или нѣтъ, записаны ли въ VI или VIII родословную книгу и доказано ли происхожденіе ихъ отъ полковника (священника?!) Яна Гоголя и т. п. [1]).

Когда Аѳанасій Демьяновичъ сталъ дворяниномъ, его сыну Василію было около пяти лѣтъ, такъ какъ, вѣроятнѣе всего, онъ родился въ 1780 г. [2]), учился же въ Полтавской семинаріи въ 1792—1796 гг., т. е. лѣтъ на десять позже извѣстнаго писателя И. П. Котляревскаго, автора „Энеиды“ и малорусскихъ комедій. Есть свѣдѣнія, что Василій Аѳанасьевичъ былъ по примѣру своего отца, еще и въ Кіевской духовной академіи [3]), что, по крайней мѣрѣ, возможно, потому что семейныя духовныя традиціи въ достаточно первобытной патріархальной средѣ Гоголей не могли не играть роли, хотя тщательно скрывались передъ офиціальнымъ міромъ. Службу Гоголь-отецъ проходилъ чиновничью въ малороссійскомъ почтамтѣ (директоромъ почтъ въ это время былъ Д. П. Трощинскій, уже тогда покровитель семьи Гоголей-Яновскихъ) и вышелъ въ отставку въ 1805 г. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ еще двадцать лѣтъ небогатымъ помѣщикомъ, частнымъ лицомъ, кромѣ непродолжительной службы въ качествѣ секретаря Д. П. Трощинскаго и завѣдывающаго хозяйственной частью его имѣній. Василій Аѳанасьевичъ былъ человѣкъ мягкій, покладистый, услужливый, чувствительный, сантиментально настроенный, начитанный въ „романической“ литературѣ, слегка фантазеръ, юмористъ-разсказчикъ, веселый балагуръ въ обществѣ, но въ то же время человѣкъ болѣзненный, отчасти суевѣрный и сильно мнительный (постоянно боялся смерти и преувеличивалъ до крайности всякія бѣды). Былъ онъ любителемъ книжекъ, выписывалъ харьковскій журналъ „Украинскій Вѣстникъ“, поддерживалъ связи съ писателями — мѣстными уроженцами, какъ напримѣръ, съ Капнистомъ, авторомъ обличительной комедіи „Ябеды“, предшественницы пьесъ Николая Гоголя, Сухово-Кобылина и Островскаго, съ Полетикой, причастнымъ къ созданію знаменитой „Исторіи руссовъ“ и т. п. Съ дѣтства Василій Аѳанасьевичъ уже писалъ стихи, особенно шуточнаго эпистолярнаго характера, и небезызвѣстенъ остался въ исторіи малорусской литературы. До насъ дошла полностью

[1]) Письмо Н. В. Гоголя 1851 г. т. IV, стр. 368.

[2]) На могильномъ памятникѣ Василію Аѳанасьевичу годъ рожденія обозначенъ 1777 („Памяти Гоголя“, Сб. об—ва Нестора, отд. V, стр. 29).

[3]) Вѣст. Евр. 1890 г. № 1, стр. 76.

его одноактная комедія „Простакъ“ и содержаніе водевиля „Собака-Вивця“ [1]). Комедія Гоголя-отца не лишена литературныхъ достоинствъ. Очень вѣроятно, что „Простакъ (Романъ и Параска) или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ“ написанъ не безъ вліянія сходнаго по сюжету водевиля Ив. Котляревскаго, но пьеса Гоголя живѣе и тоньше по своей литературной обработкѣ [2]). Водевили Василія Аѳанасьевича написаны были скорѣе всего въ началѣ 20-хъ гг. XIX-го в. Въ то время въ полтавскія свои помѣстья переселился Д. П. Трощинскій. Объ этомъ сановникѣ и образѣ его жизни въ Малороссіи необходимо сказать нѣсколько словъ.

Дм. Прок. Трощинскій, министръ удѣловъ, а затѣмъ юстиціи (1814—1817), былъ сыномъ козака и принадлежалъ къ тѣмъ малороссіянамъ, которые выдвигались дѣловитостью и работоспособностью и путемъ разныхъ канцелярій достигали при петербургскомъ правительствѣ высшихъ должностей и чиновъ. Онъ былъ современникомъ (р. 1754, ум. 1829) Безбородка, Завадовскаго и др. На склонѣ лѣтъ, выйдя окончательно въ отставку, Трощинскій поселился въ своемъ роскошномъ имѣніи с. Кибенцяхъ Миргородскаго уѣзда, наѣзжая въ с. Ярески, гдѣ владѣли землей и Гоголи. Послѣдніе приходились Д. П. Трощинскому родственниками: жена брата министра Анна Матв. Косяровская была родной теткой Маріи Ив. Гоголь [3]), а жена его племянника и наслѣдника А. А. Трощинскаго Ольга Дм.—большой пріятельницей матери писателя, что видно изъ ихъ дошедшей до насъ оживленной переписки. Д. Трощинскій былъ своего рода меценатъ, покровитель искусствъ и любитель увеселеній въ стилѣ пышныхъ затѣй XVIII в. Его усадьбу Кулишъ называетъ „Аѳинами временъ Гоголева отца“. Но была ли она Аѳинами или нѣтъ, а мѣстомъ веселыхъ развлеченій скучающаго вельможи, въ которыхъ принимали участіе паны всей округи, была несомнѣнно. Иногда на разнообразныя торжества въ Кибенци съѣзжались и жило нѣсколько дней подрядъ не одинъ десятокъ помѣщиковъ съ чадами и домочадцами. Обычными развлеченіями служили прогулки, танцы, игры въ карты, иллюминаціи и фейерверки, смѣхотворныя штуки, придумываемыя иногда досужей

[1]) См. „Записки о жизни Г.“ Кулиша, т. I, стр. 15—16.

[2]) См. *Кулишъ*, въ „Основѣ“ 1862 г. № 2, Мар. К. въ „Рус. Спенѣ“ 1867, № 6—7, *Дашкевичъ*, „О литерат. источн. „Москаля-Чаривника“ 1893 г. и „Малорусск. и др. бурлеск. Энеиды“ 1898 г.

[3]) М. И. Гоголь воспитывалась у А. М. Трощинской. „Изъ семейной хроники Гоголей“, Кіевъ, 1909 г., стр. 21.

фантазіей хозяина, а чаще—гостей и прихлебателей, забавы надъ дурачествами какого-то Романа Ивановича, исправлявшаго въ домѣ роль шута, и предмета общаго издѣвательства—ненормальнаго заштатнаго священника о. Варѳоломея, проживавшаго въ усадьбѣ, и др.; а затѣмъ большую роль среди увеселеній играли театральныя представленія, буффонады и балетныя феерія. Въ одномъ письмѣ М. И. Гоголь въ полной неприкосновенности сохранилось описаніе типичной барской потѣхи у Трощинскаго. Кибенецкій поваръ Василій женился. Вельможа устроилъ свадьбу, во время которой особенно отличались исполненіемъ малорусскихъ и великорусскихъ танцевъ крѣпостные артисты „Сашка да Орька“ (Ирина). «За обѣдомъ Сашка просилъ позволенія танцовать ввечеру балетъ съ Орькой; ему позволили—и опять былъ балъ. Въ балетѣ онъ отличился чрезвычайно, но и когда заиграла музыка, надъ которой онъ трудился нѣсколько дней и дѣлалъ репетицію нѣсколько разъ, то онъ выскочилъ изъ бухвета съ палочкой въ рукѣ, одѣтъ петиметромъ, и вдругъ палъ на колѣни передъ Орькой, дѣлалъ разнія странности, поднимался и опять падалъ, и кончилось тѣмъ, что онъ увелъ ее, при необыкновенномъ звукѣ музыки, изъ столовой, сопровождаемъ аплодированіемъ. Послѣ начались обыкновенные танцы. Дм. Пр. велѣлъ людямъ танцовать мазурку, и они танцовали ее въ карикатурномъ видѣ» [1]). Въ этихъ-то „Аѳинахъ“, на кибенецкомъ театрѣ, давалъ свои пьесы и режиссерствовалъ Гоголь-отецъ. Трощинскій хотя и былъ гостепріименъ, но держалъ себя среди провинціальнаго общества гордо и недоступно. Не стоялъ на равной ногѣ съ вельможей и Василій Аѳанасьевичъ. Какъ небогатые родственники, Гоголи пользовались покровительствомъ Трощинскаго, получали отъ него подарки, иногда подолгу проживали въ одномъ изъ флигелей усадьбы, могли пользоваться библіотекой, врачемъ [2]),—но и только. За это В. А. благодарилъ патрона усердіемъ по части увеселеній, до которыхъ былъ охотникомъ и онъ, и жена его. Вообще же, и на родителей, и на юношу-Гоголя сильное впечатлѣніе производили кибенецкія развлеченія и вельможная фигура бывшаго козака, нынѣшняго государственнаго чиновника высшаго ранга.

Въ 1808 г. Вас. Аѳ. Гоголь женился на Марьѣ Ив. Косяровской, дочери сосѣда, владѣтеля небольшого хутора Кременчугскаго уѣзда, сперва военнаго служаки, потомъ харьковскаго почтмейстера. Замужъ

[1]) Рус. стар. 1882, № 6, стр. 662.

[2]) *В. Шенрокъ* „Матеріалы“.., т. I, стр. 40—50 и ниже.

М. И. Косяровская вышла очень молодой (лѣтъ 16); свадьба, какъ и рожденіе старшаго сына „Никоши“, связаны были для нея съ таинственными предзнаменованіями. Такъ, М. И. Гоголь говоритъ, что мужу указала на нее „Царица Небесная. Онъ меня тогда увидалъ неимѣющую году и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во всѣ возрасты моей жизни“ [1]). Боязливая молодая супруга поѣхала изъ своего села Васильевки въ м. Большія Сорбчинцы, гдѣ жилъ тогда популярнѣйшій и искусный врачъ М. Я. Трохимовскій. Тамъ и родился великій писатель 20-го марта 1809 г., какъ значится въ метрической записи Преображенской Сорочинской церкви. Передъ трудными родами М. И. Гоголь дала обѣщаніе назвать ребенка, на случай будетъ сынъ, Николаемъ во имя чудотворнаго образа Николая Диканьскаго и принесла обѣтъ построить церковь въ с. Васильевкѣ. Эта церковь была потомъ построена, несмотря на ограниченность средствъ у васильевскихъ помѣщиковъ, такъ что М. И. Гоголь принуждена была для пріобрѣтенія церковныхъ вещей отдать за нихъ свое старинное серебро. У Гоголей дѣтей было много, но изъ родившихся четырехъ сыновей и шести дочерей остались въ живыхъ только Николай Васильевичъ и четыре его сестры—Марія, Анна, Елизавета и Ольга. Мать писателя надолго пережила сына и умерла въ 1868 г. По натурѣ своей она была довольно простодушной, весьма впечатлительной, мало уравновѣшенной, непрактичной, погруженной въ мелочи окружающей жизни, суетливой и суетной барыней. Съ дѣтства М. И. Гоголь преисполнилась своеобразно-религіознаго настроенія, въ чемъ превосходила даже своего мужа: постоянно предугадывала всякія несчастія, вѣрила снамъ, предсказаніямъ, „критическимъ“ днямъ и т. п., а послѣ смерти В. А. Гоголя религіозность ея приняла особенно напряженный характеръ. Апатія, какая-то странная мечтательность, мрачныя думы и тяжелыя предчувствія часто овладѣвали душой М. И. Гоголь и, при упрямствѣ старѣющей женщины, не было никакой возможности разсѣять ея мнительную подозрительность и мистически-суевѣрные страхи.

Таковы были родители будущаго великаго писателя. Среда, въ которой они выросли и жили, является передъ нами глубоко-провинціальной, типично патріархальной. Но многое въ отдѣльныхъ представителяхъ ея было и своеобразнаго, нарушающаго цѣльность міровоззрѣнія, его непосредственность и наивную простоту. Мальчикъ

[1]) „Записки о Г.“ *Кулиша*, т. I, стр. 17.

Н. В. Гоголь прожилъ почти всѣ двѣнадцать лѣтъ, до поступленія въ Нѣжинскую школу, въ родительскомъ домѣ, среди деревенской обстановки. Тамъ же проводилъ онъ и каникулярное время до переѣзда въ Петербургъ. Впечатлѣнія мягкой и ласковой южной природы, оригинальнаго простонароднаго украинскаго быта, семейной то старосвѣтски-простодушной, то искусственно-приподнятой жизни могучимъ потокомъ вливались въ душевный міръ воспріимчиваго и наблюдательнаго ребенка. Фактическія данныя объ этой ранней порѣ существованія Гоголя немногочисленны и неполны. Мы должны только отмѣтить, что дивная природа и окружающіе люди—а прежде всего это были крѣпостные—для Н. В. Гоголя объединялись въ цѣльную общую картину мирнаго, установившагося изстари, непоколебимаго строя, въ которомъ для него была видна одна лишь идиллія и ничего не напоминало о былой трагедіи. Родители Гоголя принадлежали къ помѣщикамъ средней руки и смирнаго нрава; „подданные" ихъ, люди „посполитые", были усмиренные послѣ долгой борьбы за свою волю и счастье крестьяне: не даромъ они уже пережили насиліе успокоенія Танскаго и подобныхъ ему земельныхъ собственниковъ. Обѣ стороны даже обжились и примѣнились другъ къ другу. Рутинный укладъ помѣщичьей жизни наложилъ властную руку на окружающую обстановку, и подъ ея вліяніемъ слагалось міропониманіе Н. В. Гоголя. Изъ своего уютнаго угла Гоголи выѣзжали съ дѣтьми или къ подобнымъ же помѣщикамъ, или въ усадьбу Трощинскаго, гдѣ ихъ окружали соблазны заманчиваго богатства, чиновничьяго благополучія и картины низкопоклонныхъ почестей, къ вельможѣ-родственнику, котораго и за глаза въ семьѣ Гоголей называли „превосходительствомъ" и „благодѣтелемъ". Ѣздили часто и на богомолье. М. И. Гоголь особенно любила путешествія въ сосѣднюю Диканьку, гдѣ былъ большой храмъ и чудотворный образъ. Она, отправляясь туда говѣть со всей семьей, брала и старшаго сына [1]). Н. В. Гоголь и впослѣдствіи вспоминалъ въ письмахъ, какъ много вліяла на него мать въ смыслѣ религіознаго воспитанія. Такъ, напримѣръ, онъ писалъ ей 2-го октября 1833 г.: „одинъ разъ,—я живо, какъ теперь, помню этотъ случай,—я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя мученія грѣшни-

[1]) Восп. О. В. Головни у В. Чаговца „На родинѣ Гоголя" К. 1902 г., стр. 6.

ковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ великія мысли". Дома же Н. В. Гоголь началъ и учиться. Свидѣтельство Гр. Данилевскаго, будто онъ безъ учителя уже умѣлъ читать въ три года [1]), недостовѣрно. Правдоподобнѣе свѣдѣніе Кулиша, что Н. В. Гоголь учился въ с. Васильевкѣ у какого-то семинариста. Затѣмъ онъ съ младшимъ братомъ Иваномъ болѣе года жилъ въ Полтавѣ, готовился у одного учителя и поступилъ тамъ въ повѣтовое уѣздное четырехклассное училище. Къ лѣту 1820 г. Н. В. Гоголь возвратился домой, братъ его умеръ, а онъ уже въ Полтаву не возвращался.

II.

Кончились дѣтскіе годы „Никоши". Въ маѣ 1821 г. онъ былъ отданъ въ Нѣжинскую гимназію высшихъ наукъ, открытую на средства гр. Безбородка за годъ передъ тѣмъ. По ходатайству Д. Трощинскаго, Гоголя приняли туда на казенный счетъ. Школьный періодъ писателя продолжался семь лѣтъ. Поступилъ онъ въ гимназію на тринадцатомъ году съ необыкновенно малыми познаніями, такъ что выдержалъ экзаменъ только по Закону Божьему.

Что же могла дать и что дала великому писателю школа высшихъ наукъ?

Нѣжинская гимназія, впослѣдствіи лицей Безбородка, была создана, какъ привилегированное учебное заведеніе, по типу подобныхъ школъ начала XIX в. Предшественниками ея были Царскосельскій лицей, Демидовскій въ Ярославлѣ и Ришельевскій лицей въ Одессѣ. Нѣжинская гимназія должна была для своихъ воспитанниковъ замѣнить среднее и высшее учебное заведеніе съ обще-образовательнымъ и спеціально-юридическимъ курсомъ. Историкъ этой школы Н. Лавровскій основательно указываетъ на субъективный характеръ отзыва самого Гоголя въ письмѣ къ матери о гимназіи, какъ о „глупомъ заведеніи", въ которомъ онъ ничему не научился и потерялъ время даромъ (Письма, т. I, стр. 97). Н. Лавровскій обстоятельно разъясняетъ, что желавшіе могли научиться кое-чему серьезному въ гимназіи высшихъ наукъ, которая для своего времени была далеко не безнадежной школой [2]). Во всякомъ случаѣ, Гоголь прежде всего вынесъ изъ Нѣжинской гимназіи кое какое знаніе языковъ, литературную начитан-

[1]) Собр. соч., т. IX, стр. 424.
[2]) Изв. Нѣжин. Ист.-фил. инст., т. III.

ность, энциклопедическіе отрывки изъ разнородныхъ наукъ и нѣкоторое увлеченіе вопросами философіи политическихъ наукъ, благодаря лекціямъ профессора Бѣлоусова. Объ этомъ преподавателѣ, почитателемъ котораго былъ Гоголь, соученикъ Николая Васильевича Н. Кукольникъ писалъ: „Бѣлоусовъ съ глубочайшимъ искусствомъ изложилъ намъ всю исторію философіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественнаго права въ нѣсколько лекцій такъ, что въ головѣ каждаго изъ насъ установился прочный скелетъ науки наукъ“. Были въ гимназіи и другіе преподаватели—профессоръ нѣмецкой словесности Зингеръ, французской литературы Ляндраженъ, математики Шаполинскій — хорошіе, достаточно способные и знающіе учителя [1]). Въ то же время въ юной жизни Николая Васильевича и его товарищей сыграли большую роль литературныя увлеченія. Подъ руками учащихся была и гимназическая и, что особенно важно, частная ученическая библіотека, пріобрѣтенная на общія деньги, собираемыя въ складчину (есть свѣдѣнія, что Гоголь былъ библіотекаремъ ея). Для великаго писателя время пребыванія въ гимназіи было временемъ самообразованія подъ вліяніемъ современной литературы, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Сперанскій, указывая и на сходные моменты въ положеніи Гоголя и Пушкина: достоинство Царскосельскаго лицея и Нѣжинской гимназіи заключалось въ той свободѣ, съ которой оба были открыты для вліяній извнѣ, благодаря неустойчивости и неопредѣленности мало удовлетворявшей воспитанниковъ энциклопедической программы самой школы [2]). Книги и журналы, даже на иностранныхъ языкахъ, покупались и доставались воспитанниками у родныхъ и знакомыхъ. Такъ, Николай Васильевичъ часто писалъ отцу и матери о присылкѣ ему той или другой книги и изъ богатой кибенецкой библіотеки, и изъ дому. Довольно сказать, что онъ уже 1-го октября 1824 г. адресуется къ отцу: „вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму „Онѣгинъ“; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ ихъ прислать? Еще нѣтъ у васъ какихъ-нибудь стиховъ? То и тѣ пришлите“. Характерно, что первая глава „Евгенія Онѣгина“ появилась въ печати лишь къ началу 1825 г., слѣдовательно дѣло идетъ о рукописномъ текстѣ ея, и пятнадцатилѣтній Гоголь уже, видимо, волнуется, какъ бы скорѣе заполучить новое созданіе любимаго поэта. Стихи, вообще, интересовали

[1]) Біографіи ихъ см. „Лицей кн. Безбородко“, С.-Пб. 1859 г., стр. 95—100, 107—108, 118, 141—143, а также Н. Гербеля „Гимн. высш. наукъ и лицей Безбородка“ 1882 года.

[2]) „Гимн. высш. наукъ и нѣжинск. періодъ жизни Гоголя“, Кіевъ 1902 г.

особенно юнаго Николая Васильевича. Къ этому времени онъ, какъ и нѣкоторые другіе его товарищи, былъ уже не только усерднымъ читателемъ, но и ретивымъ писателемъ. Въ біографіи П. Рѣдкина, старшаго соученика Гоголя, разсказывается, какъ Рѣдкинъ у себя въ комнатѣ устроилъ работу надъ переводомъ и сокращеніемъ полной всемірной исторіи, изданной обществомъ англійскихъ ученыхъ; въ этой работѣ принимали участіе В. Тарновскій, Кукольникъ, Базили и др. И въ той же комнаткѣ Рѣдкина постоянно собирался кружокъ товарищей-журналистовъ, издателей рукописныхъ журналовъ и альманаховъ, для чтенія и критической оцѣнки заключавшихся въ нихъ статей [1]). Среди этихъ юныхъ литераторовъ значительную роль игралъ Н. В. Гоголь. По свидѣтельству его друга Прокоповича, Гоголь вскорѣ послѣ поступленія въ гимназію уже читалъ ему балладу „Двѣ рыбки“, гдѣ въ сантиментально-трогательныхъ стихахъ изображалъ судьбу свою и рано почившаго брата. Самъ писатель говоритъ, что „первые его опыты, первыя его упражненія въ сочиненіяхъ были въ лирическомъ и серьезномъ родѣ“ (Авторск. исп.). Къ нимъ, очевидно, надо отнести трагедію Гоголя „Разбойники“, повѣсть „Братья Твердиславичи“, стихотворенія въ родѣ „Непогоды“ и т. п. Произведенія эти помѣщались въ издаваемыхъ имъ журналахъ: „Звѣзда“, „Сѣверная Заря“, „Метеоръ Литературы“ [2]). Все это было написано „высокимъ штилемъ“, и художественное творчество, по большей части, укладывалось въ стихотворный размѣръ. Конечно, этимъ воздавалась и дань времени, но едва ли по этимъ литературнымъ опытамъ можно устанавливать вліяніе и тяготѣніе молодого Гоголя къ романтизму. Въ ранніе юные годы кто и когда не писалъ стиховъ и не изображалъ ужасовъ, и не серьезничалъ въ первыхъ „пробахъ пера“, начиная съ тѣхъ, кто потомъ, кромѣ рапортовъ и канцелярскихъ бумагъ, иной „литературы“ не вѣдалъ, и кончая тѣми, кто впослѣдствіи сталъ маленькимъ ли, большимъ ли писателемъ? Такъ было и съ Николаемъ Васильевичемъ. Но не все и не всегда создавалось имъ въ лирическомъ и серьезномъ тонѣ. Мы знаемъ, что онъ писалъ и акростихи, и эпиграммы, а изъ стиховъ одного товарища, неудачника-виршеплета, составилъ въ насмѣшку цѣлый альманахъ „Парнасскій навозъ“. Гр. Высоцкій, пріятель по школѣ Гоголя, приводитъ одинъ акростихъ его на товарища, прозваннаго Спиридономъ Разстригою—„Се образъ жизни

[1]) „Лицей Безбородко“, стр. 97.

[2]) Объ январ. № 1826 г. „Мет. лит.“ см. *С. Пономарева* въ „Кіев. стар.“ 1884 г., № 5.

нечестивой [1])... Другой товарищъ, Т. Пащенко, приводитъ эпиграмму Гоголя на воспитателя Зельднера, популярную среди нѣжинскихъ учениковъ и часто распѣвавшуюся къ великой досадѣ педагога. Это четверостишіе написано по малорусски:

Гыцель (живодеръ)—морда поросяча,
Журавлыни ножки (намекъ на длинныя ноги З.),
Той же чортыкъ, що въ болоти,
Тильки прыставь рожки [2]).

Наконецъ, Николаемъ же Васильевичемъ была написана большая сатира на жителей гор. Нѣжина, „сосуществователей“, какъ онъ ихъ называлъ: „Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ“. Въ этой сатирѣ авторъ изобразилъ типичныя лица разныхъ сословій, для чего взялъ нѣсколько торжественныхъ случаевъ, когда то или другое сословіе наиболѣе выказывало характеристическія черты свои, и по этимъ случаямъ раздѣлилъ сочиненіе на отдѣлы: 1) освященіе церкви на греческомъ кладбищѣ, 2) выборы въ греческій магистратъ, 3) вседная ярмарка, 4) обѣдъ у предводителя дворянства, 5) роспускъ и съѣздъ студентовъ. Гр. Высоцкій имѣлъ копію этого довольно обширнаго сочиненія, списанную съ автографа; но Гоголь, находясь еще въ гимназіи, выписалъ ее отъ него изъ Петербурга подъ предлогомъ, будто потерялъ подлинникъ, и уже не возвратилъ [3]). Такъ самый текстъ этой сатиры и не дошелъ до насъ.

Гораздо болѣе сказался будущій Гоголь въ своихъ увлеченіяхъ театральными представленіями, которымъ страстно отдавался въ старшихъ классахъ. Въ гимназіи школьныя представленія происходили одно время даже офиціально, и педагоги поддерживали это увлеченіе учениковъ или, какъ они снисходительно называли ихъ, наравнѣ съ упражненіями въ литературѣ,—„шалости“. На театрѣ въ Нѣжинской гимназіи разыгрывали пьесы оригинальныя русскія и переводныя—драмы, комедіи, водевили. Мы знаемъ изъ писемъ Гоголя, какъ онъ съ 1824 г. уже началъ просить у родителей пособій для театра въ видѣ полотна, костюмовъ, текстовъ драматическихъ произведеній и т. д. Будущій авторъ „Ревизора“ самъ былъ прекраснымъ режиссеромъ и актеромъ на комическія роли. Судя по тому, что онъ, собираясь на каникулы домой, просилъ прислать въ Нѣжинъ какую-то роль, можно думать, что Николай Васильевичъ участвовалъ и въ домашнихъ спек-

[1]) „Записки о жизни Гоголя“, *Кулиша* I, 51.

[2]) „Берегъ“ 1880 г., № 268.

[3]) „Записки о Гоголѣ“ *Кулиша*, т. I, стр. 52.

такляхъ, гдѣ могъ пріобрѣсти навыкъ для школьныхъ спектаклей. Послѣдніе въ 1827 г. имѣли характеръ не только классныхъ представленій, но давались даже при торжественной обстановкѣ и передъ избранной, многочисленной публикой [1]).

На школьной сценѣ, кромѣ настоящихъ пьесъ, происходило часто изображеніе и типическихъ лицъ и чертъ изъ народнаго быта, въ чемъ особенно отличался Гоголь, а также разыгрывались пьесы „съ какими-то собственными, только неизвѣстно чьими, дополненіями и прибавленіями“ [2]).

Откуда же брали исполнители-импровизаторы эти типическія черты народнаго быта, дополненія и прибавленія, которыя должны были оживлять игру юныхъ актеровъ и являлись нѣкоторымъ подобіемъ „междувброшенныхъ сценъ“, интерлюдій стараго времени ? О Гоголѣ мы положительно знаемъ, что онъ любилъ общеніе съ простонародьемъ и былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣжинскими обывателями. Онъ имѣлъ, напр., привычку выходить на большую дорогу, ведущую къ Нѣжину, на встрѣчу пригороднымъ крестьянамъ, наѣзжавшимъ на волахъ въ городъ на базаръ, и бесѣдовать съ ними на малорусскомъ языкѣ, а также часто вступалъ въ разговоры съ прислугою, съ базарными торговцами на рынкѣ и т. п. [3]). Сама гимназія была построена въ предмѣстьѣ города. Эта патріархальная часть Нѣжина, именовавшаяся „Магерки“, состояла изъ низенькихъ домиковъ, большею частью подъ соломенною крышею, отдѣлявшихся одинъ отъ другого плетневыми заборами [4]). Н. В. Гоголь постоянно, бывало, ходилъ на „Магерки“. Онъ имѣлъ тамъ много знакомыхъ между крестьянами. Когда у кого-нибудь изъ нихъ бывала свадьба или что другое, или когда выгадывался погодливый праздничный день, то Гоголь ужъ непремѣнно былъ тамъ [5]). Такое времяпровожденіе и общеніе съ обывателями и простолюдинами давало, конечно, Н. В. Гоголю и его товарищамъ богатый матеріалъ для вставочныхъ сценъ и всякихъ „дополненій и прибавленій“ въ театральныхъ представленіяхъ. Оно же немало принесло пользы будущему изобразителю пошлости захолустныхъ

[1]) См. письмо Гоголя къ матери отъ 26-го февр. 1827 г., и письмо М. И. къ О. Трощинской, Рус. стар., 1882 г. № 6, стр. 675.

[2]) См. докладъ проф. Никольскаго въ конференцію Нѣжинск. гимн. въ книгѣ Гербеля, стр. 57—58.

[3]) Воспом. Люб.-Романовича, Ист. вѣстн. 1902 г., № 2.

[4]) Восп. Кулжинскаго, „Москвитянинъ“ 1854 г., т. VI, стр. 7.

[5]) Восп. Артынова, „Рус. арх.“ 1877 г., № 10, стр. 191.

угловъ и нашло отраженіе въ кое-какихъ другихъ занятіяхъ, которыя интересовали Гоголя еще въ школьный періодъ жизни. Мы имѣемъ въ виду его записную книгу и лексиконъ малорусскихъ словъ.

До насъ дошла сохранившаяся у С. Аксакова „Книга всякой всячины или подручная энциклопедія“, составленная Н. Гоголемъ и отмѣченная датой: „Нѣжинъ. 1826“. Содержаніе этой рукописи въ 490 стр., расположенное въ совершенно безсистемномъ, исключительно алфавитномъ порядкѣ, очень разнообразно [1]). Съ точки зрѣнія интересовъ поэта, въ данное время наиболѣе для насъ важныхъ, отмѣтимъ лишь то, что значительная часть рукописи относится къ малорусской исторіи, этнографіи и лексикологіи. Такъ, въ книгѣ мы встрѣчаемъ „виршу, говоренную Потемкину запорожцами на свѣтлый праздникъ Воскресенья“, два документа юмористическаго содержанія — выговоръ гетмана Скоропадскаго Вас. Сологубу 1711 г. и декретъ миргородской ратуши 1702 г., двѣ малорусскихъ пѣсни, „Епиграфы“, выбранные изъ „Энеиды“ Котляревскаго; въ нѣсколькихъ мѣстахъ находятся весьма обширныя замѣчанія о малорусскихъ преданіяхъ, обычаяхъ, обрядахъ, подробности о малорусскихъ свадьбахъ, объ играхъ и увеселеніяхъ малороссіянъ, о малорусскихъ одѣяніяхъ, блюдахъ и кушаньяхъ, малорусскія загадки, присловья и т. п.; наконецъ, съ буквы „Б“ Гоголь началъ вписывать въ „энциклопедію“ объясненія малорусскихъ словъ подъ заглавіемъ „Л. М. Лекс. Малор.“ Источниками для этого словаря служили и собственныя свѣдѣнія, и книжныя объясненія, напримѣръ, изъ сборниковъ Цертелева 1819 г., Максимовича 1827 и т. п. Этимъ словаремъ Н. В. Гоголь воспользовался при изданіи „Вечеровъ на хуторѣ“. Онъ продолжалъ заниматься и дополнять его и по выходѣ изъ школы до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Очевидно, интересы будущаго писателя уже въ раннюю пору тѣсно были связаны съ его національностью и „мѣстными“ условіями жизни, которыя своими впечатлѣніями захватывали его глубоко. Не говоря уже о долгихъ пребываніяхъ у себя въ деревнѣ, Гоголь и въ Нѣжинѣ испытывалъ постоянныя и властныя вліянія родной національности съ ея оригинальными и выразительными особенностями. По происхожденію своему Гоголь былъ всецѣло окруженъ украинской средой, такъ какъ предки его всѣми бытовыми связями были еще прикованы къ своей народности; отовсюду впитывалъ онъ въ свою характерно украинскую натуру историко-литературныя тен-

[1]) Собр. соч., т. VII, стр. 873 — 891.

денціи, идейныя настроенія, бытовыя отраженія малорусской жизни, ея прошлаго и настоящаго, живой и недвижной природы края. Любопытно при этомъ, что родная рѣчь его дома въ дѣтствѣ, несомнѣнно, малорусская, испытываетъ обычный въ данное время для украинскаго образованнаго общества переломъ. Несмотря на то, что именно въ первой четверти XIX вѣка начинается возрожденіе украинской литературы, личнаго художественнаго творчества, какъ разъ тогда широкой волной разливается среди привилегированныхъ малорусскихъ слоевъ стремленіе усвоить себѣ русскую рѣчь и все болѣе и болѣе исключительно пользоваться ею не только какъ орудіемъ научно-художественнаго творчества, но и въ самомъ жизненномъ обиходѣ. Еще въ первой половинѣ XVIII вѣка россійскому правительству приходилось бороться путемъ цензуры, указовъ и гоненій съ обособленностью „черкасиновъ“, малорусской автономіей и украинскою рѣчью. Со второй половины того же вѣка тенденціи болѣе культурныхъ слоевъ населенія, особенно „новаго панства“, уже сами идутъ навстрѣчу великорусскимъ вліяніямъ; въ первой трети XIX вѣка это теченіе достигаетъ значительной силы. Главными проводниками направленія въ сторону обрусѣнія культурныхъ украинскихъ слоевъ, помимо правительственныхъ мѣръ, были: русская литература, достигавшая въ это время небывалой высоты и въ своемъ стремительномъ движеніи захватывавшая на пути всѣ лучшія, жизненныя силы, а затѣмъ — семья и школа. Семья настойчиво выдвигала необходимость русской рѣчи съ тою же цѣлью, съ какой новоиспеченные дворяне сочиняли небывалыя генеалогіи и готовы были всячески поддерживать устройство училищъ и даже университетовъ съ образовательными задачами на пользу состоятельныхъ классовъ: надо было возможно далѣе отстранить себя отъ всего, что напоминало правнукамъ, а часто и сыновьямъ, чисто мужицкимъ, о простонародіи. Все стремилось сдѣлаться чѣмъ-то большимъ, занять привилегированное положеніе и боялось тѣни своихъ предковъ. Но въ то же время отъ этого новаго привилегированнаго сословія пахло потомъ труда надъ землею, демократической грубостью козацкой вольницы, простымъ, но крѣпкимъ ароматомъ народныхъ преданій и возникшаго въ глубинѣ отдаленныхъ вѣковъ родного украинскаго слова, „материнской“ рѣчи. И особенно необходимо было отдѣлаться отъ этого наиболѣе выразительнаго, яснаго и несмываемаго пятна, отъ мужицкаго слова... Въ прежнее время рѣчью привилегированныхъ былъ языкъ польскій, теперь сталъ русскій. Дѣтей въ семьѣ, особенно

мальчиковъ, начали заставлять говорить непремѣнно „по пански“ и изгонять „хлопскую мову“, какъ постыдную, рабскую рѣчь [1]). Школа, со своей стороны, шла навстрѣчу и видамъ правительственнымъ сверху, и желаніямъ шляхетскимъ снизу. Въ XVIII вѣкѣ идетъ борьба во всѣхъ южнорусскихъ училищахъ, начиная съ Кіевской духовной академіи, чтобы преподаваніе велось исключительно „по московски“, чтобы науки изъяснялись „на россійскомъ языкѣ съ наблюденіемъ выговора, какой наблюдается въ Великороссіи“ [2]). Съ тою же цѣлью переиздаются для малороссіянъ „Правила о произношеніи россійскихъ словъ“ (1772 г.), „Краткія правила россійскаго правописанія“ и т. п. Со времени появленія въ началѣ XIX вѣка школъ новаго типа, такой борьбы за употребленіе русской рѣчи и произношеніе словъ „голосомъ, свойственнымъ россійскому нарѣчію“, вести уже не было надобности: семья посылала дѣтей въ школу именно за усвоеніемъ „россійскаго діалекта“, „благородныхъ“ наукъ и дворянскаго лоска. Школа въ этомъ смыслѣ давала то, что отъ нея требовалось. Такъ было и въ семьѣ Гоголей, и въ Нѣжинской гимназіи. По этому поводу проф. Лавровскій въ своей исторіи Нѣжинской школы приводитъ одинъ характерный эпизодъ. Директоръ гимназіи Орлай, не всегда понимавшій въ окружавшей его атмосферѣ мѣстныя общественныя и политическія отношенія, пожелалъ замѣнить плохого русскаго надзирателя Павлова опытнымъ иностранцемъ. Почетный попечитель А. Г. Кушелевъ-Безбородко отвѣтилъ на просьбу Орлая: „Находя мнѣніе ваше весьма справедливымъ, что нужно имѣть въ гимназіи гувернерами иностранцевъ для лучшаго обученія воспитанниковъ иностраннымъ языкамъ, нужнымъ почитаю замѣтить, что столь же необходимо обратить вниманіе на правильное и чистое употребленіе отечественнаго языка, наипаче въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ произношеніе и выговоръ имѣютъ

[1]) Очень характерный разсказъ приводитъ Т. Пащенко въ „Берегѣ“ 1880 г., № 268. „Пріѣзжая на родину, Н. Гоголь, составившій себѣ уже литературную славу, посѣщалъ сосѣдей. Однажды пріѣзжаетъ онъ къ сосѣдкѣ Н. и застаетъ тамъ гостей. У Н. былъ одинъ только семилѣтній сынъ, въ которомъ мать души не слышала и давала ему полную свободу. Закуска была на столѣ и подаютъ кофе; въ это время входитъ сынъ хозяйки. „Чего ты, душечка, хочешь?“ спрашиваетъ мать. „Вареныкiв хочу“, отвѣчаетъ мальчикъ. „Ахъ, какъ можно такъ говорить! Говори, душечка, по-русски“. А тотъ еще настойчивѣе: „Вареныкiв хочу, дайте мени вареныкiв“. Мать сильно сконфузилась и не знала, что дѣлать... Видитъ Гоголь, слышитъ и говоритъ матери: „Зачѣмъ вы мѣшаете ему? Пусть говоритъ онъ на своемъ родномъ нарѣчіи, придетъ время, и всему прочему онъ успѣетъ научиться“.

[2]) *Аскоченскій.* „Кіевъ съ его академіей“, т. II, стр. 342.

ощутительную разность: посему полагаю, что можно съ пользою для питомцевъ гимназіи оставить Павлова на надзирательской должности“. Подъ „отечественнымъ“ языкомъ, конечно, понимался языкъ великорусскій.

Въ семьѣ Гоголей, вышедшей недавно изъ среды преимущественно духовной, а въ не особенно отдаленномъ прошедшемъ—изъ простонародной, несомнѣнно, уживались въ обиходѣ два языка—русскій и украинскій. Какъ то обычно было въ шляхетскомъ міркѣ, послѣдняя рѣчь употреблялась для обихода—ею пользовались дѣти въ разговорахъ съ родителями, близкіе родственники между собою; наконецъ, и постоянное общеніе съ простонародьемъ заставляло ежеминутно прибѣгать къ ней. Это было стихійное, непобѣдимое условіе интимной жизни поднявшагося „наверхъ“ культурнаго слоя малорусскаго населенія. Для чужихъ, для выхода, такъ сказать, въ люди, для „общества“ была другая рѣчь—русская. „Материнское“ слово было домашней, будничной одеждой. Но, принимая гостей, выѣзжая въ гости, появляясь передъ публикой, малороссійскій панъ одѣвалъ обязательную, какъ ему казалось, да и какъ было принято всюду въ „приличномъ“ кругу, униформу литературнаго русскаго слова. Правда, этотъ костюмъ жалъ его, былъ на немъ узковатъ, домашній портной перекраивалъ его нѣсколько на свой ладъ, но все же было „по образованному“,—а ради этого можно было и постѣснить себя. Гоголь-отецъ прекрасно зналъ малорусскую рѣчь, онъ литературно владѣлъ ею, но, что очень характерно, прибѣгалъ къ ней лишь въ своихъ комедіяхъ изъ простонароднаго быта, а какъ только онъ выходилъ изъ сферы крестьянскихъ интересовъ и принимался писать стихи о себѣ или объ окружающихъ его людяхъ своего круга, лира Василія Аѳанасьевича настраивалась на ладъ русской рѣчи. В. Чаговецъ приводитъ стихотворный отрывокъ Гоголя-отца по имѣющейся у него рукописи; онъ начинается такъ:

„Но что же дѣлать мнѣ, я, право, самъ не знаю“ [1])..

Не менѣе характерно то, что и шляхетская переписка всегда велась даже между близкими людьми на „россійскомъ нарѣчіи“: говоримъ такъ потому, что рѣчь этой дворянско-малорусской переписки трудно назвать литературнымъ русскимъ языкомъ. Николай Васильевичъ Гоголь также хорошо зналъ и владѣлъ родной малорусской рѣчью, которой не позабылъ до самыхъ послѣднихъ дней своей скитальче-

[1]) „Гоголь и его предки“, стр. 33.

ской, далекой отъ родныхъ вліяній жизни, но всю переписку съ десятилѣтняго возраста велъ, согласно установившимся обычаямъ и привычкамъ, на языкѣ русскомъ.

Интересна судьба этой переписки, особенно въ школьный ея періодъ: подвергалась она различнымъ поясненіямъ. Для характеристики личности и міровоззрѣнія поэта письма эти, во всякомъ случаѣ, очень важны, почему мы сейчасъ и остановимъ вниманіе читателя на перепискѣ ученическаго періода.

Изслѣдователи писемъ Н. В. Гоголя преимущественно останавливались на „трезвости и дѣловитости“ ихъ, на практическомъ характерѣ писемъ и на заднихъ цѣляхъ, заключающихся въ нихъ [1]); находили въ перепискѣ юноши одну искусственность, неискренность, риторику, великолѣпное пустословіе, этикетную почтительность, даже— „постепенное извращеніе дѣтской души“ съ десятилѣтняго возраста, когда онъ уже занимался, де, въ корреспонденціи дипломатіей [2]). Съ такой характеристикой переписки юнаго Гоголя мы не можемъ согласиться. Прежде всего, три дѣтскихъ письма его изъ Полтавы 1820 г. писаны, безъ сомнѣнія, подъ диктовку старшихъ (особенно, къ родителямъ первое и третье, т. I, стр. 6, 8). А затѣмъ, при внимательномъ обозрѣніи всей Нѣжинской переписки, выступаютъ многія интересныя особенности отношеній въ Гоголевской семьѣ и отраженія ихъ на выработкѣ характера Н. В. Гоголя. Семья была многодѣтная; а родители, весьма стѣсненные въ средствахъ, очень увлекались „разсѣянностями“ жизни, и на дѣтей, вообще, мало обращали вниманія [3]). За весь періодъ ученія до осени 1825 г. Гоголю приходилось постоянно выпрашивать все, необходимое ему, начиная съ небольшихъ денежныхъ суммъ и оканчивая учебниками, теплой одеждой и т. п., вѣчно нужно было напоминать о себѣ, такъ какъ родители далеко не спѣшили выполнять настоятельныя просьбы сына, нужныя деньги не присылались по полугоду, и необходимость заставляла Н. В. Гоголя просить ихъ у своего дядьки Симона. Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ троекратно умоляетъ онъ выслать изъ дому учебники и пособія, трогательно проситъ прислать домашнихъ припасовъ, вишневаго клея, что собирали мальчики, или „сушеныхъ вишенъ безъ косточекъ“, а то „хоть чего-нибудь похуже“ (Письма, I, 17, 18).

[1]) *С. Венгеровъ*, „Писатель-гражданинъ“.

[2]) *Н. Коробка*, „Дѣтство и юность Гоголя“.

[3]) Изъ семейной хроники Гоголей „Воспом. О. В. Головни“, Кіевъ, 1909 г. стр. 4

Отправленный въ началѣ августа 1821 г. въ Нѣжинскую гимназію, мальчикъ три года подрядъ молитъ взять его на Рождественскій каникулярный мѣсяцъ, когда почти всѣ учащіеся разъѣзжались, и говоритъ: „Вы пишете, что не можно за мной прислать. Ахъ, сдѣлайте милость, пришлите за мною! Нужды нѣтъ, что живете въ Кибенцахъ; мнѣ съ вами вездѣ будетъ весело. Притомъ же погода къ празднику ежедневно становится лучше. Не откажите моей просьбѣ и осчастливьте своего сына“. Но родители не „осчастливили“ его, малаго и одинокаго, до самаго Рождества 1824 г., когда онъ впервые побывалъ зимой въ с. Васильевкѣ. Кромѣ „посланій на случай“, въ родѣ поздравительныхъ, мы всюду видимъ у Гоголя обычный тонъ дѣтскихъ и юношескихъ писемъ ко взрослымъ въ рамкахъ той условности, какую налагаетъ всякая переписка: ничего нѣтъ фальшиваго и достойнаго насмѣшки въ обращеніяхъ „дражайшіе родители“, „безцѣнная маменька“ и т. д., когда и донынѣ взрослые не отдѣлались ни отъ милостивыхъ и многоуважаемыхъ государей, ни отъ дорогихъ сударей и т. п. Ничего нѣтъ страннаго и въ разсказахъ мальчика, вынесшаго мнительность изъ дому, о болѣзняхъ и предчувствіяхъ; ничего нѣтъ непонятнаго и въ просьбахъ, когда нужды было много, а просить, кромѣ родныхъ, было не у кого. Да и родные его, какъ онъ видѣлъ съ дѣтства, постоянно просили, жаловались и ждали помощи отъ болѣе сильныхъ, — даже ѣздить на побывку домой приходилось Н. В. Гоголю въ чужомъ экипажѣ А. А. Трощинскаго. Вообще, привычка жить „благодѣяніями“ и при посредствѣ благодѣтелей была въ семьѣ Гоголей обычной. Такимъ образомъ воспитывался и Н. В. Гоголь, и его сестры въ институтѣ [1]). И надо сказать, что Гоголь во всю жизнь не могъ отстать отъ манеры вѣчно ходатайствовать и просить. Но родителей Н. В. любилъ, и письма его проникнуты нѣжнымъ отношеніемъ и къ роднымъ, и къ домашнимъ. Чѣмъ могъ, онъ старался утѣшить отца и мать. Любили его по своему и родители, но не такъ, какъ жаждали въ юные годы его сиротливая душа и наивно-восторженное сердце. Въ письмахъ Гоголя, правда, не мало скрытности и, мы бы сказали, обдуманности въ выраженіяхъ, но какъ же было поступать подрастающему юношѣ, когда онъ не видѣлъ полной, искренней простоты, горячаго участія и теплой предупредительности со стороны старшихъ? Пишетъ онъ домой о своихъ дѣтскихъ работахъ—сочиненіяхъ, пастельныхъ кар-

[1]) См. просьбы Н. Г. къ государынѣ черезъ Жуковскаго, Письма, т. II, стр. 6.

тинкахъ,—отцу его „не угодно было ихъ видѣть“; пишетъ онъ о томъ, что уже кое-что смыслитъ въ земледѣліи, и спрашиваетъ о домашнихъ хозяйственныхъ работахъ,—мать сердится на семнадцатилѣтняго юношу и упрекаетъ, что онъ „пустяки такіе пишетъ“, и т. п. И замыкается понемногу безъ того скрытный мальчикъ и юноша, уходитъ самъ въ себя, чувствуетъ, что ему самому надо о себѣ заботиться... Вотъ причины отсутствія простоты, довѣрчивости и непосредственнаго изліянія тайнъ душевныхъ въ перепискѣ Гоголя, но письма его, по крайней мѣрѣ въ юношескій періодъ, далеки отъ лицемѣрнаго пустословія и планомѣрной хитрости.

Годы ученія близились къ концу. Пережитый переломъ послѣ смерти отца, за три года до выхода изъ Нѣжинской гимназіи, значительно отразился на Н. В. Гоголѣ. Теперь онъ сталъ главнымъ наслѣдникомъ завѣщаннаго бабушкой имѣнія, получилъ права, но почувствовалъ обязанности и отвѣтственность передъ родными. Кругъ отношеній полтавско-миргородскаго захолустья становился весьма узкимъ для юноши, который привыкалъ слишкомъ внимательно, а отсюда—бережно и съ повышенной оцѣнкой относиться къ своему личному *я*.

Съ другой стороны, семья Гоголей прямо-таки была болѣе чѣмъ небогатой, особенно въ средѣ тѣхъ помѣщиковъ, къ какимъ тянули ея разныя отношенія. Хозяйство въ небольшомъ имѣніи и при отцѣ, обладавшемъ лишь талантами садить деревья и заботиться о красотѣ сада, велось плохо. Мать и сынъ были еще болѣе неопытными хозяевами, и немаленькая семья часто нуждалась и перебивалась кое какъ. Черезъ два мѣсяца послѣ окончанія гимназіи Н. В. Гоголь писалъ дядѣ П. П. Косяровскому по поводу отъѣзда на поиски за службой, что его „не беретъ охота ворочаться когда либо домой, особенно бывши нѣсколько разъ свидѣтель, какъ эта необыкновенная мать наша бьется, мучится, иногда даже о какой-нибудь копейкѣ, какъ эти безпокойства убійственно разрушаютъ ея здоровье,—и все для того, чтобы достать нужное намъ и удовлетворить даже прихотямъ нашимъ“ (I, 105). Надо ѣхать искать заработка—это прежде всего; затѣмъ, надо использовать все, что имѣешь и въ смыслѣ накопившагося знанія и опыта, и въ смыслѣ житейски-родственныхъ отношеній. О первыхъ Гоголь былъ самаго высокаго мнѣнія. Онъ „чувствовалъ крѣпкій гнетъ“, „онъ вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ и смѣшныхъ притязаній, холоднаго призрѣнія“, онъ „обтерся“ и т. п. (см. т. I, 98). Въ томъ же письмѣ

Н. В. пишетъ: „я слишкомъ много знаю людей, чтобы быть мечтателемъ. Уроки, которые я отъ нихъ получилъ, останутся навѣки неизгладимыми, и они—вѣрная порука моему счастію“. На протекцію и связи Трощинскихъ, дяди Дм. Прок. и племянника Ан. Ан., Гоголь очень разсчитывалъ. Онъ, когда еще едва задумывался о необходимости пробивать себѣ самостоятельную дорогу, писалъ матери, что предполагалъ сперва послать какое-нибудь сочиненіе въ Кибенцы, „его высокопревосходительству“, но „послѣ разсудилъ, что, поднесши какую-нибудь эфемерную мелочь“, мало принесетъ себѣ пользы и мало хорошаго дастъ о себѣ мнѣнія, и рѣшился, что „лучше пріуготовить себя къ занятіямъ гораздо важнѣйшимъ и сдѣлать что-нибудь достойное вниманія просвѣщеннаго вельможи, благодѣтеля Малороссіи“ (Письма, I, 51).

И вотъ складывается у Гоголя планъ ѣхать въ Петербургъ попытать счастья. Надо сказать, что среди нѣжинцевъ долго было сильное стремленіе переносить именно въ Петербургъ свою дѣятельность, тамъ „строить карьеръ“, выйдя изъ гимназіи высшихъ наукъ. Десятки молодыхъ людей до Гоголя и послѣ Гоголя направляли туда свои стопы, при томъ даже такихъ, которые не питали особенно широкихъ плановъ и не имѣли непомѣрнаго честолюбія, какъ Николай Васильевичъ. Нельзя не признать, что въ этомъ случаѣ играла роль „порода малороссійскихъ людей“ привилегированныхъ классовъ и положеній, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, сама не создавшая государственной жизни, но всегда завистливымъ окомъ взиравшая на государственный строй сосѣднихъ странъ, гдѣ слагалась и крѣпла любезная ихъ сердцу устойчивая правительственная власть. Когда великорусскій государственный строй пересталъ быть „иноземнымъ“, подобные люди „малороссійской породы“ вскорѣ потянулись въ Москву, а потомъ въ Петербургъ, служить государству и строить обновлявшійся укладъ бюрократической россійской державы. Такъ было въ XVII в., начиная съ гетманства Брюховецкаго, такъ было при Петрѣ Великомъ, и при Елизаветѣ и Екатеринѣ, и во времена Трощинскаго и Гоголя—не исчезло и теперь... Потянулись и нѣжинцы въ сѣверную Пальмиру тѣмъ болѣе, что не безъ вліянія на нихъ осталась и гимназія. Это, вѣдь, была не обыкновенная высшая школа, въ родѣ Харьковскаго коллегіума или даже университета, а привилегированное высшее училище, вскорѣ лицей, особо покровительствуемое людьми, вышедшими изъ родной среды и достигшими высшаго государственно-россійскаго значенія и чиновничьяго благополучія. Изъ

такихъ привилегированныхъ школъ, какъ Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ, Царскосельскій лицей и другія, тянулись люди къ центру правительственной власти, на петербургскую службу, предоставляя незамѣтную провинціальную служебную дѣятельность и незавидную карьеру заурядъ-студентамъ и другимъ мелкимъ сошкамъ.

Въ Петербургѣ къ 1827—1828 гг. образовался кружокъ лицъ изъ нѣжинцевъ, пріѣхавшихъ на „завоеваніе“ столичнаго города. Среди нихъ видное мѣсто занималъ Г. И. Высоцкій, старшій товарищъ и другъ Гоголя, имѣвшій на него сильное вліяніе [1]). За годъ до окончанія школы Николай Васильевичъ писалъ пріятелю: „Не знаю, можетъ ли что удержать меня ѣхать въ Петербургъ... Уже ставлю себя мысленно въ Петербургѣ, въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ, какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою довольной черни (мысль ужасна!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“ (I, 79, 78). А черезъ три мѣсяца послѣ этого Гоголь пишетъ П. П. Косяровскому, что его судьба загонитъ въ Петербургъ, „откуда наврядъ ли залучу когда либо въ Малороссію. Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хоть малѣйшую пользу... Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно полезенъ для человѣчества“ (I, 89). Это было идеалистическое обоснованіе для избранія служебнаго поприща. Но дѣло объяснялось и проще: юридическая служба была избрана Гоголемъ, во-первыхъ, потому, что и Гимназія высшихъ наукъ въ старшихъ классахъ представляла собою нѣсколько сокращенный юридическій факультетъ, и Гоголь съ товарищами увлекался лекціями проф. права Бѣлоусова, а во-вторыхъ, идеалъ многихъ малороссіянъ, стремившихся въ Петербургъ, Д. Трощинскій, былъ нѣкогда именно министромъ юстиціи и, казалось, на этомъ поприщѣ скорѣе

[1]) См. воспом. А. Данилевскаго, письма Гоголя къ Г. Высоцкому и брошюру проф. Владимирова „Изъ ученическихъ лѣтъ Г.“ Кіевъ, 1896.

всего можно достигнуть положенія, и въ будущемъ стать источникомъ всякихъ благодѣяній для близкихъ своихъ и покровителемъ далекихъ „существователей“. Еще въ мартѣ 1827 г. юноша пишетъ матери: „испытую свои силы для поднятія труда важнаго, благороднаго на пользу отечества, для счастія гражданъ и, дотолѣ нерѣшительный и неувѣренный въ себѣ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія“ (I, 68). Немного позже (ноябрь того же года) онъ добавляетъ: „въ твердомъ постоянномъ занятіи и въ глубокомъ обдумьи будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена жизнь моя, можетъ быть, незамѣтная, но, по крайней мѣрѣ, всѣ мои силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее однимъ благодѣяніемъ, одною пользою для общества“ (I, 93).

Въ іюнѣ 1828 г. Гоголь окончилъ Нѣжинскую гимназію по второму разряду съ правомъ на низшій чинъ, 14-го класса. Мать увѣряла, что профессора поступили съ нимъ несправедливо и сами полагали, что „Николаша“ достоинъ даже 10-го класса, но будущій великій писатель былъ ученикомъ лѣнивымъ къ наукамъ, какимъ и остался на всю жизнь. Передъ отъѣздомъ на службу пять мѣсяцевъ провелъ онъ въ Васильевкѣ. Неудержимо стремился Гоголь изъ дому, но всякія практическія соображенія мѣшали путешествію: надо было добыть рекомендаціи и собрать деньги. Письма были раздобыты, а деньги могли быть собраны лишь по осени. Въ это время Николай Васильевичъ, видимо, нервничалъ, мечталъ, суетился, писалъ проекты дарственной записи своихъ правъ въ пользу матери и сестеръ и такъ разсказывалъ о своихъ планахъ въ письмахъ къ дядѣ: „я ѣду въ Петербургъ непремѣнно въ началѣ зимы, а оттуда, Богъ знаетъ, куда меня занесетъ; весьма можетъ быть, что попаду въ чужіе края, что обо мнѣ не будетъ ни слуху, ни духу нѣсколько лѣтъ“ (I, 105). Тѣ же неопредѣленные, фантастическіе планы на случай неудачъ въ Петербургѣ, очевидно, охватывали юныя головы такихъ нѣжинцевъ, какъ Гоголь. Г. И. Высоцкому Николай Васильевичъ еще изъ гимназіи писалъ: „ты ужъ и успѣлъ дать за меня слово о моемъ согласіи на ваше намѣреніе (т. е. другихъ товарищей, находившихся въ Петербургѣ) отправиться за границу. Смотри, только впередъ не раскаяваться!“ (I, 75). Гоголь предполагалъ все же пожить съ годъ въ столицѣ, сдѣлать опытъ, а потомъ съ Высоцкимъ, — „куда ты, туда и я“. Предполагалось даже ѣхать искать счастья за океаномъ — въ Соединенныхъ Штатахъ. Ничего, понятно, романтическаго, никакихъ „грезъ молодыхъ романтиковъ“, какъ полагаютъ нѣкоторые, въ проек-

тахъ Гоголя и его пріятелей не было: передъ нами — лишь обыкновенная юношеская самоувѣренность, обычныя юношескія мечты, свойственныя во всѣ вѣка возрасту „широкихъ далей“ и „несбыточныхъ возможностей“, лѣтамъ, когда въ душахъ еще отражается дѣтская наивность, а юношеская бодрость устремляетъ мысль къ свѣтозарной будущности.

Въ началѣ декабря Гоголь, запасшись рекомендательными письмами, значительной суммой денегъ (не менѣе тысячи рублей) и захвативъ крѣпостного слугу Якима, вмѣстѣ со своимъ однокашникомъ и другомъ А. С. Данилевскимъ выѣхалъ изъ Васильевки через Нѣжинъ, Черниговъ, Могилевъ и Витебскъ въ Петербургъ, куда и прибылъ во второй половинѣ декабря 1828 года.

III.

Что же такое представлялъ собою молодой двадцатилѣтній путешественникъ, когда прибылъ въ столицу? Несмотря на весь огромный собранный біографическій матеріалъ [1]), несмотря на сотни статей, посвященныхъ характеристикѣ писателя и его творчества, мы мало знаемъ объ его личности съ точки зрѣнія выясненія сложной психологіи Гоголя. Во многомъ онъ еще и теперь остается для насъ тѣмъ „таинственнымъ Карло“, какимъ былъ нѣкогда для своихъ школьныхъ товарищей, давшихъ ему это прозваніе.

Въ Петербургъ этотъ загадочный незнакомецъ явился еще какъ бы не вполнѣ физически сложившимся, угловатымъ, худощавымъ, болѣзненнымъ, слегка сутуловатымъ юношей, немного смѣшнымъ провинціаломъ; онъ былъ небольшого роста, съ тонкимъ птичьимъ носомъ и непослушными волосами, такъ что еще два года спустя послѣ петербургской жизни его ученикъ Лонгиновъ вспоминаетъ кривыя ноги, хохолокъ волосъ на головѣ, не отличавшейся вообще изяществомъ прически, отрывистую рѣчь, безпрестанно прерываемую легкимъ носовымъ звукомъ, подергивающееся лицо своего учителя и костюмъ, составленный изъ рѣзкихъ противоположностей щегольства и неряшества [2]). Такой же нестройный укладъ представлялъ и его внутренній душевный міръ. Разбираясь въ безчисленномъ множествѣ воспоминаній о Гоголѣ-юношѣ, мы постоянно наталкиваемся на указаніе противорѣчій въ его характерѣ, на двойственность впечатлѣнія, которое производилъ онъ и на товарищей, и на знакомыхъ: то сострадательный, отзывчивый, живой, бодрый, веселый и шаловливый, то злой въ шуткахъ, замкнутый, лукавый, задумчивый, мнительный и склонный все преувеличивать, апатичный и лѣнивый является онъ передъ нами, какъ неуравновѣшенная натура не только въ школьные годы, но и въ болѣе самостоятельный періодъ жизни. О себѣ самомъ Н. В. часто или ничего не говоритъ въ письмахъ къ близкимъ людямъ, или говоритъ слишкомъ много, очевидно, желая заставить тѣхъ, кому пишетъ, думать о немъ въ желательномъ для него смыслѣ. Характерны въ этомъ отношеніи собственныя признанія Гоголя. „Недовѣрчивый ни къ кому, я никому не повѣрялъ,—пишетъ онъ П. Косяровскому,— своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло вызвать глубь души моей“ (I, 89). „Я почитаюсь загадкою для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собою вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ— угрюмый, задумчивый, неотесанный и прочее, въ третьемъ—болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ—уменъ, у другихъ—глупъ“ (письмо къ матери, I, 98). Такія же противоположныя впечатлѣнія производилъ Гоголь и въ Петербургѣ. Но ошибочно полагаютъ тѣ, кто думаетъ, что будущій писатель могъ самъ предумышленно создать вокругъ своей личности подобную атмосферу. Здѣсь передъ нами явленіе гораздо болѣе обыкновеннаго порядка: неясность цѣлей, неопредѣленность предстоящаго пути, экспансивность натуры, еще не установившейся, и многогранность сложнаго характера, — все это, несомнѣнно, только укрывалось въ замкнутомъ кругѣ его думъ и побужденій, за ширмами недоговоренности и лукавства. Впрочемъ, страсть къ шутливому издѣвательству, одурачиванію и мистификаціи у Гоголя проявлялась съ юныхъ лѣтъ и была очень сильно поддержана актерствомъ на школьномъ театрѣ. Объ этомъ разсказываютъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. Данилевскій, Кукольникъ, Стороженко и другіе.

Но самой крупной мистификаціей Гоголя была, конечно, фантастическая его поѣздка за границу въ срединѣ 1829 г. Мѣсто на государственной службѣ не давалось сразу Ник. Вас. Петербургъ

[1]) Особаго вниманія заслуживаютъ „Матеріалы для біографіи Гоголя“ почтеннаго изслѣдователя *В. Н. Шенрока*.

[2]) „Современникъ“, 1854 г., № 2, стр. 86.

произвелъ самое безотрадное и тяжелое впечатлѣніе,—холоднымъ душемъ окатилъ онъ пылкаго мечтателя. Разныя огорченія пали на его голову: неудача „Ганса Кюхельгартена“, отсутствіе умѣнія распорядиться средствами, полученными отъ матери и А. Трощинскаго, и отсюда финансовые недохватки, частыя, хотя и нетяжелыя недомоганія,—все это нервило юношу. Былъ у него въ запасѣ еще одинъ планъ—искать житейскаго счастья тамъ, далеко, быть можетъ, даже въ Америкѣ. Предполагаемаго спутника въ заморскіе края Г. Высоцкаго Гоголь въ Петербургѣ уже не засталъ, но о заграничной поѣздкѣ не переставалъ мечтать. Когда въ его рукахъ очутились нѣкоторыя деньги (мать прислала уплату въ опекунскій совѣтъ за заложенное имѣніе), онъ не долго думалъ и пустился экспромптомъ въ путь, едва ли даже хорошо зная—куда: Н. В. Гоголь „бѣжалъ отъ самого себя, старался забыть все окружающее“ (I, 129). Пребываніе Гоголя въ Любекѣ, Гамбургѣ и Травемюнде продолжалось около полутора мѣсяцевъ. Деньги были истрачены, нелѣпый планъ выполненъ, и горькій осадокъ остался у путешественника отъ всей этой авантюры. Но характерно, что, распорядившись материнскими деньгами вопреки ея волѣ, подвергнувъ имѣніе опасности сдачѣ на торги, Гоголь не нашелъ ничего лучшаго, какъ облечь всю эту „скверную“ исторію въ таинственный покровъ и дать ей рядъ вымышленныхъ объясненій, не замѣчая противорѣчій и лживости ихъ: Данилевскій и Прокоповичъ, какъ и другіе земляки, близкіе тогда къ Гоголю, такъ и не могли разобраться въ причинахъ и цѣляхъ его поѣздки; матери онъ разсказывалъ въ письмахъ о какомъ-то небываломъ великодушномъ другѣ, который долженъ былъ оплатить всѣ издержки далекаго путешествія, но скоропостижно скончался, о неудачахъ по части устройства службы и заработка и о своихъ болѣзняхъ то сыпныхъ, то грудныхъ, побуждавшихъ уѣхать за границу, наконецъ, о безумной, несчастной любви къ какому-то высокому, божественному существу—не то женщинѣ, не то ангелу [1]). Единственнымъ, надо сказать, сильнымъ аргументомъ для Гоголя, какъ и для его матери, было неоднократное утвержденіе путешественника о вмѣшательствѣ въ эту исторію Божественнаго Промысла. „Безумный!—писалъ Н. В.,—я хотѣлъ было

---

[1]) Высказывалось предположеніе комментаторовъ, напримѣръ, Кояловича, что съ Гоголемъ произошло то, что съ художникомъ Пискаревымъ, героемъ „Невскаго проспекта“ („Московск. сборникъ“ 1887 г. стр. 250), но оно ничѣмъ не подтверждается.

противиться этимъ вѣчно неумолкаемымъ желаніямъ души, которыя одинъ Богъ вдвинулъ въ меня“ (I, 124). А дѣйствительно, самыми правдивыми словами молодого человѣка объ этой поѣздкѣ было сознаніе въ послѣдующемъ письмѣ къ матери: „Вогъ вамъ мое признаніе: одни только гордые помыслы юности, проистекавшіе, однако жъ, изъ чистаго источника, изъ одного пламеннаго желанія быть полезнымъ, не будучи умѣряемы благоразуміемъ, завлекли меня слишкомъ далеко“ (I, 136).

Мы пока видѣли два самостоятельныхъ поступка Гоголя, въ которыхъ онъ проявилъ свои желанія и свою волю: оба они относились къ стремленію въ даль—переѣздъ въ Петербургъ для исканія государственной службы и поѣздка за границу, чтобы тамъ „воспитать свои страсти въ тишинѣ и уединенія, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности“, чтобы по нѣсколькимъ ступенямъ подняться „на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣевать благо и работать на пользу міра“, какъ темно и непонятно писалъ Ник. Вас. матери. Однако, финансовая необезпеченность требовала, чтобы юноша занялся же какимъ-нибудь хлѣбнымъ трудомъ и пристроился къ какому-нибудь мѣсту. Мать, требуя отъ сына возвращенія изъ-за границы въ Петербургъ, прямо указывала, что „полно уже терпѣть нужду“ и „пора вступить въ службу“. Но служба не давалась, никакого опредѣленнаго заработка Гоголь не могъ получить, а перебивался присылками изъ дому и подачками А. А. Трощинскаго, который весьма неохотно ссужалъ Ник. Вас. деньгами. Еще до отъѣзда въ Петербургъ юноша писалъ П. Косяровскому: „Ежели для постояннаго пріобрѣтенія знаній не буду имѣть всѣхъ способовъ, могу прибѣгнуть покуда къ другому; вы еще не знаете всѣхъ моихъ достоинствъ. Я знаю кое-какія ремесла: хорошій портной, недурно раскрашиваю стѣны алфресковою живописью, работаю на кухнѣ, и много кое-чего уже разумѣю изъ повареннаго искусства“ (I, 107). Но, кажется, Гоголь былъ такой же фантастическій портной и поваръ, какъ юристъ и чиновникъ. Цѣлый годъ прожилъ онъ въ Петербургѣ безъ мѣста. Рекомендательныя письма и протекціи оказались малосильными и невнушительными (къ тому же Дм. Трощинскій умеръ въ началѣ 1829 г.), а претензіи юноши были весьма велики. Ему предлагаютъ мѣсто съ тысячью рублей жалованья, но онъ несогласенъ „все время не отходить отъ стола и переписывать старыя бредни и глупости столоначальниковъ“ и задается вопросомъ: „за цѣну ли, едва могущую выкупить годовой наемъ квартиры и стола, мнѣ должно продать мое здоровье и драго-

цѣнное время?" Всѣ свои неудачи Ник. Вас. сваливаетъ на другихъ и пишетъ матери: „важной протекціи я не имѣлъ никакой, а мои покровители водили меня до тѣхъ поръ, пока не заставили усомниться въ сбыточности ихъ обѣщаній" (I, 147). Въ это время самъ юноша сталъ не останавливаться ни передъ какими средствами, лишь бы выйти изъ тупика и пристроиться на мѣстѣ. Онъ даже просилъ мать собирать древнія монеты, старопечатныя книги, стародавнія вещи, антики и т. п., такъ какъ хотѣлъ „прислужиться этимъ одному вельможѣ, страстному любителю отечественныхъ древностей" (I, 146), отъ котораго зависѣло улучшеніе его участи.

Въ самомъ концѣ 1829 г. Гоголь поступилъ на маленькую должность въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но скоро ее бросилъ, а въ апрѣлѣ слѣдующаго года занялъ мѣсто въ департаментѣ удѣловъ, гдѣ прослужилъ съ іюля 1830 г. до марта 1831 г. въ качествѣ помощника столоначальника [1]). Послѣ того Ник. Вас. окончательно бросилъ чиновничью службу, потому что „не имѣлъ ни призванія, ни охоты къ службѣ, тяготился ею, скучалъ и часто пропускалъ служебные дни". Въ такомъ же родѣ была и его послѣдующая педагогическая работа. Онъ занимался въ началѣ 30-хъ годовъ частными уроками въ богатыхъ домахъ Лонгиновыхъ, Балабиныхъ, кн. Васильчиковыхъ, а въ мартѣ 1831 г. поступилъ учителемъ исторіи и географіи въ Патріотическій институтъ, о чемъ хвастливо сообщалъ матери: „государыня приказала мнѣ читать въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ" (I, 174). Въ сентябрѣ 1834 г. Гоголя опредѣлили адъюнктомъ Петербургскаго университета по каѳедрѣ средней исторіи. Неудачнымъ и небрежнымъ былъ онъ и учителемъ, не могъ быть и серьезнымъ, дѣльнымъ профессоромъ (см. восп. Тургенева, Никитенка, Васильева и др.) Осенью 1835 г. Гоголь долженъ былъ оставить Петербургскій университетъ и преподаваніе въ институтѣ.

Но эти событія произошли уже въ позднѣйшее время. А до этого періода относительнаго благополучія будущій великій писатель метался и дѣлалъ разныя попытки какъ-нибудь устроить свою будущность. Въ 1830 г. онъ пытался поступить актеромъ на драматическую сцену Императорскихъ театровъ (восп. Мундта), а въ 1831 г. принялся за живопись въ послѣобѣденныхъ классахъ академіи художествъ (I, 158) [1]). Это было любимое его искусство, и Гоголь порядочно рисовалъ еще въ школѣ: позднѣйшіе рисунки его показываютъ, что писатель былъ весьма недурнымъ живописцемъ. Но во всѣхъ этихъ сферахъ работы, начиная съ чиновничьей и педагогической, Ник. Вас. былъ только диллетантомъ. Средствъ подобные труды давали мало, и Гоголь всѣ первые годы пребыванія въ Петербургѣ получалъ болѣе или менѣе значительныя пособія съ доходовъ родового помѣстья. По приблизительному минимальному расчету, за первые два съ половиною года Гоголь долженъ былъ получить отъ матери и отъ А. А. Трощинскаго до 3.000 р., кромѣ тысячи, взятой при отъѣздѣ. Благодаря только этой существенной поддержкѣ, удалось юношѣ нѣсколько обезпечить себя и на досугѣ написать почти всѣ повѣсти „Вечеровъ на хуторѣ". Поэтому несовсѣмъ вѣрны слова С. Венгерова, что Гоголь, въ противоположность другимъ современнымъ ему литераторамъ, „съ переѣзда въ Петербургъ не пользовался ни единой крестьянской копѣйкой, ни единой минуты не жилъ на счетъ крестьянъ" [2]). Проживалъ Гоголь немало и нерасчетливо, почему и терпѣлъ постоянную нужду въ деньгахъ. „Какъ не приняться за умъ, за вымыселъ", пишетъ онъ матери, „какъ бы добыть этихъ проклятыхъ, подлыхъ денегъ" (I, 117). И онъ хочетъ использовать даже рукописныя комедіи отца, которыя проситъ прислать, чтобы попробовать поставить ихъ на петербургскомъ театрѣ, такъ какъ „здѣсь такъ занимаетъ все малороссійское", а, по его мнѣнію, „ничего не должно пренебрегать, на все надо обращать вниманіе; если въ одномъ неудача, можно прибѣгнуть къ другому, въ другомъ—къ третьему и т. д. Самая малость иногда служитъ большою помощью" (I, 121). Среди рѣшительныхъ неуспѣховъ неудачникъ Гоголь хватается и еще за одну „малость", которой сперва не придавалъ большого значенія: это была литературная работа, въ какой онъ и нашелъ впослѣдствіи свое великое призваніе.

Всѣмъ извѣстна катастрофа, постигшая первую печатную поэму Ник. Вас. „Гансъ Кюхельгартенъ"; она была написана еще на югѣ, закончена въ Петербургѣ, издана къ іюню 1829 г. и черезъ полтора мѣсяца изъята изъ книжныхъ магазиновъ и сожжена авторомъ. А въ началѣ февраля слѣдующаго года Гоголь пишетъ матери:

---

[1]) Справка А. Лазаревскаго въ „Сборникѣ студент. С.-Петербургскаго университета" 1857 г., стр. 345

[1]) Воспом. В. Пащенка „Берегъ" 1880 г. № 268. См. также письмо М. И. Гоголь О. Трощинской. „Русская старина" 1882 г., № 6, стр. 677.

[2]) „Очерки по исторіи русской литературы", 2-е изд., стр. 239.

„весь мой доходъ состоитъ въ томъ, что иногда напишу или переведу какую-нибудь статейку для журналистовъ“ (I, 144). Тогда какъ разъ должна была появиться въ „Сѣв. Архивѣ“ Булгарина переведенная съ французскаго работа Н. В. „О торговлѣ русскихъ въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вв.“ и напечано было начало повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ив. Купала“ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Свиньина (февраль и мартъ 1830 г.). Таковы были первенцы Гоголевской литературной дѣятельности, если не считать „Ганса“ и стихотворенія „Италія“. Столь различные, они опредѣлили и дальнѣйшую его работу на четыре-пять лѣтъ впередъ: дѣйствительно, Гоголь пишетъ въ это время, какъ замѣчаетъ А. Никитенко, „все и обо всемъ“: о преподаваніи всеобщей исторіи, о малорусскихъ пѣсняхъ, объ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и музыкѣ, о переселеніи народовъ въ V в., о женщинѣ, о „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, о географіи для дѣтскаго возраста, о движеніи журнальной литературы, пишетъ рецензіи, замѣтки, наброски, отрывки для разныхъ журналовъ и т. д. [1]). Главнымъ, однако, трудомъ Ник. Вас. въ началѣ 30-хъ гг. были повѣсти изъ малорусской жизни. Первоначально работалъ онъ надъ ними, безъ всякаго сомнѣнія, случайно: въ томъ же письмѣ къ матери отъ 30-го апрѣля 1829 г., гдѣ Гоголь говоритъ, что „ничѣмъ не должно пренебрегать“, что въ Петербургѣ мода на малорусское и что хорошо было бы получить небольшой сборъ съ постановки водевилей отца, онъ проситъ (и подобныя просьбы повторяются въ большинствѣ писемъ на родину) о присылкѣ свѣдѣній на счетъ обычаевъ и нравовъ малороссіянъ, описанія полнаго костюма сельскаго дьячка, названій платья, носимаго крестьянскими дѣвушками, а также костюмовъ „до временъ гетманскихъ“, т. е., надо понимать,— до времени послѣдняго гетмана К. Разумовскаго и ранѣе,—проситъ прислать „описаніе свадьбы безъ пропуска малѣйшихъ подробностей, записи колядокъ, пѣсенъ о русалкахъ, Ив. Купалѣ, повѣрій, страшныхъ сказаній“ и т. п. (I, 119—120). Позже Ник. Вас. умоляетъ присылать всякія свѣдѣнія про старину „и все съ подробнѣйшею подробностію“, сообщить смѣшныя, забавныя, печальныя и ужасныя исторіи и анекдоты, „которые кто услышитъ между мужиками или

[1]) И позже Гоголь бросался отъ одной литературной работы къ другой, помимо художественнаго творчества: въ 1844—1846 гг. составляетъ „Учебную книгу словесности“ (Собр. соч., т. VII, стр. 401—425, 762 и др.), въ 1847 г. задумываетъ „Объяснительный словарь великорусск. яз.“ (см. *Н. Тихонравова* въ Сбор. любит. росс. словесн. на 1890 г., стр. 114) и т. п.

помѣщиками“ (I, 145) и т. д. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ у Гоголя, конечно, были еще со временъ дѣтства и школьнаго періода жизни, но ему нужны достовѣрныя и фактически точныя данныя, такъ какъ, пишетъ онъ, „въ тиши уединенія я готовлю запасъ, котораго, порядочно не обработавши, не пущу въ свѣтъ“. Этотъ „запасъ“ и были повѣсти „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Не прошло и трехъ-четырехъ мѣсяцевъ пребыванія Гоголя въ Петербургѣ, какъ онъ занялся ими: тоска по родинѣ, охватившая его вскорѣ на чужбинѣ, сыграла въ этомъ свою видную роль,—описывая родныя мѣста, изображая близкія его сердцу картины, Ник. Вас. переносился въ свою дорогую Украину, отдыхалъ за этой работой отъ впечатлѣній столицы, гдѣ „никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрязло въ бездѣльныхъ, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь“ (I, 118). Выбиться на поверхность жизни Гоголь рѣшилъ во что бы то ни стало и, не покидая мечтаній „о выгодахъ по службѣ и повышеніяхъ“ (I, 147), направить свою энергію на литературную работу. „Въ столицѣ“, пишетъ онъ домой, „нельзя пропасть съ голоду имѣющему хотя скудный отъ Бога талантъ“ (I, 145). „*Здѣсь* только человѣку достигнуть можно чего-нибудь; тутъ тысяча путей для него; нужно только употребить терпѣніе, съ которымъ можно-таки дождаться своего“ (I, 152). И Гоголь выказываетъ необыкновенное упрямство, настойчиво добивается свѣжихъ матеріаловъ изъ родныхъ палестинъ, извиняется, что часто надоѣдаетъ и безпокоитъ просьбами о доставкѣ свѣдѣній про Малороссію, но, говоритъ, — „это составляетъ хлѣбъ мой“ (I, 144).

На повѣстяхъ Ник. Вас., которыя были окончательно готовы въ первый годъ его столичнаго существованія, лежатъ несомнѣнные слѣды непосредственныхъ впечатлѣній родной деревенской обстановки и прямого заимствованія свѣдѣній и описаній, взятыхъ изъ матеріаловъ, ранѣе накопленныхъ Гоголемъ (см. объ его записной книгѣ) и пересланныхъ ему потомъ родными и знакомыми, а также малорусской художественной литературы, извѣстной Гоголю съ дѣтства. Въ „Сорочинскомъ ярмаркѣ“ только мѣсто дѣйствія нарочито перенесено изъ никому невѣдомаго сельца Васильевки, гдѣ Гоголь-отецъ установилъ ярмарку, въ извѣстное, большое село. Дѣйствующія лица въ повѣсти тѣ же, что и персонажи комедіи его отца „Романъ и Параска“, которымъ только приданы имена героевъ сказки „Солопій та Хивря,

або горохъ при дорозі", написанной малорусскимъ литераторомъ первыхъ десятилѣтій XIX в. Гулакомъ-Артемовскимъ. Овцу изъ другой комедіи Вас. Афан. сынъ замѣнилъ лошадью и разсказалъ сходный анекдотъ юмористическаго характера. Каждая главка „Сорочинскаго ярмарка" снабжена была „для запаху" эпиграфами, взятыми изъ произведеній новой малорусской литературы, изъ водевилей В. А. Гоголя, „Энеиды" И. Котляревскаго, а также изъ малорусскихъ пѣсенъ, преданій и пословицъ. Эта, правдоподобно, первая изъ повѣстей Ник. Вас. отличалась въ начальной редакціи столь громаднымъ количествомъ малорусскихъ словъ и оборотовъ, что Гоголь при исправленіи текста рукописи особенное вниманіе обратилъ на замѣну малорусскихъ словъ великорусскими или просто на исключеніе первыхъ [1]). Такой же характеръ носила и первая изъ напечатанныхъ повѣстей Ник. Вас., озаглавленная „Бисаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ив. Купала", малорусская повѣсть, основанная на народномъ преданіи и разсказанная будто бы „дьячкомъ Покровской церкви". Только если въ „Сорочинскомъ ярмаркѣ" преобладали бытовыя картины, личныя впечатлѣнія и литературныя заимствованія, то въ „Бисаврюкѣ" перевѣсъ былъ на сторонѣ повѣрій и народнаго творчества, а во второй редакціи сказалось и вліянье появившейся тогда въ переводѣ съ нѣмецкаго повѣсти Тика „Чары любви" [2]). Кромѣ „Вечера наканунѣ Купала", Гоголь не печаталъ другихъ повѣстей до выхода въ свѣтъ первой книжки „Вечеровъ", появившейся въ началѣ сентября 1831 года; черезъ полгода, въ началѣ марта 1832 г., издана была и вторая книжка сборника. Всѣ повѣсти въ этихъ изданіяхъ были основаны на сказочномъ, пѣсенномъ и бытовомъ малорусскомъ матеріалѣ, а въ предисловіяхъ къ обѣимъ частямъ „Вечеровъ" фигурируетъ диканьскій дьячекъ Ѳома Григорьевичъ (ему приписаны повѣсти „Вечеръ наканунѣ Купала", „Пропавшая грамота" и „Заколдованное мѣсто"), балагуръ и разсказчикъ, имя котораго также заимствовано изъ комедій В. Аф. Гоголя. Село Диканька, памятное Ник. Вас. и по дѣтскимъ воспоминаніямъ (см. восп. О. В. Гоголь-Головни), обозначено, какъ извѣстное тогда русскимъ читателямъ изъ „Полтавы" Пушкина, появившейся за два года до повѣстей Гоголя. Псевдонимъ Рудый Панько вполнѣ выдержанъ въ украинскомъ стилѣ прозванія писателя по дѣду *Аѳанасію* Демьяновичу—Опанасъ, Панасъ, Панасенко, уменьшительное

[1]) См. Соч. Гоголя Изд. *Н. Тихонравова*. т. I, стр. 513—514.
[2]) Ibid., 524—527

Панько; „рудый"—рыжій съ золотистымъ оттѣнкомъ, что могло служить намекомъ на цвѣтъ волосъ автора [1]).

Малорусскія повѣсти намѣтили, наконецъ, будущій путь и опредѣлили судьбу ищущаго своего призванія юноши. Онѣ были встрѣчены съ большимъ вниманіемъ и одобреніемъ. Самый успѣхъ „Вечеровъ" Гоголь предупреждалъ хвастливымъ сообщеніемъ матери при посылкѣ только-что вышедшей изъ типографіи первой части ихъ: „она понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ государыни" (I, 190). Быть можетъ, на дѣлѣ было и не такъ, но Гоголь имѣлъ право быть увѣреннымъ въ успѣхѣ „Вечеровъ",—они понравились величайшимъ авторитетамъ русской художественной литературы. Знакомство съ людьми, которые оказали ему дѣйствительную протекцію и сыграли важнѣйшую роль въ его жизни,—мы говоримъ о Плетневѣ, Жуковскомъ и Пушкинѣ,—завязалось на литературной почвѣ. Гоголь не сошелся съ безцеремоннымъ издателемъ „Отечественныхъ Записокъ" Свиньинымъ и началъ посылать свои отрывки и замѣтки въ близкую этимъ писателямъ „Литературную Газету" Дельвига. Очень возможно, что Дельвигъ и рекомендовалъ Ник. В—ча В. Жуковскому и Плетневу [2]). Знакомство состоялось въ концѣ 1830 года, а въ мартѣ слѣдующаго года Гоголь былъ уже учителемъ въ Патріотическомъ институтѣ, гдѣ инспектировалъ Плетневъ. Съ Пушкинымъ Ник. Вас. познакомился въ маѣ 1831 г. и сблизился лѣтомъ, когда жилъ гувернеромъ у кн. Васильчиковыхъ въ Павловскѣ, а Жуковскій и Пушкинъ—въ Царскомъ Селѣ. Въ ноябрѣ сего года Гоголь уже пишетъ горделиво А. Данилевскому: „все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ... почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковскій, Пушкинъ и я" (I, 196).

Съ половины 1831 года мы должны считать, что направленіе будущей дѣятельности Гоголя вполнѣ опредѣлилось; съ этимъ окончились и годы его юности: 22-лѣтній молодой искатель чиновничьей службы и карьеры избралъ себѣ путь писателя и остался ему вѣренъ до конца своихъ дней. Правда, онъ еще четыре года не бросалъ служебной дѣятельности, какъ учитель и профессоръ, пока не оказался совсѣмъ непригоднымъ для нея, но идея служенія на государственную пользу уже тогда приняла у него своеобразный характеръ. Въ „Авторской исповѣди" Гоголь говоритъ: „Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще. Знаю только

[1]) *А. Маркевичъ* въ „Изв. отд. рус. яз. акад. наукъ", т. III, кн. 4, стр. 1270.
[2]) *В. Шенрокъ*, „Матеріалы"..., т. I, стр. 297.

то, что въ тѣ поры, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ, мысль о писательствѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь, и все это доставитъ служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна. Она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій"... Начало литературной работы Гоголь связывалъ съ желаніемъ развлекать себя и утверждаетъ, что „можетъ быть, съ лѣтами... веселость эта исчезнула бы, а съ нею вмѣстѣ и мое писательство, но Пушкинъ заставилъ меня взглянуть на дѣло писателя сурьезно". Вопросъ о вліяніи Пушкина на литературную дѣятельность Гоголя изслѣдованъ обстоятельно. Мы, разставаясь съ Ник. Вас. — юношей, подчеркнемъ только, что онъ и тогда, вступивъ уже на путь писателя, былъ убѣжденъ, что не уклоняется отъ государственной службы. Въ самомъ дѣлѣ, — передъ нимъ были высоко-авторитетные примѣры литераторовъ, которые цѣнились, какъ государственные дѣятели: таковъ былъ смирный писатель большого таланта—воспитатель наслѣдника престола Жуковскій [1]; такимъ признавался великій геній Пушкинъ, котораго правительственная власть распинала на прокрустовомъ ложѣ (мученій его еще не испыталъ Гоголь) „государственныхъ предусмотрѣній" и заставляла, хотя часто весьма тщетно, служить своимъ цѣлямъ и задачамъ. Почему бы и Гоголю не пройти свой жизненный путь по службѣ такъ, какъ проходили его и писатели прошлаго вѣка, и недавніе кумиры русской литературы—Державинъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, и его нынѣшніе друзья? И Гоголь смѣло перенесъ свои мечты о департаментской службѣ и чиновничьемъ видномъ положеніи въ область литературной дѣятельности. Во все послѣдующее время онъ такъ и смотрѣлъ на свое писательство. Когда Ник. Вас. впервые сжегъ 2-ю часть „Мертвыхъ душъ", ему было неловко возвратиться ни съ чѣмъ въ Россію. Ему было „стыдно и совѣстно" представиться императору Николаю, посѣтившему Римъ въ началѣ 1846 г., и онъ пишетъ А. О. Смирновой: „Государь долженъ увидѣть меня тогда, когда я на своемъ скромномъ поприщѣ сослужу такую службу, какую совершаютъ другіе на государственныхъ поприщахъ" (III, 139). Правда, литературная дѣятельность, понимаемая, какъ выполненіе служебнаго долга, обязывала и прежде всего требовала, чтобы она приносила ощутительную пользу власти, государству и отечеству, но Гоголь не боялся этихъ обязательствъ. Онъ полагалъ себя способнымъ и годнымъ именно не для чего иного, какъ для дѣла государственнаго и пользы общественной, что было въ его пониманіи всегда и безусловно одно и то же.

[1]) Еще съ 1816 г. имп. Александръ назначилъ Ж. пенсію по 4 т. р. въ годъ за литературныя заслуги

IV.

Въ чемъ же находилъ Н. В. Гоголь опору для увѣренности, съ которой не разстался до конца дней, на чемъ обосновывалъ идею, что „авторъ, творя твореніе свое, исполняетъ именно тотъ долгъ, для котораго онъ призванъ на землю, для котораго именно даны ему способности и силы, и что, исполняя его, онъ служитъ въ то же самое время такъ же государству своему, какъ бы онъ дѣйствительно находился на государственной службѣ" [2]).

Отвѣтъ на этотъ вопросъ приводитъ насъ къ необходимости коснуться значенія Гоголя не только, какъ творца художественныхъ образовъ и поэта, но обратить вниманіе и на душевный строй личности самого писателя.

Н. В. Гоголь былъ самъ по себѣ человѣкомъ характернымъ, своеобразнымъ, интереснымъ по тѣмъ основнымъ чертамъ психологической сущности, какія выразились во всей многострадальной жизни его. Онъ сталъ великимъ писателемъ, и это величіе его, какъ художника, подчинило нашъ взглядъ на его личность точкѣ зрѣнія оцѣнки литературнаго значенія Гоголя, какъ поэта и генія художественнаго слова. Для современниковъ, для насъ — потомковъ, для будущихъ поколѣній, Н. В. Гоголь, несомнѣнно, и будетъ имѣть значеніе почти исключительно, какъ великій писатель. Но намъ не надлежитъ думать такъ, какъ думали нѣкоторые его друзья, на что Н. В. сѣтовалъ въ письмѣ къ А. Смирновой, говоря: „по моимъ литературнымъ разговорамъ всякій былъ увѣренъ, что меня занимаетъ только литература, и что все прочее ровно не существуетъ для меня на свѣтѣ" [3]). Въ самомъ себѣ и для самого себя Гоголь болѣе цѣнилъ, конечно, свое личное *я*, помимо его литературной стоимости. И для опредѣ-

[1]) *Окончаніе*. См. августовскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1909 годъ.

[2]) Автор. исп., соч. т. IV, стр. 250.

[3]) Рус. Стар. 1909 г. № 3, стр. 477.

ленія и оцѣнки личности художника мы сами должны подойти къ нему съ этой стороны, перенести центръ своего вниманія на глубоко залегавшія въ душѣ своеобразныя черты этой загадочной натуры и на сложность ея психической организаціи. Подъ этимъ угломъ зрѣнія намъ, быть можетъ, яснѣе станетъ и Гоголь, какъ человѣкъ, и то, почему онъ сталъ писателемъ, и значеніе его „дѣла душевнаго", и характеръ его литературной работы, и вся трагедія его личной жизни, вынесенная еще при жизни писателя для всеобщаго обсужденія на „всенародныя очи",—что является неизбѣжной величайшей карой и жесточайшимъ возмездіемъ, какими судьба наказываетъ излюбленныхъ своихъ, великихъ, окруженныхъ славою людей....

Въ чемъ Гоголь полагалъ *дѣло душевное* своей жизни [1])?

Д. Н. Овсянико-Куликовскій различаетъ въ этомъ „мудреномъ дѣлѣ" двѣ половины: религіозно-нравственное самовоспитаніе съ мистическими пріемами и стремленіе къ плодотворной, какъ понималъ Гоголь, общественной дѣятельности, дающей субъекту нравственное удовлетвореніе [2]). С. А. Венгеровъ видитъ это „душевное дѣло" въ идеалахъ писателя-гражданина, которые, своеобразно имъ понятые, онъ старался внести въ русское общественное сознаніе [3]). Н. А. Котляревскій особенно подчеркиваетъ въ жизни и дѣятельности Гоголя исканіе правды и вопросы совѣсти, которые руководили писателемъ во всю его многотрудную жизнь [4]). Н. А. Лавровскій говоритъ, что „основаніемъ духовнаго склада Гоголя, цементомъ, связывавшимъ и проникавшимъ все его содержаніе былъ религіозно-нравственный элементъ, вынесенный имъ изъ родительскаго дома; онъ хранилъ, какъ святыню, это наслѣдіе, пронесъ его невредимо черезъ всѣ стадіи своей жизни, а подъ конецъ развилъ его до такихъ размѣровъ, которые подавляющимъ образомъ дѣйствовали на его слабый организмъ" [5]).

На вопросъ о своемъ „дѣлѣ душевномъ" самъ писатель давалъ неоднократно очень ясные отвѣты. Заподазривать ихъ въ искренности и въ дѣйствительномъ опредѣленіи психическаго рисунка и существенныхъ чертъ личности Гоголя нѣтъ никакихъ достаточныхъ основаній.

---

[1]) Это опредѣленіе—подлинныя слова Гоголя, напр., въ письмѣ Плетневу, см соч. III т., стр. 148 и въ др. мѣс.

[2]) „Гоголь", изд. 2-е, стр. 166.

[3]) „Очерки ист. рус. литерат." Писатель-гражданинъ.

[4]) „Н. В. Гоголь". С.-Пб. 1903 г.

[5]) Изв. Ист. Филол. Инст. въ Нѣжинѣ, т. VI, стр. 7.

Мы уже знаемъ, какъ Н. В. Гоголь утверждалъ, что литературная дѣятельность не была главной задачей его жизни; мы знаемъ также изъ фактическихъ данныхъ, насколько понятія о писательствѣ связывались у него съ представленіемъ о государственной полезной дѣятельности, что для него было равнозначуще исполненію своего общественнаго долга. И въ послѣдующее время Гоголь нарочно писалъ письмо П. А. Плетневу съ цѣлью помѣщенія его въ „Современникѣ" 1847 года и подчеркивалъ еще и еще разъ такую правду о себѣ: „даже въ самыхъ раннихъ помышленіяхъ моихъ о будущемъ поприщѣ моемъ, никогда не представлялось мнѣ поприще писателя. Столкнулся съ нимъ я почти нечаянно. Нѣкоторыя мои наблюденія надъ нѣкоторыми сторонами жизни, мнѣ нужными для дѣла душевнаго, издавна меня занимавшаго, были виной того, что я взялся за перо и вздумалъ преждевременно подѣлиться съ читателями тѣмъ, чѣмъ мнѣ слѣдовало подѣлиться уже потомъ по совершеніи моего собственнаго воспитанія" [1]). „Много труда и пути, и душевнаго воспитанія впереди еще!" восклицалъ Н. В. Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому „чище, горняго снѣга и свѣтлѣй небесъ должна быть душа моя, и тогда только я приду въ силы начать подвиги и великое поприще, тогда только разрѣшится загадка моего существованія" (II, 184). Въ „Авт. исп." онъ послѣ указаній на то, что изслѣдованіе человѣка и человѣческой души—его главное занятіе, говоритъ: „все меня приводило къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей: мои собственныя душевныя обстоятельства, наконецъ, обстоятельства внѣшнія, надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно вновь къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся". Отвлекался же онъ въ сторону, когда исключительно занятъ былъ своею художественною работою. Но „я не совращался со своего пути. Я шелъ тою же дорогою. Предметъ у меня всегда былъ одинъ и тотъ же: предметъ у меня былъ жизнь, а не что другое. Жизнь я преслѣдовалъ въ ея дѣйствительности, а не въ мечтахъ воображенія и пришелъ къ Тому, Кто есть источникъ жизни" [2]). Тогда же пишетъ Н. В. своему другу А. Данилевскому по поводу „Выбранныхъ мѣстъ": „ты никакъ не смущайся обо мнѣ по поводу моей книги и не думай, что я избралъ другую дорогу писаній. Дѣло у меня то же, какое и было всегда, и о которомъ замышлялъ еще въ юности, хотя

---

[1]) Собр. соч. т. IV, стр. 233.

[2]) Ibidem, стр. 255.

не говорилъ о томъ, чувствуя безсиліе выражаться ясно и понятно" (III, 414).

Это душевное дѣло Гоголя, которое должно было разрѣшить загадку его существованія, для котораго необходимо было прежде воспитать и „обработать" самого себя, изучить человѣка и человѣческую душу, этотъ „благородный подвигъ" Гоголя — наставничество, проповѣдничество, учительство. Въ этомъ, и только въ одномъ этомъ, заключается весь смыслъ жизни для Гоголя. Онъ видѣлъ себя избраннымъ для миссіи — преподать людямъ „науку жизни", какъ и тотъ фантастическій чародѣй, учитель Тѣнтѣтникова, образъ котораго въ туманныхъ очертаніяхъ далъ намъ писатель во второй части „Мертвыхъ душъ". Такимъ былъ Гоголь еще съ юныхъ лѣтъ, такимъ вступилъ на жизненный путь, такимъ оставался и въ тридцатые, и въ сороковые годы, такимъ сошелъ и въ могилу.

Кто внимательно слѣдилъ за событіями личной жизни писателя и послѣдовательно перечелъ всю его переписку, тотъ не можетъ не согласиться, что красной нитью во всей перепискѣ проходитъ назиданіе и не только въ послѣднія десять лѣтъ, но съ первыхъ моментовъ сознательнаго и самостоятельнаго отношенія Н. В. къ окружающей его средѣ. Безъ всякихъ усилій мы найдемъ уже въ нѣкоторыхъ нѣжинскихъ письмахъ наставительный тонъ, рѣдкій въ устахъ 16—18-ти-лѣтняго юноши. Еще въ маѣ 1825 г., вскорѣ послѣ смерти отца, сынъ пишетъ матери, что онъ не „отвергаетъ" ея печали, „и вы должны печалиться, но не такъ, въ какой печали находитесь нынѣ; вы знаете, что у васъ есть еще бо́льшая обязанность" (I, 29). Съ каждымъ годомъ назидательный тонъ въ письмахъ Гоголя къ матери, а потомъ къ сестрамъ, становится все болѣе преобладающимъ, а подъ конецъ принимаетъ рѣзкій, нетерпимый, повелительный характеръ [1]). Заканчивается эта переписка предсмертной просьбой перечитать сызнова его посланія, „писанныя въ послѣдніе три года, не исключая и тѣхъ, которыя, повидимому, относятся къ хозяйству" (IV, 425). Это желаніе совершенно соотвѣтствуетъ представленію Н. В. Гоголя о значительности своей личности, что такъ вѣрно подмѣчено О. Ѳ. Миллеромъ, указавшимъ, какъ Гоголь и передъ матерью, и передъ друзьями „постоянно выдвигалъ впередъ особенности своей исключительной природы, широта которой будто бы не давала ей укладываться въ обыкновенныя рамки" [1]). Вращаясь въ кругу товарищей, онъ, какъ свидѣтельствуетъ П. Анненковъ, высказывалъ уже въ молодые годы „наклонность овладѣвать и управлять людьми", исключительно, конечно, силою слова, которою онъ только и обладалъ, и при томъ пользовался всею своею способностью обличать вредъ, производимый „пошлостью, лѣнью, потворствомъ злу съ одной стороны, и грубымъ самодовольствомъ, кичливостью и ничтожествомъ моральныхъ основаній — съ другой" [2]). Наставленія въ письмахъ особенно ярки по отношенію къ ближайшимъ друзьямъ—Н. Прокоповичу и А. Данилевскому. Этотъ поучительный тонъ не былъ усвоенъ Гоголемъ во вторую половину жизни. Онъ менѣе только категориченъ и болѣе мягокъ въ 30-хъ годахъ, однако, и тогда уже вызывалъ иногда недоразумѣнія и размолвки между пріятелями. Въ послѣднее же десятилѣтіе характеръ писемъ Н. В. Гоголя становится совершенно догматическимъ и пророческимъ. Прокоповичу, напримѣръ, онъ говорилъ еще въ январѣ 1837 г.: „Моимъ голосомъ, который теперь долженъ имѣть надъ тобой двойную силу и власть, я заклинаю тебя стряхнуть лѣнь" (I, 425). Въ апрѣлѣ 1842 г. Н. В. пишетъ Прокоповичу же, суетившемуся и всего себя отдавшему хлопотамъ и труду по первому изданію собранія сочиненій Гоголя, что ему нужно навести друга на движеніе и на дѣятельную работу, и это можетъ сдѣлать только онъ одинъ, когда пріѣдетъ въ Петербургъ (II, 166). А черезъ мѣсяцъ Гоголь пишетъ тому же другу — труженику и хлопотуну: „Я получилъ письмо отъ Данилевскаго. Оно меня утѣшило. Я за него споkоенъ. Три—четыре слова, посланныя мною еще изъ Рима, низвели свѣжесть въ его душу. Я не сомнѣвался въ томъ, что бы не настало, наконецъ, для него время силы и дѣятельности. Онъ свѣтло и твердо стоитъ теперь на жизненной дорогѣ. Очередь твоя. Имѣй въ меня каплю вѣры,—и живящая сила отдѣлится въ твою душу" (II, 171). Но изъ Рима были посланы Гоголемъ Данилевскому не три—четыре слова, а весьма длинное наставленіе съ увѣщеваніями и заклинаніями въ родѣ такихъ: „Слушай! Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою, и горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова!" (II, 110). Не даромъ Данилевскій взмолился впослѣдствіи къ Гоголю: „все мораль—это хоть какому святому надоѣстъ" [3]). Не забудемъ при этомъ, что Н. В. Гоголь въ послѣдній

[1]) См., напр., письма къ О. В. Г. отъ 20 янв. 1847 г., къ М. И. Г. въ декабрѣ 1847 г. (III т. стр. 322—328, IV т. стр. 119—132) и мн. др.

[1]) Рус. стар. 1875 г., № 9, стр. 104.
[2]) „Литерат. воспоминанія", изд. 1909 г. стр. 14, 26.
[3]) Вѣст. Евр. 1890 г. № 2, стр. 606.

періодъ жизни часто просилъ и совѣтовалъ перечитывать его письма, передавать другъ другу или читать вмѣстѣ, т. е. относиться, какъ къ полезнымъ для души проповѣдямъ. Да если ему приходилось все же нѣсколько стѣсняться въ устной и письменной проповѣди передъ матерью и товарищами—сверстниками, знавшими весьма доподлинно „Никошу" еще съ ранняго возраста, то тѣмъ болѣе онъ не стѣснялся выступать въ роли наставника тѣхъ людей, съ которыми онъ сблизился позже въ Петербургѣ, Москвѣ и за границей. Мы не будемъ говорить о перепискѣ со знакомыми второго періода жизни писателя: они встрѣтились съ Гоголемъ, когда учительство его приняло необыкновенно смѣлые размѣры и откровенныя формы, сами были заражены моральнымъ пустословіемъ и шли на встрѣчу назиданіямъ, совѣтамъ не только Гоголя, но и всякихъ признанныхъ и непризнанныхъ пророковъ.—Но объ отношеніяхъ къ московскимъ друзьямъ—литераторамъ нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ.

Въ этихъ отношеніяхъ особенно опредѣленно высказались съ годами все болѣе разроставшіяся гордость и самомнѣніе Гоголя, вытекавшія изъ убѣжденія въ его исключительномъ призваніи быть наставникомъ человѣчества. Для него, казалось, всѣ вопросы, даже спеціальные, о которыхъ онъ имѣлъ очень мало понятія, были рѣшены, и въ своемъ міросозерцаніи на все на свѣтѣ онъ былъ весьма твердъ и упоренъ. Гоголь, еще съ дѣтства считавшій себя особеннымъ существомъ, когда явился всеобщимъ учителемъ нравовъ, долженъ былъ особенно утвердиться въ своемъ самомнѣніи [1]). Благодаря этому, друзья Н. В. вообще были въ самомъ фальшивомъ положеніи относительно его: онъ такъ поставилъ себя съ ними, что, при всемъ предполагаемомъ близкомъ общеніи, держалъ ихъ очень далеко отъ себя [2]). Н. В. Бергъ вспоминаетъ, что С. Шевыревъ жаловался ему на то, какъ Гоголь принимаетъ самыхъ ближайшихъ къ нему людей черезчуръ ужъ по царски, и свиданія ихъ стали болѣе похожи на аудіенціи [3]). Письма Н. В. Гоголя въ Москву вообще часто напоминаютъ „окружныя посланія" къ братіи: онъ или прямо пишетъ заразъ всѣмъ троимъ друзьямъ—Погодину, Шевыреву и Аксакову, или въ письмахъ къ одному касается всѣхъ троихъ, а иногда и четвертаго—М. Щепкина. Въ посланіи изъ Рима отъ 5-го марта 1841 г. Гоголь говоритъ,

---

[1]) См. *В. Шенрокъ*, „Матеріалы", т. IV ч. 128.
[2]) Ibidem, стр. 760
[3]) Рус. стар. 1872 г., кн. 1-я, стр. 127.

что ему „нужно спокойствіе, и самое счастливое, самое веселое, сколько можно, расположеніе души", что его „теперь нужно беречь и лелѣять", и проситъ С. Аксакова, чтобы „за нимъ пріѣхали М. Щепкинъ и К. Аксаковъ и увезли бы его въ Россію". „Меня теперь надо лелѣять", повторяетъ онъ, „не для меня, нѣтъ! Они сдѣлаютъ небезполезное дѣло. Они привезутъ съ собою глиняную вазу. Конечно, эта ваза теперь вся въ трещинахъ, довольно стара и еле держится; но въ этой вазѣ заключено сокровище; стало быть, ее нужно беречь" (II, 98 — 99).

Впослѣдствіи претензіи къ друзьямъ выросли еще больше: ровно черезъ два года послѣ предыдущаго письма изъ Рима же Гоголь пишетъ друзьямъ по адресу Шевырева („это письмо прочтайте вмѣстѣ ты, Погодинъ и С. Аксаковъ") и предлагаетъ въ знакъ святой дружбы, чтобы они взяли всѣ житейскія дѣла его на три или на четыре года, а ему бы высылали за это время по 6 тысячъ рублей ежегодно. То же повторяетъ Н. В. черезъ полмѣсяца въ письмѣ С. Аксакову, который былъ наиболѣе искренно расположенъ къ писателю, таинственно намекаетъ, что ему, Гоголю, „предстоятъ глухія уединенія, дальнія отлученія", и заклинаетъ: „соединитесь ради меня тѣснѣй и больше, и сильнѣе другъ съ другомъ и подвигнитесь ко мнѣ святою христіанскою любовью, которая не требуетъ никакихъ вознагражденій" [1]). Менѣе, чѣмъ черезъ годъ Гоголь пишетъ новое посланіе изъ Ниццы „С. Аксакову и другимъ": оно носитъ сплошь назидательный характеръ друзьямъ, изъ которыхъ Погодинъ былъ почти на десять, а С. Аксаковъ на 18 лѣтъ старше наставника. „Я, говоритъ поучающій, посылаю вамъ совѣтъ, — не пренебрегайте имъ: онъ пошелъ прямо изъ душевнаго опыта, испытанъ и сопровожденъ сильнымъ къ вамъ участіемъ. Отдайте одинъ часъ вашего дня на заботу о себѣ; проживите этотъ часъ внутреннею, сосредоточенною жизнью. На такое состояніе можетъ навести васъ душевная книга. Я посылаю вамъ „Подражаніе Христу"... Читайте всякій день по одной главѣ, не больше. Если даже глава велика, раздѣлите ее надвое. По прочтеніи предайтесь размышленіямъ о прочитанномъ" и т. п., и т. п. (II, 378).

Надо замѣтить, что Гоголь въ письмахъ очень часто прибѣгаетъ къ церковно-славянизмамъ и священно-іерейской фразеологіи: „Душа моя слышитъ грядущее блаженство и знаетъ, что одного только стремленія нашего къ нему достаточно, чтобы всевышней милостью Бога

---

[1]) См. письма Гоголя, т. II, стр. 266, 267, 276, 280

оно ниспустилось въ души наши" (II, 209). „Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго эти строки, а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня, несомнѣнно, въ вашу душу" (II, 176). Выраженіями: „внутренній глазъ мой", „внутреннее зрѣніе", „духовное зеркало" и т. п. пестрятъ страницы переписки. Всѣмъ и всюду раздаетъ Гоголь, какъ будто служитель алтаря, свои благословенія: „посылаю вамъ (матери) свое благословеніе и всѣмъ моимъ сестрамъ". „Вмѣстѣ съ письмомъ симъ несется къ тебѣ (Данилевскому) благословеніе и сила". Жуковскому онъ пишетъ: „Благословенье снизойдетъ на васъ и на вашу супругу", и въ томъ же 1842 г. благословляетъ даже Иннокентія, тогда архіепископа Вологодскаго, а впослѣдствіи Херсонскаго, извѣстнаго духовнаго оратора [1]).

О чемъ же проповѣдовалъ и чему училъ Гоголь-поэтъ и авторъ „Размышленій о божественной литургіи", сочинитель молитвословій къ Богу [2]), писатель, которому, казалось, не хватало только церковнаго посвященія и рясы, чтобы стать духовнымъ витіей и священно-пастыремъ?

Несложна была его проповѣдь и немудрено было его учительство и въ прозаическихъ произведеніяхъ, и въ письмахъ передъ всѣми тѣми, кому онъ преподавалъ моральные совѣты, начиная отъ крестьянъ, помѣщиковъ и оканчивая литераторами, русскими женщинами, іереями, губернаторами и т. д. [3]). Однако, была въ этомъ наставничествѣ оригинальность и своеобразныя черты, характерныя для Гоголя и той среды, въ которой росъ и онъ, жили и предки его. „Учить общество" онъ понималъ „въ томъ простомъ значеніи, въ какомъ повелѣваетъ намъ Церковь учить другъ друга и безпрестанно" [4]). Церковь для него верховная инстанція всего, и разрѣшеніе вопросовъ жизни онъ видитъ

---

[1]) См. письма Гоголя, т. II, стр. 176, 168, 169, 174.

[2]) См. молитву, соч. Гоголемъ въ 1846 г., „Современникъ" 1858 г., кн. 11-я, стр. 159. Снимокъ текста молитвы, соч. Гоголемъ въ концѣ 1847 г., въ приложенія къ книгѣ „Изъ семейной хроники Гоголей", Кіевъ, 1909 г.

[3]) До какой степени наивно-богословскій и узко-дидактическій запасъ знаній и аргументовъ былъ у высшаго для Гоголя авторитета православной религіозности, у о. Матвѣя Константиновскаго, можно убѣдиться изъ работы И. Щеглова „Подвижникъ слова" С.-Пб. 1909 г. стр. 78 — 97 и 164 — 170. Но и этого было для Н. В. въ преизлишествѣ достаточно.

[4]) Собр. соч. IV, 276.

только въ ней [1]). И духовные писатели такъ именно и понимаютъ Гоголя, когда говорятъ о немъ, что онъ „въ своихъ теоретическихъ взглядахъ является передъ нами искреннимъ христіаниномъ православнаго исповѣданія, и его мысли о Богѣ, о церкви, о значеніи духовенства — это мысли преданнаго сына Православія" [2]). Но напрасно мы бы полагали, что Гоголь былъ тѣмъ поборникомъ православнаго клерикализма, который предоставляетъ духовенству руководство всею жизнью человѣческой. Въ статьяхъ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки" о церкви и духовенствѣ писатель опредѣленно говоритъ, что „у духовенства нашего есть два законныхъ поприща, на которомъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь" [3]). Онъ считаетъ, что было бы „нехорошо", если бы мы постоянно встрѣчались со священниками, и они входили бы въ наши семейныя дѣла. Совсѣмъ иныя отношенія должны быть установлены съ духовными лицами. „Русскому помѣщику" Гоголь прямо совѣтуетъ: „будь самъ ему наставникомъ", „читай съ нимъ духовныя книги, научай его проповѣдовать" [4]) и т. д.

Свои излюбленныя религіозно-учительныя идеи писатель сосредоточивалъ, въ существѣ дѣла, около нравственныхъ проблемъ—онъ былъ по преимуществу моралистъ. Гоголь всюду проповѣдовалъ личное усовершенствованіе и думалъ, что зло нисколько не зависитъ отъ общественно-государственнаго уклада, а лишь отъ индивидуальныхъ недостатковъ человѣка. Такъ, и въ духовномъ завѣщаніи своемъ онъ обращается къ друзьямъ со словами: „общество тогда только поправится, когда всякій честный человѣкъ займется собою и будетъ жить, какъ христіанинъ, служа Богу тѣми орудіями, какія ему даны, и стараясь имѣть доброе вліяніе на небольшой кругъ людей, его окружающихъ. Все придетъ тогда въ порядокъ, сами собой установятся тогда правильныя отношенія между людьми, опредѣляя предѣлы, законные всему. И человѣчество двинется впередъ" [5]). Самъ Гоголь искалъ спасенія въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, въ постѣ и особенно—въ молитвѣ, такъ какъ она ведетъ къ самоуглубленію, что

---

[1]) Ibid., 277.

[2]) См. *К. Агеевъ*, „Писатель-христіанинъ" въ сборникѣ „Памяти Гоголя", изд. подъ ред. И. Посадскаго. Кіевъ 1902 г., стр. 196. Въ многоглаголивой книгѣ Ѳ. Бухарева „Три письма Гоголю" С.-Пб. 1861 г. (написаны были въ 1848 г.) читатель ничего цѣннаго не найдетъ.

[3]) Собр. соч., IV, 37.

[4]) Собр. соч. IV, стр. 122—124.

[5]) См. письма Гоголя т. IV, стр. 424.

создастъ умѣніе находить въ своей душѣ, очищенной при посредствѣ молитвы, отвѣты, исходящіе отъ самого Бога. Гоголь искренне боялся чорта, какъ источника индивидуальнаго зла, и Бога, какъ карателя за это зло. Отсюда—страхъ смерти и загробныхъ мученій. Но мрачныя мысли лишь въ предсмертные дни окончательно овладѣли душей писателя; раньше его религіозныя представленія и поученія носили характеръ болѣе свѣтлый и примиряющій. Какъ справедливо указалъ В. Шенрокъ, главный принципъ всей „нравственной науки" Гоголя заключался въ поддержаніи среди близкихъ людей душевной бодрости и благодарности къ Богу за самыя несчастія, которыя посылаются для блага самихъ страждущихъ. Всѣ остальные совѣты и наставленія его являются уже выводами изъ этого общаго положенія примѣнительно къ многочисленнымъ частнымъ случаямъ, встрѣчающимся въ жизни [1]). И этими, ему казалось, новыми, имъ самимъ добытыми, неколебимыми истинами онъ хотѣлъ дѣлиться со всѣми людьми, нести проповѣдь смиренія, молитвы и самовоспитанія всѣмъ людямъ, какъ нѣкое спасительное откровеніе; и именно эту проповѣдь онъ считалъ дѣломъ своей великой миссіи, въ которую вѣрилъ еще въ юные годы. Самоуглубленно-возвышенное настроеніе духа только и можетъ дать человѣку жизненную бодрость и настоящее счастье, думалъ Гоголь и писалъ близкимъ: „глядите просто на міръ: онъ весь полонъ Божіихъ благодатей; въ каждомъ событіи сокрыты для насъ благодати; неистощимыми благодатями кипятъ всѣ несчастія, намъ ниспосылаемыя; и день, и часъ, и минута нашей жизни ознаменованы благодатями безконечной любви" (изъ письма О. Аксаковой, II, 292). А главное—„наблюдайте святыню совѣсти", говоритъ онъ другой внимательной слушательницѣ А. М. Віельгорской (IV, 227), —и въ этихъ словахъ слышится сокровенная дума и завѣтъ Гоголя-проповѣдника, Гоголя-художника, всегда съ такою чуткостью и мучительною тревогою относившагося къ вопросамъ святая святыхъ человѣка, къ правдѣ жизни, озаренной глубокою совѣстливостью.

По существу, слова и проповѣдь писателя были то же, что наставленія добраго пастыря, истоваго священника, витіеватаго духовнаго оратора—не болѣе того. Но именно то, что Гоголь принималъ за свое, истинно предназначенное ему Богомъ, его „дѣло душевное возвѣщать свою правду" придавало имъ силу и поглощало постепенно съ годами всѣ помыслы, всѣ интересы, всю душу пророчествующаго

[1]) „Матеріалы", т. IV, стр. 287.

писателя. И не случайно была такъ близка, дорога и мила Гоголю-учителю картина художника Иванова „Явленіе народу Іисуса Христа", какъ проповѣдника и благовѣстителя нравственной правды...

Мистицизмъ писателя сводился преимущественно къ вѣрѣ во все таинственное и чудесное и къ идеѣ о ближайшемъ общеніи съ Провидѣніемъ при посредствѣ самоуглубленія и молитвы. И первоначально, и въ гораздо позднѣйшее время идея эта исчерпывалась тѣмъ безусловнымъ убѣжденіемъ, что Промыслъ Божій заботится о людяхъ во всѣхъ путяхъ ихъ, вмѣшивается во всѣ помыслы и дѣянія ихъ. Вѣра въ то, что Богъ имѣетъ особое попеченіе лично и о Гоголѣ, и вообще о семьѣ Гоголей, исходила изъ религіозныхъ вѣрованій среды, выразившихся весьма рельефно въ міропониманіи Маріи Ивановны Гоголь, и поддерживалось горделивымъ представленіемъ о высокомъ предназначеніи, какое уготовало Провидѣніе для рода Гоголей. Мать писателя въ упоеніи отъ литературныхъ успѣховъ сына не только считала его геніальнымъ поэтомъ, но приписывала ему всѣ новѣйшія изобрѣтенія, какъ, напримѣръ, пароходы, желѣзныя дороги, и разсказывала объ этомъ всѣмъ. И никакія силы, по свидѣтельству А. Данилевскаго, не могли бы разубѣдить М. И. въ этомъ [1]). Самъ Гоголь, досадовавшій на такія смѣшныя преувеличенія матери, писалъ ей, однако, о своей сестрѣ Аннѣ: „я предрекаю вамъ, что это удивительное дитя будетъ *геній*, какого не видывали" (I, 129). И о себѣ онъ писалъ Погодину въ маѣ 1836 г., какъ о *пророкѣ*, которому нѣтъ славы въ отчизнѣ (ib., 370). Въ нѣжинскихъ письмахъ писателя постоянно говорится о томъ, какъ Богъ руководитъ думами и поступками юноши, и это предначертаніе Богомъ пути, эта идея избранничества есть неизмѣнный лейтъ-мотивъ всей жизни Гоголя. Кто скажетъ, когда написаны Гоголемъ слѣдующія строки, было ли ему двадцать, тридцать или сорокъ лѣтъ? „Богъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы я въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда былъ бы въ состояніи разсѣевать благо и работать въ пользу міра". И о томъ же самомъ пишетъ онъ черезъ семь лѣтъ Погодину, черезъ тринадцать—Жуковскому, черезъ двадцать—своимъ московскимъ друзьямъ и аристократическимъ знакомымъ. Эти послѣдніе, а также духовныя особы, особенно протоіерей Матвѣй Константиновскій, не явились создателями мистическаго на-

[1]) *В. Шенрокъ*, „Матеріалы", т. I, стр. 202.

строенія Гоголя. Аристократическіе и клерикальные друзья писателя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни лишь осложнили, извратили и довели до апогея достаточно первобытное, наивное и искони присущее Гоголю мистическое пониманіе Промысла Божія. Въ апрѣлѣ 1848 г. поэтъ писалъ о. Матвѣю: „Духъ обольститель такъ близко отъ меня и такъ часто обманывалъ, заставляя меня думать, что я уже владѣю тѣмъ, къ чему еще стремлюсь, и что покуда еще пребываетъ только въ головѣ, а не въ сердцѣ“. И могъ ли думать Гоголь, что этотъ „духъ-обольститель“ былъ не кто иной, какъ ржевскій протоіерей, фанатикъ аскетизма, проповѣдникъ покаянія и жизненнаго мрака?

Отъ такого міровоззрѣнія, какое, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе ясно опредѣлялось у писателя, недалеко до монашескаго самоотреченія. До него и дошелъ Гоголь, но въ нѣсколько оригинальной формѣ. Еще въ 1840 г. онъ увѣрялъ Бѣлозерскаго, что „теперь больше годится для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской“ (II, 37), а въ началѣ 1842 г. писалъ Языкову: „нѣтъ выше удѣла, какъ званіе монаха“ (II, 144). Осенью 1847 г. Гоголь сообщалъ о. Константиновскому: „если бы я узналъ, что могу въ монастырѣ уйти отъ міра, я бы пошелъ въ монастырь“ (IV, 90). Но въ монастырь онъ не ушелъ, да и не могъ уйти, слѣдуя пониманію своей земной миссіи: онъ долженъ былъ пребывать проповѣдникомъ среди людей, передъ людьми предстоять со своимъ учительствомъ, непосредственно нести міру свое наставительное слово, долженъ былъ оставаться, такъ сказать, „свѣтскимъ монахомъ“. Самому ему нуженъ былъ только „душевный монастырь“, какъ говорилъ онъ А. Смирновой (II, 492). Также Гоголь совѣтовалъ поступать и своимъ друзьямъ. Въ статьѣ „Нужно любить Россію“ онъ пишетъ А. Толстому, что у кого нѣтъ любви къ Богу, тотъ въ монастырѣ ея не найдетъ. „Идите въ міръ и пріобрѣтите прежде любовь къ братьямъ“. А въ слѣдующемъ письмѣ ему же онъ опредѣленно говоритъ: „монастырь вашъ—Россія. Облеките-же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея (Россіи), ступайте подвизаться въ ней“ [1]. П. Анненковъ очень удачно и образно высказалъ мысль о томъ, что „Мертвыя души“ была та подвижническая келья, въ которой онъ бился и страдалъ до тѣхъ поръ, пока не вынесли его бездыханнымъ изъ нея [2]). И по справедливости можно сказать, что вся его литера-

[1]) Собр. соч., т. IV, стр. 94, 96.
[2]) „Литерат. воспом.“, стр. 31.

турная дѣятельность, не однѣ „Мертвыя души“, была дѣломъ подвижника, своеобразнаго монаха и пророка.

Своеобразнымъ былъ онъ и аскетомъ. Ив. Тургеневъ, видѣвшій Гоголя въ 1851 г., говоритъ такъ: „онъ казался худымъ и испитымъ человѣкомъ, котораго уже успѣла порядочно измыкать жизнь. Какая-то затаенная тревога, какое-то грустное безпокойство примѣшивалось къ постоянно проницательному выраженію лица... Въ осанкѣ Гоголя, въ его тѣлодвиженіяхъ было что-то не профессорское, а учительское, что-то напоминавшее преподавателей въ провинціальныхъ институтахъ и гимназіяхъ. «Какое ты умное и странное, и больное существо!» невольно думалось, глядя на него“ [1]). Этотъ умный, странный и больной человѣкъ и по складу жизни своей представлялся необычнымъ и своеобразнымъ существомъ. Гоголь цѣлую жизнь былъ какъ бы прирожденнымъ „перекати-поле“,—вѣчнымъ путникомъ, паломникомъ, странствующимъ проповѣдникомъ и поэтомъ. И такимъ бездомнымъ, одинокимъ странникомъ прошелъ онъ всю свою житейскую дорогу. Никогда Гоголь не былъ тѣмъ счастливымъ путникомъ, который „послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью“ былъ бы охваченъ въ родномъ углу семейной уютностью и „радостными криками выбѣгающихъ на встрѣчу людей, шумомъ и бѣготней дѣтей и успокоительными тихими рѣчами, пылкими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти“. И оставался писатель всегда „безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, одинъ посреди дороги“. И сурово было его поприще, и горько чувствовалъ онъ свое одиночество....

Въ письмѣ къ Плетневу Гоголь пишетъ лѣтомъ 1846 г.: „видно, на то воля Божія, и мнѣ нужно, болѣе чѣмъ кому либо, считать свою жизнь безпрерывной дорогой и не останавливаться ни въ какомъ мѣстѣ иначе, какъ на временный ночлегъ и минутное отдохновеніе“ (III, 190). Совершенно необезпеченный матеріально, поэтъ-учитель гостилъ значительную часть своей жизни у близкихъ или знакомыхъ ему людей. Такимъ же гостемъ былъ онъ и у матери, на своей родинѣ, и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, гдѣ съ 1836 г. не имѣлъ постояннаго мѣста жительства, и на чужбинѣ, когда съ изумительною поспѣшностію, въ вѣчномъ движеніи переносился изъ одного въ другой уголъ Германіи, Италіи, Швейцаріи и Франціи [2]).

[1]) Соч. Тургенева, изд. 1898 г., т. XII, стр. 60—61.
[2]) О поѣздкѣ Гоголя въ Испанію и Португалію въ срединѣ 1837 г. см. „Записки“

Гоголь никогда не мечталъ объ осѣдлости, не заботился о будущемъ въ матеріальномъ смыслѣ слова. „Въ то время, какъ я думалъ о своемъ обезпеченіи, писалъ онъ Шевыреву, никогда у меня не было денегъ, когда же я не думалъ, тогда онѣ ко мнѣ всегда приходили, и я имѣлъ больше, чѣмъ нужно“ (IV, 314). Правда, это бывало очень рѣдко. Но Н. В. Гоголь былъ убѣжденъ въ томъ, что „кто слишкомъ занятъ трудомъ своимъ, того не можетъ смутить мысль о деньгахъ: онъ займетъ безъ церемоніи у перваго попавшагося пріятеля“ (III, 8). Деньги онъ самъ занималъ, когда было нужно, именно такъ, а умоляя о присылкѣ финансовъ, писалъ друзьямъ: „если не достанетъ денегъ, собирайте ихъ хоть въ видѣ милостыни. Я—нищій и не стыжусь этого званія“ [1]); или же говорилъ: „Какъ нищій, могу я теперь попросить у перваго встрѣчнаго въ увѣренности, что заплачу ему, если не самымъ дѣломъ, то искренними молитвами“ [2]). А. М. Віельгорской онъ сообщалъ: „за содержаніе свое и житье не плачу никому. Живу сегодня у одного, завтра у другого. Пріѣду къ вамъ тоже и проживу у васъ, не заплатя вамъ за это ни копейки“ (IV, 274). Шевыреву Гоголь писалъ: „У меня уже давно все мое состояніе—самый крохотный чемоданъ и четыре пары бѣлья“ (II, 268). И искренни, и правдивы были слова великаго писателя, когда онъ съ горечью отвѣчалъ В. Бѣлинскому: „слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными. У меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобы легче было разставаться съ міромъ“ [3]).

Таковъ былъ Гоголь-проповѣдникъ, аскетъ и странникъ. И что бы ни говорили и ни писали о Гоголѣ, а этотъ угрюмый, серьезный, суровый полу-монахъ, полу-учитель глубоко любилъ людей, и вѣчной думой его было благо человѣческое. Не былъ онъ тѣмъ аскетомъ, который уходитъ отъ міра въ пустыню, чтобы спасать одну свою душу, не былъ онъ тѣмъ мистикомъ, который общеніе съ Богомъ понимаетъ только въ смыслѣ врачующаго душу религіознаго экстаза. И самъ онъ всю душу свою хотѣлъ положить „за други своя“, и въ проповѣди наставлялъ другихъ служить міру и людямъ. Недаромъ „Авторскую исповѣдь“ Гоголь закончилъ словами: „я не знаю выше подвига, какъ подать руку изнемогшему духомъ“, а въ „Записной книгѣ“ на 1846 годъ занесъ такое пожеланіе: „Боже, дай полюбить еще больше людей! Дай собрать въ памяти все лучшее въ нихъ, припомнить ближе всѣхъ ближнихъ и, вдохновившись силой любви, быть въ силахъ изобразить! О, пусть же сама любовь будетъ мнѣ вдохновеніемъ“ [1]). Во многихъ мѣстахъ сочиненій и писемъ выражена у Гоголя мысль, что любовь къ Богу есть то же, что любовь къ людямъ. И Н. В. въ своемъ этическомъ міровоззрѣніи не игнорировалъ человѣка, сознавая нравственную силу „теплаго сочувствія, живого, сердечнаго влеченія и любви къ людямъ“. Признакомъ изображаемой имъ въ художественныхъ произведеніяхъ пошлости онъ считалъ именно отсутствіе таковой любви. И это была не только „идейная любовь“, „тоска по идеалу“. Источникомъ ея была реальная любовь, которая должна была у мыслящаго человѣка, у великаго писателя подняться на высшую ступень идейной любви. А на этой ступени она уже есть цѣлое міровоззрѣніе, соприкасающееся съ пессимистическимъ сознаніемъ человѣческаго безсилія передъ тайнами бытія, передъ его стихійными элементами, а съ другой стороны—со страстнымъ желаніемъ водворить царство Божіе на землѣ, съ вѣрой въ человѣчество, которое завоюетъ это царство, этотъ идеальный міръ. И это міровоззрѣніе, по условіямъ среды, воспитанія и образованія Н. В., отлилось у него не въ философскую, а въ религіозную форму, единственно возможную и доступную для Гоголя.

Но отсюда, отъ этого міросозерцанія еще далеко до *гражданскихъ* идеаловъ, до пониманія Гоголя преимущественно, какъ „писателя-гражданина“. „Гнѣвъ и любовь“, къ которымъ взывалъ онъ, не создаютъ сами по себѣ и непремѣнно гражданскихъ чувствъ. Онѣ, какъ и Некрасовская „месть и печаль“, придаютъ только окраску, вносятъ своеобразный тонъ въ сферу гражданскихъ убѣжденій, когда таковыя создаются изъ иныхъ источниковъ въ душѣ общественнаго дѣятеля, вдохновеннаго художника или же вообще мыслящаго человѣка—гражданина своей родной земли. Обидно, конечно, что человѣкъ, отъ котораго пошло все то, чѣмъ сильна новѣйшая русская литература, не вѣдалъ результатовъ своей творческой дѣятельности, но какъ ни блистательно, съ какимъ искусствомъ и съ какимъ страстнымъ желаніемъ возвысить общественное самосознаніе Н. В. ни написана

Кулиша, т. I. стр. 208—209, и „Матеріалы“ В. Шенрока, I т., стр. 336, и III т., стр. 196.

[1]) Письмо С. Аксакову II, 276; см. также т. II, стр. 269.

[2]) Рус. стар. 1909 г. № 3, стр. 470.

[3]) Отрывки изъ непосланнаго письма, т. IV, стр. 35.

[1]) Собр. соч., т. VI, стр. 538.

статья С. А. Венгерова на тему „Гоголь-писатель-гражданинъ“, убѣдительно доказать это положеніе, однако, отнюдь не удалось критику, несмотря на то, что ему пришлось установить необыкновенно широкія рамки при опредѣленіи гражданскаго міропониманія, общественныхъ идеаловъ и убѣжденій. Для того, чтобы объединить представленіе о Гоголѣ-художникѣ съ понятіемъ о гражданинѣ-писателѣ, авторъ статьи проситъ „подняться до широкаго родового понятія о направленіи, не ограничивающагося такою перемѣнною величиною, какъ то или другое отношеніе къ общественно-политическимъ вопросамъ“. Онъ полагаетъ, что не нужно „связывать понятіе о гражданскомъ строѣ мысли непремѣнно съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ“. „Гражданинъ, говоритъ С. А. Венгеровъ, есть тотъ, который *въ той или другой формѣ*, но страстно и напряженно думаетъ о благѣ родины, ищетъ пути для достиженія этого блага и подчиняетъ всѣ остальныя свои стремленія этому верховному руководящему началу“ [1]). Но въ этомъ-то и дѣло, что „въ той или другой формѣ“. Чтобы быть гражданиномъ, мало лишь думать о благѣ родины вообще, важно еще и то, *какъ* думать, и прежде всего—признавать или не признавать общественную свободу и самодѣятельность. А у Гоголя была форма представленія о благѣ родины глубоко-реакціонная, родственная съ насиліемъ надъ гражданскимъ чувствомъ, надъ гражданскою общественною самодѣятельностію, противорѣчащая основамъ общественности, однимъ словомъ—не гражданская. Довольно для этого вспомнить, какъ онъ смотрѣлъ на крѣпостное право, на роль помѣщиковъ и предержащихъ властей, на просвѣщеніе, демократизацію массы и поступательное движеніе впередъ русскаго общества по дорогѣ къ лучшему будущему... Пусть Гоголя „не захватывала ни любовь, ни семейное счастье, ни область личныхъ радостей и разочарованій“, пусть—„сфера его художественныхъ интересовъ была всегда соціальная, массовая, и онъ, за незначительными исключеніями, никогда почти не рисуетъ индивидуальныхъ портретовъ, и всякая личность у него—часть общественнаго цѣлаго, коллективное—поглощаетъ индивидуальное“, пусть „героями его всегда являются лица собирательныя, какой-нибудь классъ, какое-нибудь сословіе, какая-нибудь полоса жизни“..... Что изъ этого? Можетъ быть, „отъ даннаго органическаго интереса Гоголя одинъ только шагъ къ общественности, къ его тоскѣ по общественному совершен-

[1]) „Очерки по ист. рус. литерат.“, 2-е изд., стр. 175—176.

ству и болѣзненная жажда идеала“ [1])..... Но именно—*болѣзненная жажда*. Потому и была она болѣзненною у Гоголя, что не согрѣвало ея гражданское самосознаніе, что, говоря объ общемъ благѣ, онъ не сознавалъ, въ чемъ его основа, не понималъ, что корни общественнаго зла заключаются въ самомъ государственномъ укладѣ и общественномъ строѣ. Гоголь чувствовалъ, что „пошлость заѣдаетъ міръ“, но не сознавалъ общественно-политическихъ причи[illegible]той пошлости, и потому не былъ онъ „писателемъ-граж[illegible]нин[illegible]

V.

Гоголь былъ писатель-моралистъ. Кто вдумывался въ жизнь Гоголя, интересовался его душевнымъ дѣломъ, кто помнилъ, что онъ—типичный, прирожденный малоруссъ, впитавшій изъ родной почвы многое изъ ея традиціоннаго прошлаго, вниманіе кого одинаково привлекалъ и Гоголь-писатель, и Гоголь-проповѣдникъ, наставникъ и учитель, тотъ не могъ не подивиться сложности, своеобразію и красочности въ очертаніяхъ его характерной личности. Но душевный рисунокъ этого украинца создался не только подъ условіями личной жизни его и ближайшей среды родственниковъ и знакомыхъ. Корни оригинальной природы и характернаго своеобразія Гоголя лежатъ далеко за предѣлами индивидуальной личности писателя. Мы далеки отъ мысли видѣть въ особенностяхъ духовнаго облика Н. В. Гоголя какія-то незыблемыя черты національнаго уклада въ родѣ свойственныхъ, де, малоруссамъ лиризма, комизма, даже юмора и ироніи,—это черты, во всякомъ случаѣ, не національнаго порядка. Не можемъ мы согласиться и съ тѣмъ, что говоритъ объ атавизмѣ и наслѣдственной преемственности задатковъ у Гоголя извѣстный западно-европейскій знатокъ русской литературы Мельх. Вогюэ: объ его мечтательности, углубленіи въ самого себя, полетѣ воображенія, которыя свойственны „людямъ степи“, объ его „козацкой крови бродячаго авантюриста“, ни, наконецъ, о „малорусскихъ козацкихъ союзахъ, которые передали потомкамъ республиканскую душу и наиболѣе дорогія для малоросса традиціи свободы и дерзостной отваги“ [2]). Фантастичны и утвержденія М. Вогюэ, что среди фамилій, вышедшихъ изъ этой козацкой среды были и Гоголи, въ семьѣ которыхъ и жили будто бы эти наслѣдственныя революціонныя наклонности, бродяжническіе инстинкты,

[1]) Ibidem, стр. 177—178.

[2]) „Revue des deux mondes“ 1885 novembre, p. 242, 243, 245.

любовь къ приключеніямъ и сверхъестественному [1]). Эти слова такъ же достовѣрны, какъ сообщенія французскаго писателя, что въ Украинѣ, породившей и взлелѣявшей Гоголя, солнце посылаетъ несравненные урожаи, а жизнь легка и радостна [2]).

Однако, дѣлая эти оговорки, мы будемъ настаивать на томъ, что въ способахъ проявленія своей психической сущности и своего геніальнаго художественнаго дарованія, своего дѣла душевнаго, въ пріемахъ ихъ выраженія, въ самомъ своеобразіи личности писателя, несомнѣнно, сказалась роль малорусскихъ культурно-историческихъ переживаній, семейно-родовыхъ традицій, превозмогающей силы безсознательнаго проявленія наслѣдственности. Отразилось это и на характерѣ его литературной работы, и на проповѣднической его дѣятельности [3]).

Гоголь не явился неожиданнымъ чудомъ,—онъ выросъ на украинской почвѣ; съ нимъ, какъ съ учителемъ жизни, были знакомы его земляки еще задолго до существованія самого писателя. Но только знали они подобнаго наставника съ инымъ талантомъ, въ иномъ образѣ, въ иной обстановкѣ и въ другое время. Мы говоримъ объ украинскомъ философѣ-поэтѣ XVIII-го в. Гр. С. Сковородѣ. Съ другой каѳедры, передъ другой аудиторіей, съ другими результатами велъ этотъ оригинальный человѣкъ свое душевное дѣло, но по исходнымъ точкамъ, по основнымъ очертаніямъ своего этическаго міровоззрѣнія, по способу и пріемамъ проявленія нѣкоторыхъ сторонъ своего таланта, по характеру склонностей и по нѣкоторымъ общимъ особенностямъ житейской его обстановки онъ во многомъ напоминаетъ своего геніальнаго потомка—Н. В. Гоголя.

О Григоріи Саввичѣ Сковородѣ почти ничего или очень мало знаетъ русская читающая публика. Да не посѣтуютъ читатели за самый краткій очеркъ жизни и ученія этой интересной и характерной личности. Быть можетъ, кое-что уяснится для нихъ и въ загадочной натурѣ великаго писателя.

Г. С. Сковорода (1722—1794 г.г.) былъ уроженцемъ козацкой семьи Лубенскаго уѣзда, откуда пошелъ и родъ Гоголей. Учился онъ въ Кіевской духовной академіи; былъ вывезенъ, какъ хорошій пѣвчій,

[1]) Ibid., p. 243.
[2]) Ibid., p. 242.
[3]) Смѣемъ думать, что и будущій изслѣдователь отношеній и вліянія на Гоголя малорусской литературной традиціи и украинскаго народнаго творчества дастъ подтвержденія соображеніямъ, какія высказаны нами ниже.

ко двору Елизаветы, гдѣ его соотечественники и товарищи достигали даже супружескаго положенія незамужнихъ императрицъ, но въ Петербургѣ пробылъ недолго и достигъ только званія придворнаго уставщика, да въ духовной іерархіи—дьяка (1744 г.). Вскорѣ по возвращеніи на родину случайныя обстоятельства позволили Сковородѣ познакомиться съ европейскою жизнью, нравами и просвѣщеніемъ. Онъ исходилъ и изъѣздилъ многія мѣста въ Германіи, побывалъ, можетъ быть, и въ Италіи: есть свѣдѣнія, что онъ посѣтилъ Римъ и другіе итальянскіе города. Въ Малороссію Сковорода вернулся полный учености, но ничего не имѣющій и бѣдный. Велъ онъ образъ жизни странствующаго бездомника, пока не получилъ мѣста учителя поэзіи въ Переяславской духовной школѣ. Тамъ написалъ Г. С. Сковорода первый свой трудъ „Руководство о поэзіи", куда позволилъ себѣ внести нѣкоторыя новшества въ родѣ замѣны виршей Симеона Полоцкаго стихами Ломоносова и т. п. Руководство его раскритиковали духовные наставники, и епископъ переяславскій потребовалъ измѣненій въ курсѣ поэзіи, на что Сковорода не согласился, считая себя болѣе знающимъ и правымъ, а на своемъ объясненіи для консисторіи написалъ: alia res sceptrum, alia—plectrum (т. е. иное дѣло—пастырскій жезлъ, а иное—пастушья свирѣль). Епископъ далъ резолюцію: „не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню" и прогналъ учителя съ каѳедры.

Тогда началась скитальческая жизнь Гр. Сковороды по Украинѣ, продолжавшаяся всѣ сорокъ лѣтъ. Остался онъ „безъ мѣста, безъ пропитанія, но не безъ надежды", какъ говоритъ его біографъ [1]). Иногда Г. С. Сковорода поступалъ учителемъ къ малорусскимъ панамъ, но тѣ прогоняли его за независимый нравъ и рѣзкія мысли и слова. Приходилось ему быть и школьнымъ наставникомъ, и учителемъ „правилъ благонравія" въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Послѣднее предложеніе онъ принялъ „охотнѣйше", но отказался брать „опредѣленное за классъ сей по окладу жалованье". Тогда Сковорода написалъ „Начальную дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства", но обличительныя, энергичныя рѣчи преподавателя вскорѣ опять лишили его пристанища. Такъ бродилъ онъ всю жизнь по родной землѣ въ сѣрой мужицкой свиткѣ, съ палкой-журавлемъ въ рукахъ, съ флейтой за поясомъ и сумой за плечами: въ этой ко-

[1]) Житіе Г. Сковороды, описанное его ученикомъ и другомъ М. И. Ковалѣнскимъ. Кіевъ 1886 г., стр. 15.

томкѣ лежало все его имущество—„двѣ худыя рубашки, одинъ камлотовый кафтанъ, одни башмаки, одни черные гарусные чулки", да еще Библія и рукописные свитки его сочиненій. Біографъ говоритъ, что онъ былъ „присельникъ, странникъ, не имѣлъ родства, стяжанія и угла, гдѣ главу преклонити". Сковорода и самъ себя сравнивалъ съ „байбакомъ" (сусликомъ), уединенно и одиноко живущимъ въ своемъ бугоркѣ земли. Онъ „и непремѣннаго жилища не имѣлъ нигдѣ, почитая себя пришельцемъ на землѣ во всемъ разумѣ сего слова" [1]). Иногда проживалъ учитель у своихъ знакомыхъ, пріятелей и поклонниковъ, которыхъ у него было множество по всей Украинѣ. „Многіе хулили его, говоритъ Ковалѣнскій, нѣкоторые хвалили, но всѣ хотѣли видѣть его, можетъ быть за одну странность и необыкновенный образъ жизни, но многіе знали его таковымъ, каковъ онъ въ самой точности былъ внутренно". Не разъ предлагали ему высшіе духовные лица и поклонники, чтобы принялъ онъ монашескій санъ, и обѣщали высокое положеніе въ церковной іерархіи, „славу, изобиліе всего, почтеніе и счастливую жизнь", но Сковорода настойчиво отказывался отъ этой чести и остался навсегда міряниномъ, „дабы удобнѣе выполнить заповѣдь къ ближнему" [2]), аскетомъ по жизни, но не монахомъ по положенію, такъ какъ хотѣлъ жить среди міра и приносить этому міру добро своимъ поученіемъ и примѣромъ. Даже сана священника онъ не принялъ и, какъ разсказываютъ, въ духовной академіи прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ и заикающимся, чтобы не быть посвященнымъ въ іерейскій санъ, за что и былъ прогнанъ изъ бурсы. „Старость, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои сожительницы", писалъ Г. Сковорода въ 1779 г. одному изъ своихъ учениковъ [3]), и заботился онъ только объ „ангельскомъ" хлѣбѣ, т. е. о своемъ поученіи. Онъ переходилъ изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей, наставлялъ взрослыхъ и проповѣдовалъ всѣмъ, кого встрѣчалъ по дорогѣ, „предлагая свое ученіе то въ видѣ свободной импровизаціи, то въ видѣ притчи или любимой народомъ стихотворной псальмы". Но больше всего находилъ онъ слушателей среди людей шляхетскаго круга, такъ какъ проповѣди его съ философской стороны были мало понятны простонародію. Многіе изъ образованныхъ малороссіянъ того времени души не чаяли въ наставникѣ, гордились его посѣщеніями, переносили безропотно рѣзкіе упреки и жестокія обличенія и хваст-

[1]) „Житіе", стр. 37.

[2]) Ibid., 27.

[3]) Соч. Г. Данилевскаго „Г. С. Сковорода". Соб. соч. т. VIII, стр. 321.

ливо говорили о немъ черезъ полвѣка послѣ смерти Сковороды, какъ, напримѣръ, В. Каразинъ, что „подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница". М. Ковалѣнскій пишетъ, что Г. Сковорода въ зрѣлые годы былъ всегда веселъ, бодръ, воздержанъ, цѣломудренъ, словоохотливъ, гдѣ не принуждаютъ говорить; изъ всего умѣлъ вывести нравоученіе, былъ привѣтливъ къ людямъ всякихъ положеній и всякаго состоянія, „посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набоженство безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести" [1]). Другіе современники, знавшіе Сковороду, говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ и ученомъ, но своенравномъ, излишне самолюбивомъ, нетерпящемъ никакого противорѣчія, требовавшимъ отъ слушателей слѣпого повиновенія [2]). Из. Срезневскій сообщаетъ о Сковородѣ, что „выросшій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть поневолѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрубѣть; съ лѣтами созрѣло въ немъ ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Сначала добрый, игривый, онъ мало-по-малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, дичалъ все болѣе и погрузился въ бездну мистицизма. И часто многіе стали тогда прозывать его не только чудакомъ, но и юродивымъ" [3]). Умеръ этотъ оригинальный учитель и бродячій философъ 29-го октября 1794 г. семидесяти двухъ лѣтъ онъ роду и похороненъ былъ въ усадьбѣ одного изъ почитателей на возвышенномъ мѣстѣ, близъ рощи. На могильной плитѣ была начертана завѣщанная имъ надпись: „міръ ловилъ меня, но не поймалъ".

Роль проповѣди и учительства Г. Сковороды для лѣвобережной Украины, а особенно Слобожанщины, была громадна. За отсутствіемъ другого нравственнаго интереса въ украинскомъ обществѣ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его лучше всего назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока наконецъ, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти Сковороды, не былъ въ Харьковѣ основанъ постоянный университетъ. И что замѣчательно:

[1]) „Житіе", стр. 19.

[2]) См. статью *И. Вернета* о Сковородѣ въ „Украинск. вѣстн." 1817 г., кн. IV.

[3]) „Утренняя звѣзда", 1834 г., кн. 1.

почитателю Сковороды В. Каразину, которому обязана эта высшая школа своимъ возникновеніемъ, только потому удалось дѣло его жизни, что въ 1803 г. первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей для основанія университета были большею частію или ученики, или короткіе знакомые, или друзья Сковороды [1]).

Какъ проповѣдникъ, Г. Сковорода былъ философъ-моралистъ. Завѣтною цѣлью всѣхъ рѣчей его было пробужденіе людей къ жизни духа, къ благородству сердца и къ „свѣтлости мыслей, яко главѣ всего". Самъ онъ говоритъ о себѣ въ сочиненіи „Разговоръ дружескій о душевномъ мірѣ": „изъ самыхъ младенческихъ лѣтъ тайная сила и манія влекли меня къ нравоучительнымъ книгамъ". Сковорода старался влiять на нравственныя понятія и самую жизнь тѣхъ, съ кѣмъ приходилъ въ близкое общеніе. Средствомъ для этого были не только устныя бесѣды по сократическому методу, а и сочиненія, какія онъ писалъ для своихъ учениковъ, но для печати, надо думать, не предназначалъ. Сочиненія эти переписывались и расходились среди образованныхъ земляковъ философа въ значительномъ количествѣ списковъ, а печатному тисненію были преданы гораздо позже.

Въ сочиненіяхъ Сковороды, какъ и въ письмахъ, сильно напоминавшихъ обращеніями, фразеологіей, риторичностью и наставительнымъ тономъ посланія отцовъ и учителей церкви, выразилось все міровоззрѣніе „старца Григорія Варсавы (сына Саввы)", какъ называли его иногда въ украинскомъ обществѣ. Изслѣдователь его философскихъ трактатовъ проф. Зеленогорскій говоритъ, что главный недостатокъ своего времени Сковорода видѣлъ въ упадкѣ нравственности въ обществѣ и въ отсутствіи нравственнаго идеала. Этого идеала онъ не находилъ не только въ своемъ отечествѣ, но и за границей. Утилитарное направленіе умовъ, развивавшееся подъ вліяніемъ естественно-научныхъ открытій, которое заглушало всѣ высшіе умственные и нравственные запросы человѣческаго духа, вызывало со стороны философа-моралиста сильное порицаніе. Во имя этихъ-то высшихъ требованій духа онъ и ратовалъ противъ матеріалистическаго направленія жизни, указывая на то, что эти требованія безотчетно сказываются въ человѣчествѣ въ видѣ испытываемой неудовлетворенности духа и мысли [2]). Но особенно близко сердцу Г. Сковороды былъ

[1]) Соч. *Гр. Данилевскаго*, т. VIII, стр. 323, 336.

[2]) „Вопросы филос. и психол.", 1894 г., кн. 3, стр. 197—198.

упадокъ нравовъ среди его современниковъ и земляковъ. Преобладаніе грубыхъ матеріальныхъ интересовъ въ украинскомъ обществѣ и вызвало, какъ естественную реакцію противъ себя, страстную проповѣдь Сковороды, направленную противъ плоти, матеріи, міра въ защиту всего высшаго, духовнаго, нравственнаго. Въ этомъ сущность ученія философа, основной господствующій мотивъ всѣхъ его сочиненій и жизни [1]). Ученіе Г. Сковороды сводится къ вопросу о томъ, въ чемъ заключается истинное благо человѣка, т. е. къ вопросу о религіозно-нравственныхъ задачахъ жизни. По мнѣнію Сковороды, совершенствованіе человѣка заключается „не въ вѣдѣніи таинствъ и не въ исполненіи обрядовъ тайноводства", а въ дѣланіи истинной пользы ближнему. Отсюда и философія его не есть изслѣдованіе о методахъ самопознанія, но—возвышенное настроеніе духа, равносильное понятію о счастьѣ. Біографъ Сковороды сообщаетъ, что когда его однажды спросили: „что есть философія?" Гр. Сковорода отвѣчалъ: „когда духъ въ человѣкѣ веселъ, мысли спокойны, сердце мирно, то все свѣтло, счастливо, блаженно: сіе есть философія". Что касается добродѣтели, то она есть не что другое, какъ самый трудъ, направленный по указаніямъ мудрости къ достиженію счастія.

Переходя къ разъясненію понятія о счастьѣ, Сковорода устанавливаетъ примѣты его: оно должно быть благо, для всѣхъ доступно и прочно. Не далеко оно отъ насъ: „Царство Божіе внутри васъ есть". Чтобы быть счастливымъ, нужно только предаться волѣ Божіей: „чѣмъ кто согласнѣе съ Богомъ", говоритъ онъ, „тѣмъ мирнѣе и счастливѣе" [2]). Въ жизни практической счастіе выказывается дѣлами любви, сама же любовь есть „законъ природы, самонужнѣйшій для блага человѣческаго, всеобщій, напечатанный въ сердцѣ каждаго, данный каждому существу, даже послѣдней песчинкѣ" („Житіе Сковороды"). Такой основной мотивъ философіи Сковороды заставлялъ многихъ сближать его ученіе съ ученіемъ масонства, широко распространившимся въ русскомъ обществѣ XVIII в. По поводу этого въ бесѣдѣ съ М. Ковалѣнскимъ Сковорода говорилъ: „Я не знаю мартинистовъ, ни разума, ни ученія ихъ; если же они мудрствуютъ въ простотѣ сердца, что бы быть полезными гражданами обществу, то я почитаю ихъ, но для сего не для чего бы имъ особничествовать. Любовь

[1]) Предисловіе проф. *Багалѣя* къ „Собр. соч. Сковороды", Харьк., 1894 г., стр. LII.

[2]) *П. Житецкій*, „Энеида" Котляревскаго въ связи съ обзоромъ малорус. литературы XVIII в." 1900 г., стр. 46.

къ ближнему не имѣетъ секты: на ней весь законъ и пророки висятъ" [1]).

Но что очень характерно въ жизни и ученіи Сковороды, это странная, на первый взглядъ, отчужденность этого человѣка, вся жизнь котораго прошла „на людяхъ" и для пользы людей, отъ современной ему украинской общественности и отъ всего историческаго прошлаго своей родины. Онъ въ буквальномъ смыслѣ отворачивался отъ всего, напоминавшаго и въ прошломъ, и въ настоящемъ Малороссіи о гражданскихъ и политическихъ вопросахъ. Изслѣдователь его роли въ украинской литературѣ и просвѣщеніи XVIII в. указываетъ, что онъ „создалъ для себя особенную сферу отвлеченныхъ положеній, въ которыхъ не было и слѣда общественнаго самосознанія. Всякая другая работа внѣ этой субъективной формы самоусовершенствованія казалась ему ниже его достоинства" [2]). Такъ, несмотря на то, что въ его словахъ часто слышится демократическое настроеніе, что философъ, напримѣръ, недоумѣвалъ по поводу дѣленія людей на „черный народъ" и „бѣлыхъ господъ" и не зналъ, какъ же „изъ утробы чернаго народа вылонились бѣлые господа" и называлъ эти „мудрованія" „барскими умностями" [3]),—Сковорода, однако, ни однимъ словомъ не отозвался на жгучіе вопросы своего времени, которые рѣшались не въ пользу народа. Равнодушными глазами смотрѣлъ онъ на закрѣпощеніе его. Оптимистъ по своему міровоззрѣнію, онъ совѣтовалъ въ „Алфавитѣ міра" каждому довольствоваться своимъ положеніемъ, оставаться въ природномъ своемъ званіи, сколько оно ни подлое, а въ баснѣ „Голова и тулубъ" дѣлалъ такое нравоученіе простому народу: „народъ долженъ обладателямъ своимъ служить и кормить ихъ". И никогда онъ серьезно не увлекался горькой судьбой того самаго народа, среди котораго родился и странствовалъ. „Идеалистъ по натурѣ, онъ не могъ пойти вслѣдъ за тѣми земляками своими, которые въ новыхъ порядкахъ жизни искали личнаго счастья,—но не могъ также увлекаться и старыми идеалами, которые въ его время потеряли свое обаяніе" [4]).

Въ восемнадцатомъ и слѣдующемъ вѣкахъ людей подобнаго склада, оставшихся ярко типичными представителями своего племени и разорвавшими историко-культурныя и идейныя связи съ народомъ,

---

[1]) „Житіе Сковороды", стр. 41.
[2]) *П. Житецкій*, „Энеида", стр. 55.
[3]) *Арх. Гавріилъ*, „Ист. философіи", ч. VI, стр. 68.
[4]) *П. Житецкій*, „Энеида", стр. 50, 55.

изъ рядовъ котораго они сами недавно вышли, Украина представила безконечное множество, начиная отъ мелкихъ „ябедниковъ" во всякихъ канцеляріяхъ и оканчивая сановниками на высшихъ ступеняхъ духовной и свѣтской іерархіи и даже въ царскихъ чертогахъ. Наиболѣе выразительными фигурами интеллигентнаго круга украинцевъ подобнаго типа для XVIII в. былъ философъ, проповѣдникъ и странствующій учитель—Сковорода; для XIX в.—поэтъ-моралистъ, вѣчный путникъ и наставникъ жизни—Гоголь.

Была у нихъ и еще одна общая черта въ характерахъ,—результатъ и личныхъ качествъ, и пророческой миссіи, принятой ими на себя, — какая сближаетъ этихъ двухъ представителей украинскаго племени.

О Гр. Сковородѣ въ послѣдній періодъ жизни справедливо сказано, что „при всемъ нравственномъ достоинствѣ его личности было въ немъ что-то самодовлѣющее и жесткое. Само убожество, которое, повидимому, приближало его къ простому народу, имѣло отчасти декоративный характеръ. Сковорода отлично понималъ силу впечатлѣнія, производимаго контрастомъ между его убогимъ видомъ полунищаго и ученою, иногда загадочною его рѣчью. Самолюбію Г. С. всегда льстило это впечатлѣніе, которое доставляло ему исключительную роль въ свѣтѣ. То было смиреніе, о которомъ правильно говорятъ, что оно „паче гордости" [1]). И было оно присуще Гоголю, какъ и Сковородѣ. Проповѣдничество и учительство, безпріютность и одиночество обоихъ подъ конецъ жизни не могли не отразиться на душевномъ ихъ настроеніи. Горькое слово слышимъ мы изъ устъ философа, по натурѣ оптимиста: „Что жизнь? То—странствіе. Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между несчастными степями, колючими кустарниками,—а буря надъ головою и негдѣ укрыться отъ нея. Но—бодрствуй!" [2]). Поэтъ, по природѣ меланхоликъ, не могъ въ послѣдніе дни своей жизни и заключительнаго призыва философа обратить къ себѣ. Жутко читать его предсмертныя записки: „Помилуй меня грѣшнаго, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственною силою неисповѣдимаго креста" [3])...

Не былъ и Г. Сковорода въ своемъ проповѣдничествѣ исключи-

---

[1]) Ibidem, стр. 51.
[2]) „Утр. звѣзда", 1834 г., кн. I.
[3]) Письма Гоголя, т. IV, стр. 426.

тельно туманнымъ философомъ морали и мистики. Мысли болѣе общедоступныя онъ излагалъ въ стихотвореніяхъ, басняхъ, духовныхъ псальмахъ и притчахъ. Такъ и притчи евангельскія были прототипами послѣдующей обличительной литературы. Вирши свои философъ слагалъ иногда подъ вліяніемъ народныхъ пѣсенъ, заимствуя изъ нихъ не столько поэтическіе образы, сколько общія идеи, болѣе или менѣе подходившія подъ его философское міровоззрѣніе ¹). Нѣкоторыя произведенія Сковороды, напр., сатирическая пѣснь „Всякому городу нравъ и права“, были очень популярны и распѣвались украинскими бродячими пѣвцами, бандуристами и слѣпцами подъ наименованіемъ псальмовъ. Умъ Сковороды, склонный къ рефлексіи, вообще имѣлъ направленіе обличительное и сатирическое. Въ басняхъ-притчахъ его много грубоватой соли и дидактики. Посылая рукопись трехъ десятковъ своихъ басенъ нѣкоему А. Панкову, онъ писалъ ему между прочимъ: „мудрая игрушка утаиваетъ въ себѣ силу. Не призираю баснословія. Басня тогда бываетъ скверная и бабья, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины, похожа на орѣхъ-свищъ. Глупую важность встрѣчаютъ по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь. А люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложь, но внутрь истина, картинка сверху смѣшная, но внутрь боголѣпна“ ²). Такъ понималъ Сковорода смыслъ сатирическаго изображенія жизни и ея назидательность. „Иронія Сковороды была большею частію прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда переломляла высшую степень восторга“ ³). А въ этомъ и заключается соединеніе лирическаго паѳоса и обличительнаго смѣха, которые были основными мотивами и художественнаго творчества Гоголя.

Любопытно, что оба украинца любили природный языкъ свой и въ устныхъ бесѣдахъ часто прибѣгали къ малорусскому слову, но въ письменной рѣчи всегда держались великорусскаго языка, хотя обоимъ приходилось передѣлывать и приспособлять малорусское слово къ великорусскому выраженію. Насилія надъ языкомъ въ произведеніяхъ Сковороды доходятъ до того, что онъ импровизируетъ особенныя

¹) *П. Житецкій.* „Энеида“..., стр. 55.

²) Предис. къ „Баснямъ харьковскимъ“, изд. въ Москвѣ въ 1837 г.

³) См. статью *Хиждеу*, „Г. В. Сковорода“, въ „Телескопѣ“ 1835 г., т. XXVI и арх. Гавріила „Ист. фил. въ Рос.“, ч. VI.

формы не то малорусскія, не то великорусскія ¹). Можно указать немалое количество подобныхъ же словоыраженій и въ литературной рѣчи Гоголя.

Наконецъ, Сковорода со всѣми особенностями его воззрѣній былъ не однимъ лишь порожденіемъ культурно-историческихъ традицій переживаемаго Малороссіей политически-бытового періода, но и самое „житіе“ его приняло именно данныя, а не какія-нибудь иныя формы, подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій украинской жизни. Во всякомъ случаѣ, внѣшняя форма ихъ не была выдумана самимъ Сковородой. Онъ былъ представителемъ того типа людей, которые извѣстны въ XVIII в. подъ именемъ странствующихъ дьяковъ, съ тою разницею, что не имѣлъ многихъ ихъ слабостей. И въ самомъ дѣлѣ, по своему, такъ сказать, іерархическому положенію, онъ имѣлъ право носить стихарь и былъ дьякомъ, сдѣлавшись таковымъ послѣ того, какъ получилъ увольненіе изъ придворныхъ пѣвчихъ со званіемъ придворнаго уставщика ²).

Дьяки въ Малороссіи играли очень большую роль въ народной жизни XVII—XVIII вв. „Панъ-дьякъ“ былъ прежде всего школьнымъ учителемъ, „письменнымъ человѣкомъ“, регентомъ хора. Многіе дьяки и до конца дней своихъ оставались въ этомъ духовномъ званіи и полусвѣтскомъ положеніи, если по разнымъ причинамъ не удавалось „выдряпаться на попа“. Народная вѣра, народное просвѣщеніе, сама народная жизнь Малороссіи испытывала постоянную нужду въ дьякахъ. Набирались они и изъ людей уравновѣшенныхъ, совершавшихъ свой жизненный путь въ предѣлахъ духовной „лѣствицы“, но такіе скоро уходили „на верхи“. Большинство же дьяковъ—учителей и церковнослужителей—вербовалось изъ многочисленной толпы такъ называемыхъ „странствующихъ школьниковъ“, среди которыхъ не малую группу представляли всякіе неудачники. Изъ школы они не выносили законченныхъ знаній и пускались по свѣту промышлять обрывками науки, которая въ цѣломъ своемъ составѣ была для нихъ, „яко темная вода во облацѣхъ воздушныхъ“. Съ этими обрывками свѣдѣній они появлялись въ народъ и озирали его съ высоты своего школярскаго знанія. Но не столько выдвигались они и привлекали народное расположеніе научными познаніями, которыя были у нихъ скудны, сколько литературными и

¹) *П. Житецкій*, „Энеида“..., стр. 52—53.

²) Ibid., стр. 49.

вообще художественными вкусами и навыками. Они умѣли рисовать, писать „куншты", распѣвать псальмы, канты и церковныя пѣсни [1]).

Таковы были любезные народному пониманію и чувству „мандрованные" (бродячіе) дьяки. Весьма интересно то, что, хотя они избирались сельскимъ обществомъ („громадою") прежде всего, конечно, за хорошій голосъ, за умѣнье и знаніе, какъ совершать соотвѣтственныя церковныя службы, но въ то же время дьяки, выступавшіе кандидатами на вакантное мѣсто, должны были заявить себя передъ громадною находчивостью и остроуміемъ. Это происходило, напримѣръ, такъ. Громада собиралась на церковномъ погостѣ, возлѣ колокольни, а кандидатъ на мѣсто дьяка взбирался на нее и оттуда произносилъ рѣчи, большею частью въ юмористическомъ духѣ, пользуясь или произведеніями своей музы или заимствованіями и разсказами апокрифическаго свойства. Если было нѣсколько такихъ кандидатовъ, то обыкновенно при церкви оставался тотъ, кто скажетъ что-нибудь болѣе остроумное и смѣшное [2]). Эти дьяки, какъ было сказано выше, происходили изъ рядовъ „странствующихъ школяровъ", которые столь выразительно обрисованы Гоголемъ въ повѣсти „Вій". Старинная малорусская пословица гласила когда-то: „школа всякимъ страннымъ домъ есть вольный". Здѣсь бросали якорь утомленные странники на болѣе или менѣе продолжительное время. Иные оставались въ приходѣ, гдѣ была школа, навсегда въ качествѣ дьяковъ или помощниковъ мѣстнаго дьяка. Другіе шли дальше, постепенно усваивая привычку къ бродячей жизни, исполненной всякихъ треволненій и злоключеній [3]). Главнымъ недостаткомъ этихъ „мандрованныхъ" дьяковъ, ближайшихъ народныхъ учителей старой Малороссіи, было пристрастіе ихъ къ чрезмѣрному питью вина, отъ чего они и получили юмористическое прозваніе „пиворѣзовъ". Немало радостей и злосчастій доставляло имъ и волокитство за „жинками", такъ какъ чаще всего „пиворѣзы" были безсемейными людьми. По поводу перваго недостатка сами странствующіе дьяки сложили много сатирическихъ виршей и разсказовъ въ родѣ „Правила увѣщательнаго пияницамъ, пѣваемое не въ перквахъ, а въ школахъ", „Отъ посланія бахусоваго къ пиворѣзамъ чтеніе", „Синаксаръ на память пияницамъ о изобрѣтеніи горѣлки" и т. п. О похожденіяхъ дьяковъ въ области женской красоты

[1]) *Н. Житецкій*. Мысли о малорусскихъ думахъ, Кіевъ. 1893 г., стр. 51—52 и др.

[2]) Кіевск. Стар. 1892 г., № 6, стр. 457.

[3]) *П. Житецкій*, Мысли о думахъ, стр. 45.

существуютъ народные разсказы и пѣсни, но они сложены въ добродушно-шутливомъ тонѣ, который свидѣтельствуетъ о томъ, что дьякъ былъ свой человѣкъ, безъ котораго немыслимо было обычное теченіе сельской жизни въ самыхъ интимныхъ ея проявленіяхъ [1]). Эти-то народные балагуры-разсказчики, юмористы въ жизни и въ крылатомъ словѣ, эти „мандрованные дьяки", иногда осѣдлые подъ старость, иногда блуждающіе всю жизнь,—не кто иной, какъ Хома Григорьевичъ, Осипъ Никифоровичъ и другіе подобные персонажи въ повѣстяхъ великаго юмориста.

Да и самъ Гоголь, можно сказать, въ извѣстныхъ отношеніяхъ былъ геніальнымъ странствующимъ дьякомъ, типичнымъ созданіемъ украинской среды своего времени. Писатель, предки котораго такъ близки были къ философіи Сковороды, окрашенной теологическимъ мистицизмомъ, и такъ родственны были людямъ типа „мандрованныхъ дьяковъ", изъ лона своего, изъ среды, полной культурно-историческихъ переживаній и украинскихъ бытовыхъ впечатлѣній, изъ хутора близъ Диканьки, выступилъ на шумную арену русской литературы. Онъ, въ силу своего громаднаго поэтическаго таланта, избралъ не сельскую школу или церковный клиросъ, не курень пасѣчника или усадьбы провинціальныхъ помѣщиковъ аудиторіей для своего юмористически-назидательнаго слова, а широкое поле міровой литературы, и превратилъ анекдоты—въ яркія бытовыя картины, наставительныя изреченія—въ мучительно-напряженную проповѣдь, юмористическія выходки и шутки—въ перлы художественнаго творчества.

Въ этомъ и заключалась сила Гоголевскаго генія.

VI.

Мы оставили Н. В. Гоголя на порогѣ литературнаго успѣха и поэтической славы, чтобы выяснить его *дѣло душевное*, зерно личности, основу психологическаго рисунка ея. Возвратимся къ наиболѣе производительному періоду художественной дѣятельности до отъѣзда писателя за границу въ началѣ іюня 1836 г.; это время охватываетъ всего семь лѣтъ, если принять, что съ весны 1829 г. Гоголь началъ работать надъ малороссійскими повѣстями. Вотъ краткій перечень всего, что было издано или только написано за это время: кромѣ „Вечеровъ", изданы были въ 1835 г. сборники „Арабески" и „Миргородъ", созданы первоначальныя редакціи петербургскихъ по-

[1]) Ibid., стр. 53.

вѣстей и „Женитьбы“, написанъ и поставленъ на сценѣ „Ревизоръ“, задумана „Шинель“ и начата первая часть „Мертвыхъ душъ“. Однимъ словомъ,—почти весь объемъ художественныхъ темъ Гоголя былъ имъ исполненъ или опредѣленъ въ этотъ важнѣйшій для его литературной работы непродолжительный періодъ жизни и труда.

„Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“ ограничилось у Гоголя изображеніе малорусскаго простонароднаго, современнаго ему быта. Что это не были этнографическія картины, полныя житейской правды, что это не былъ міръ дѣйствительныхъ страданій и радостей украинскаго народа, а идеализированные и невездѣ правдоподобные разсказы о малорусской природѣ и украинскихъ селянахъ, переплетенные съ народными повѣріями, преданіями и фантастикой, — не подлежитъ сомнѣнію [1]). Не слѣдуетъ только преувеличивать и выводить отсюда, будто Гоголь былъ истиннымъ романтикомъ въ литературной дѣятельности, что „романтизмъ не покидалъ его до конца дней и, то явно обнаруживаясь, то скрываясь, составлялъ существенную сторону его духовнаго міра“, что, наконецъ, и мистицизмъ писателя былъ только „новымъ, болѣе сильнымъ приливомъ романтизма“ [2]), и т. п. Существо дѣла—совсѣмъ не въ характеристикѣ литературной физіономіи Гоголя, какъ романтика. Мы найдемъ очень мало слѣдовъ вліянія на него романтизма, какъ литературнаго теченія конца XVIII и начала XIX вв. Романтикомъ онъ былъ почти исключительно въ томъ общемъ смыслѣ, въ какомъ подъ словомъ романтизмъ понимается извѣстное душевное настроеніе, широко распространенное во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ, у всѣхъ идейныхъ людей и особенно въ юный возрастъ жизни. Гоголь былъ лишь человѣкомъ романтическаго настроенія, которое, по опредѣленію Н. А. Котляревскаго, есть въ сущности извѣстное характерное отношеніе человѣка къ вопросамъ жизни и духа, къ міру дѣйствительности и идеала; оно есть преимущественное тяготѣніе къ этому міру идеала, тяготѣніе безотчетное, которое нарушаетъ въ человѣкѣ нормальное равновѣсіе его ума и чувства, именно въ пользу послѣдняго [3]). У Гоголя въ основѣ своей была натура проповѣдника-мистика и учителя-моралиста: въ

[1]) См. эпилогъ къ „Черной радѣ“ *П. Кулиша* въ „Рус. бес.“ 1857 г. ч. III и его споръ съ Максимовичемъ („Основа“ 1861 г., №№ 4, 5, 9, „День“ 1861 г. №№ 3, 5, 7, 9, и собр. соч. Максимовича).

[2]) *Н. Коробка*, Гоголь, какъ романтикъ. „Образованіе“ 1902 г., № 2, стр. 15, 18, 20 и др.

[3]) „Н. В. Гоголь“. С.-Петербургъ. 1903 г., стр. XIII.

литературномъ же романтизмѣ онъ часто находилъ только готовые образцы и формулы для выраженія этой сущности своей природы и даннаго душевнаго настроенія, — а больше говорить о Гоголѣ, какъ о романтикѣ, едва ли возможно.

Справедливо указываютъ на идеализацію, на вліяніе пѣсеннаго творчества, на отсутствіе этнографической и исторической истины въ первыхъ повѣстяхъ Н. В. Гоголя, но нельзя забывать, что, наряду съ фантастикой, гиперболизмомъ, буффонадой и риторическими вычурами, въ нихъ изображена и цѣлая галлерея живыхъ, правдивыхъ, бытовыхъ картинъ. Правдоподобно находятъ и отмѣчаютъ тѣ или иныя этнографическія ошибки, тѣ или иныя невозможныя въ простонародныхъ устахъ рѣчи, неудачно сочиненныя положенія, въ какія писатель ставилъ своихъ героевъ, но нельзя ему отказать даже въ это время въ стремленіи къ реальному воспроизведенію жизни. Недаромъ Гоголь никогда не могъ творить безъ собиранія предварительныхъ матеріаловъ, записей, составленія замѣтокъ, выписокъ, безъ того, чтобы правдивая картина изображаемыхъ лицъ обстановки, событій не вырисовывалась отчетливо передъ его умственнымъ взоромъ. „Я никогда ничего не создавалъ въ воображеніи и не имѣлъ этого свойства“, говоритъ онъ самъ о себѣ. „У меня только то выходило хорошо, что взято было мною изъ дѣйствительности, изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Угадывать человѣка я могъ только тогда, когда мнѣ представлялись самыя мельчайшія подробности его внѣшности... Чѣмъ болѣе вещей принималъ я въ соображеніе, тѣмъ у меня вѣрнѣй выходило созданіе. Мнѣ нужно было знать гораздо больше, сравнительно со всякимъ другимъ писателемъ, потому что стоило мнѣ нѣсколько подробностей пропустить, не принять въ соображеніе,—и ложь у меня выступала ярче, нежели у кого другого... Воображеніе мое до сихъ поръ не подарило меня ни однимъ замѣчательнымъ характеромъ и не создало ни одной такой вещи, которой гдѣ-нибудь не подмѣтилъ мой взглядъ въ натурѣ“ [1]). Фантастика и идеализація преобладали въ первое время литературной дѣятельности Гоголя, но не заслоняли и тѣхъ картинъ, въ которыхъ уже сказывался будущій великій представитель русскаго натурализма. Самыми ранними предшественниками правдиваго, многосторонняго описанія пошлой дѣйствительности были, несомнѣнно, двѣ главы изъ повѣсти „Страшный кабанъ“—„Учитель“ и „Успѣхъ посольства“ [2]), на-

[1]) Собр. соч., т. IV, стр. 256—257.

[2]) Собр. соч., т. V, стр. 48—60.

писанныя не позже 1830 г. и не вошедшія въ сборники „Вечеровъ“. Въ числѣ первыхъ семи повѣстей, изданныхъ въ 1831—1832 гг., есть разсказъ объ И. Ф. Шпонькѣ, его тетушкѣ Василисѣ Кашпаровнѣ и семьѣ Сторченокъ. Онъ представляетъ рядъ сценъ, выдержанныхъ въ исключительно бытовомъ, реально-правдивомъ направленіи: этотъ небольшой, неоконченный этюдъ есть прототипъ всего того, что создано было Гоголемъ цѣннаго въ послѣдующее время его художественнаго творчества.

Повѣсти, вошедшія въ двѣ части сборника подъ заглавіемъ „Миргородъ“,—„Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“—были написаны послѣ поѣздки Гоголя на родину, гдѣ онъ провелъ около трехъ мѣсяцевъ въ 1832 г., оживилъ свои юношескія впечатлѣнія и, несомнѣнно, собралъ значительное количество матеріаловъ, характеризующихъ мѣстную бытовую жизнь: Н. В. уже хорошо зналъ цѣну этимъ матеріаламъ и запасся ими въ такомъ достаточномъ количествѣ, что, пополняя ихъ новыми свѣдѣніями, использовалъ не только въ малорусскихъ повѣстяхъ, но и при изображеніи провинціальной жизни въ величайшихъ твореніяхъ своихъ—„Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“. Конечно, въ этихъ произведеніяхъ онъ изображаетъ жизнь и типы людей отнюдь не мѣстныхъ: они были такъ универсальны, какъ и самыя условія русской общественно-государственной жизни, породившія ихъ, но нѣтъ основаній сомнѣваться въ томъ, что первыя характерныя впечатлѣнія при начальныхъ набросках Гоголемъ комедіи и поэмы были получены отъ Сквозниковъ, Ляпкиныхъ, Шпекиныхъ, Земляникъ, Маниловыхъ, Сабакевичей, Коробочекъ и т. д. малорусскаго происхожденія. Писатель ихъ и зналъ тогда въ первообразахъ южнорусской редакціи [1]). О „Женихахъ“ мы ужъ не говоримъ: эта пьеса въ первой редакціи 1833 г. весьма близка къ бытовымъ малорусскимъ повѣстямъ, и только гораздо позже, въ 1842 г.,

[1]) Въ воспоминаніяхъ о Гоголѣ есть, между другими сообщеніями, данныя, что прототипами многихъ героевъ послужили земляки Гоголя: напримѣръ, для Манилова и Пѣтуха—родственники А. С. Данилевскаго (В. Евр. 1890 г., № 2, стр. 615). В. Гиляровскій говоритъ о прототипѣ скупщика мертвыхъ душъ въ лицѣ полтавскаго помѣщика Пивинскаго и т. п. Современница писателя О. З. Королева передаетъ, что миргородскіе чиновники ненавидѣли Гоголя, такъ какъ „Ревизоръ“, де, былъ списанъ съ нихъ, напр., съ дѣйствительнаго городничаго въ Миргородѣ Носевка, почтмейстера Мамчича и т. д. (Рус. мыс. 1900 г., № 2, стр. 125). Но этимъ свѣдѣніямъ трудно придавать значеніе фактически безспорныхъ данныхъ.

превратилась въ петербургскую комедію „Женитьбу“, гдѣ исторія Подколесина и его сватовства на купчихѣ во многомъ стала отличной отъ темы, подобной „замысламъ тетушки Василисы Кашпаровны“ относительно „бѣлокурой дѣвицы“ Сторченко. Необходимо, при этомъ, не забывать, что въ 1834 г., къ которому относятся наброски „Ревизора“, и въ 1835 г., когда комедія была почти закончена и Гоголь уже работалъ надъ началомъ „Мертвыхъ душъ“, онъ не жилъ на сѣверѣ въ провинціальной глуши и могъ имѣть лишь отрывочныя непосредственныя наблюденія надъ нравами великорусскихъ захолустныхъ угловъ.

А пока Гоголь только приступалъ къ созданію самыхъ крупныхъ произведеній, онъ развернулъ уже передъ читателями выразительную картину малорусскаго захолустья. Василиса Кашпаровна и ея племянникъ, изображенные въ „Вечерахъ“, не довели дѣла до ссоры съ Гр. Гр. Сторченкомъ изъ-за „богатаго травою луга“. Но Шпонька и Сторченко постарѣли, еще болѣе погрузились въ сѣрую, безпросвѣтную обывательщину, обжились въ Миргородѣ, сперва подружились, а потомъ поссорились „за чертъ знаетъ что такое“, за наименованіе „гнуснымъ животнымъ гусакомъ“... Это разсказано въ „Повѣсти объ Иванѣ Ивановичѣ и Иванѣ Никифоровичѣ“ (1833 г.). Только Иванъ Ивановичъ не имѣлъ своей Василисы Кашпаровны: за то у Ивана Никифоровича оказалась сомнительная родственница Агафья Өедосѣевна, вылитый портретъ Шпонькиной тетушки, которая хватала своего названнаго родственника „за носъ и водила его, какъ собаченку“ [1]). Дѣло ссоры двухъ миргородскихъ обывателей дошло до судьи Демьяна Демьяновича, любителя птицъ, а не щенковъ, на подобіе Ляпкина-Тяпкина; и мы знаемъ, какъ потянулась долгая судебная волокита, какъ раззорились въ нескончаемыхъ „позвахъ“ и дошли до могильнаго забвенія былые друзья. Свою повѣсть о неизреченныхъ глубинахъ мелкой человѣческой пошлости Гоголь заканчиваетъ вырвавшимися изъ усталой души наблюдателя и автора словами: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“

Скучно было ему и среди обстановки старосвѣтскихъ помѣщиковъ. Но во дни юности онъ любилъ эту жизнь и не переставалъ любить ее позже, какъ не могъ позабыть скромныхъ и милыхъ его сердцу Аөанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. У многихъ установился взглядъ, будто данная повѣсть есть сатира на то, какъ „нехорошо“

[1]) Соб. соч., т. I, стр. 421.

людямъ быть чуждыми всякихъ высшихъ интересовъ, что Гоголь вложилъ въ эту повѣсть „великую и простую мысль“, что „не тѣлесная, а духовная жизнь есть истинно человѣческая жизнь, что ничтожество грозитъ тому, кто пренебрежетъ интересами духа въ пользу плоти“. Ничего подобнаго нѣтъ: все это „словесные кривотолки“, вопреки яснымъ выраженіямъ автора въ началѣ повѣсти о старосвѣтскихъ помѣщикахъ и вопреки всему колориту тихой задумчивости и любовной мягкости, какою проникнутъ разсказъ о жизни тѣхъ старожиловъ, которые такъ непохожи на малороссіянъ „наводняющихъ Петербургъ ябедниками“, или поручиковъ, какіе оставляютъ послѣ себя отъ уютной усадьбы „кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, да заросшій ровъ“, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ гостепріимный живописный домикъ. Самъ Гоголь не могъ довольствоваться уединенной жизнью ея владѣтелей, но онъ, какъ гость, любилъ „иногда сойти въ сферу“ такой идиллической обстановки,—и ничтожество этой старосвѣтской жизни никогда не представлялось ему достойнымъ безпощаднаго отрицанія и литературнаго осмѣянія.

Отъ этого безмятежнаго міра, „гдѣ ни одно желаніе не перелетаетъ черезъ частоколъ, окружающій небольшой дворикъ, и за плетень сада“, или отъ міра мятущагося и суетнаго въ своей пошлости, гдѣ ждутъ десятки лѣтъ, чтобы утишить мстительное чувство судейскимъ приговоромъ, Гоголь уходилъ въ міръ былого или въ область фантастики. Повѣсть „Тарасъ Бульба“ (первая редакція 1833 г.) явилась отраженіемъ его любви къ старинѣ, которая представлялась ему въ эффектныхъ героическихъ подвигахъ, охваченная сильными страстями и обвѣянная чарующими звуками исторической малорусской пѣсни-думы. Это результатъ его работы надъ малорусской исторіей, которую онъ думалъ написать во многихъ томахъ большого, цѣльнаго сочиненія. „Исторіи“ никакой Гоголь не написалъ, а создалъ „Тараса Бульбу“,—апоѳеозъ народной борьбы за свою вѣру и свое счастье, художественный гимнъ умирающему прошлому своей родины, разсказъ-былину, повѣсть-думу, использовавъ, главнымъ образомъ, своеобразные пріемы народнаго пѣснотворчества въ формахъ ритмической прозы, столь характерной для эпопеи изъ былой козацкой жизни. Такъ было нѣкогда и съ невѣдомымъ поэтомъ XII вѣка, который задумалъ исторически разсказать о походѣ князя Игоря Сѣверскаго „по былинамъ сего времени“, согласно правдивому изображенію событій, а не „по замышленію Баяню“; но поэтическій талантъ увлекъ автора именно въ эту сферу, болѣе близкую его душевному складу, и появилось „Слово о

полку Игоревѣ“—историческая пѣсня, стариннѣйшая дума о давнишнихъ борцахъ за благо и счастье южнорусской земли. Власть художественнаго генія, окрыленнаго поэзіей народнаго творчества, вопреки всѣмъ преднамѣреннымъ планамъ и постороннимъ задачамъ авторовъ, одинаково привела обоихъ писателей и въ XII, и въ XIX вв. къ созданію не того, что они хотѣли изобразить, а того, что могли сотворить.

Въ повѣсти „Вій“ (1834 г.) реализмъ и фантастика переплелись такъ, какъ ни въ какомъ другомъ изъ произведеній Гоголя. Все, что совершается во мракѣ ночи,—легендарный ужасъ, кошмарная игра разстроеннаго воображенія, съ которой причудливо сплелись народныя суевѣрныя представленія о вѣдьмахъ и гномахъ. А къ утру жизнь разгульной челяди панскаго двора опять укладывается въ рамки трезвой, реальной дѣйствительности, и все, что происходитъ при свѣтѣ дня, полно глубокой, историко-бытовой правды.

Надо сказать, что фантастическій элементъ въ повѣстяхъ перваго періода литературной дѣятельности Н. В. Гоголя далеко не исчезаетъ и во всѣхъ послѣдующихъ его созданіяхъ: фантастика, какъ и идеализація, были присущи и произведеніямъ позднѣйшаго періода. Гоголя всю жизнь, отъ ранняго дѣтства до предсмертнаго часа, привлекало все небывалое, чудесное, сверхъестественное. Во время изображенія самой обыденной житейской обстановки, самой отталкивающей жизненной прозы, самой сѣрой, низменной толпы и ея героевъ онъ не могъ разстаться съ міромъ таинственнаго или необыкновеннаго. Повѣсть „Портретъ“, даже въ первой редакціи,—не говоримъ о послѣдующей передѣлкѣ,—разсказъ о небываломъ таинственномъ происшествіи, и роль чорта, какъ носителя всемірнаго зла, придаетъ повѣсти зловѣщій фантастическій колоритъ; „Носъ“—совершенно невозможное событіе, гдѣ игра остроумія тѣсно переплелась съ ярко-бытовыми картинками-миніатюрами. „Невскій проспектъ“—разсказъ о рѣдкостномъ случаѣ, въ которомъ небесное и земное, идеальное и реальное, мечта и пошлость съ нарочитою исключительностью слились воедино, а въ „Запискахъ сумасшедшаго“, написанныхъ въ тяжелые годы петербургской жизни Гоголя, такъ много доподлинной правды, совсѣмъ далекой отъ безумнаго бреда, что не знаешь, смѣется ли надъ читателемъ, или плачетъ надъ собою авторъ, когда изъ души, истерзанной одиночествомъ и непониманіемъ, вырывается вопль: „Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что я сдѣлалъ имъ? За что они мучаютъ меня? Чего хотятъ они отъ меня, бѣднаго? Что могу дать я имъ? Я ничего

не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя, и все кружится предо мною... Вонъ небо клубится, звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой — Италія; вонъ и русскія избы виднѣются. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына! Урони слезинку на его больную головушку! Посмотри, какъ мучатъ они его! Прижми къ груди своей бѣднаго сиротку: ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! Его гонятъ! Матушка, пожалѣй о своемъ бѣдномъ дитяткѣ!".... А помните ли, что въ тѣ горькіе, одинокіе дни у Н. В. Гоголя только и было единственное дорогое и любимое существо—его мать на далекой, милой его сердцу родинѣ?

Гоголь самъ назвалъ свою комедію „Женитьба" „совершенно невѣроятнымъ событіемъ", но эта приписка, правду сказать, гораздо болѣе подходитъ къ „Ревизору", въ которомъ не само ревизорство и ревизія были необыкновенны — они, какъ и въ наше время, были очень обычны въ царствованіе Николая I, — а необыкновенна была фигура самого ревизора: превращеніе чиновничьей „сосульки, тряпки" въ ревизующаго сановника, созданное чувствомъ неизвѣстности и таинственнаго страха передъ грозой невѣдомой силы закона, и было не совершенно, конечно, невѣроятнымъ, но необыкновеннымъ происшествіемъ.—Кто обратитъ вниманіе на слухи о Чичиковѣ послѣ скандала на балу и послѣ пріѣзда въ городъ Коробочки, тотъ не сможетъ забыть, какъ перепуталась въ нихъ дѣйствительность и вымыселъ, живые люди и мертвыя души. Подобная волна фантастическихъ слуховъ и картина кошмарно-паническаго настроенія, выросшаго на почвѣ реально-возможныхъ, но сверхъ-обычныхъ событій, изображена была черезъ тридцать лѣтъ, (надо полагать, не безъ вліянія Гоголя), въ послѣднихъ главахъ тревожно-болѣзненнаго повѣствованія Достоевскаго—въ романѣ „Бѣсы".—Наконецъ, та же часть „Мертвыхъ душъ" невольно напоминаетъ заключеніе одного изъ самыхъ правдивыхъ разсказовъ Гоголя—„Шинель", гдѣ повѣствуется о томъ, какъ Акакію Акакіевичу „будто въ награду за непримѣченную никѣмъ жизнь суждено было нѣсколько дней прожить шумно послѣ своей смерти". Я говорю по поводу слуховъ о появленіи покойника, стягивавшаго по ночамъ шинели, до котораго никакъ не могла добраться полиція, пока не была сдернута шинель „значительнаго лица", послѣ чего совершенно прекратилось появленіе чиновника-мертвеца,

а затѣмъ и другое привидѣніе, бывшее гораздо выше ростомъ и носившее преогромнѣйшіе усы, — „скрылось совершенно въ ночной темнотѣ, направивъ шаги, какъ казалось, къ Обуховскому мосту".....

Время расцвѣта художественнаго творчества Гоголя характеризуется обыкновенно, какъ торжество реалистическаго направленія его литературной дѣятельности. Основнымъ мотивомъ было у писателя отрицательное отношеніе къ русской современности; могучимъ средствомъ для этого служило изображеніе пошлости въ жизни и въ людяхъ. Реализмъ Гоголя и заключался въ этомъ психическомъ анализѣ пошлости. Въ то же время художникъ окончательно оставляетъ малорусскіе сюжеты [1]) и переходитъ къ изображенію общей русской дѣйствительности, какая особенно ярко раскрывается передъ нами въ „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ душахъ". По этому поводу высказывались особыя соображенія, которыя наиболѣе выразительно формулированы въ работѣ А. Ефименко „Національная двойственность въ творчествѣ Гоголя" [2]). А. Ефименко очень рѣшительно говоритъ, что писатель на долю изображенія родной Малороссіи предоставилъ всю свою любовь, лиризмъ и нѣжный, мягкій, такъ сказать, любовный юморъ. Малороссія единственно вдохновляла его, и въ ней лишь онъ черпалъ положительное содержаніе своихъ художественныхъ воззрѣній, идеальные мотивы своего творчества. Для великой Россіи у него оставалось только отрицаніе, его безпощадный, злобный, неподражаемый юморъ. Все положительное въ великорусской націи онъ обходилъ, и то, что разворачивается передъ нами, когда художественное творчество Гоголя обращается къ русской дѣйствительности, даже нельзя назвать жизнью: это какая-то геенна, изъ которой авторскій геній своей волею удалилъ „плачъ и скрежетъ зубовъ", а оставилъ только безобразіе, освѣтивъ его такъ, что оно вызываетъ невольный и неудержимый смѣхъ. Гоголь, по мнѣнію автора, страстно любя свою Украину, не зналъ, какъ слѣдуетъ, ни культурнаго русскаго общества, ни великорусскаго народа; и то, и другое великорусское онъ ненавидѣлъ,—благоговѣлъ же только передъ русскою государственностью [3]).

Есть доля правды въ этихъ словахъ: Гоголь относился къ русской жизни, какъ посторонній наблюдатель; между нимъ и бытовыми

---

[1]) Попытка создать трагедію изъ запорожской жизни „Выбритый усъ" въ 1839 г. не привела ни къ какимъ результатамъ.

[2]) Вѣстникъ Европы, 1902 г., № 7.

[3]) Ibid.. стр. 236 — 239 и др.

наблюденіями не стояло родныхъ привязанностей, всегда скрашивающихъ окружающую обыденность. Поэтому изощренный наблюденіемъ глазъ писателя видѣлъ вещи въ ихъ подлинной сущности, безъ всякихъ прикрасъ и смягчающихъ тоновъ. Гоголь не былъ связанъ съ великорусскою народностью кровными узами, мало зналъ ее и не увлекался ею; и далось ему такое отношеніе безо всякой борьбы съ собою. Отсюда вытекала и возможность анализа русской дѣйствительности „со стороны" или, какъ онъ говорилъ, „изъ прекраснаго далека". Въ любви къ *Россіи*, о которой не разъ пишетъ онъ, дѣйствительно, есть что-то отвлеченное, дававшее Гоголю знать о себѣ больше всего формами русской государственности. Только на ея почвѣ онъ понималъ и народность русскую, какъ національность русскую, не придавая особеннаго значенія ни малорусскимъ, ни великорусскимъ элементамъ ея. Но все это еще не даетъ намъ никакого права говорить о ненависти Гоголя ко всему великорусскому. Онъ не былъ *озлобленнымъ хохломъ*, и его анализъ пошлости касался бытовой обстановки, какъ великорусской, такъ и малорусской,—то въ средѣ исключительно украинской, то въ общей картинѣ „россійской" дѣйствительности, характерной также и для современной Гоголю жизни малорусской народности, насколько послѣдняя вошла въ составъ національно-государственнаго цѣлаго.

Душевный обликъ Гоголя, психологическій рисунокъ его внутренняго міра опредѣлялся, однако, именно малорусскими традиціями, симпатіями и культурно-этнографическими вліяніями. Для оцѣнки его „украинства" и отношенія къ великорусскому міру надо припомнить отрывокъ изъ письма къ А. Смирновой. „Я самъ не знаю, пишетъ онъ ей, какая у меня душа—хохлацкая или русская. Знаю только, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіанину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіаниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и, какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой: явный знакъ, что онѣ должны пополнить одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись воедино, составить нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ" [1]). Это—варіація тѣхъ же словъ, какія Гоголь говорилъ Гр. Данилевскому: „Русскій или малороссъ это души близнецовъ, пополняющія одна другую, родныя и одинаково сильныя" [2]).

[1]) Письма Гоголя, т. II, стр. 579.

[2]) Знакомство съ Гоголемъ, Истор. вѣстн., 1886 г. № 12, стр. 479.

Такъ безсознательно относился онъ самъ къ пониманію своего національнаго облика.

Какъ же можно рѣшить вопросъ о національной физіономіи Гоголя? А. Ефименко рѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ національной двойственности писателя: „онъ былъ роднымъ сыномъ народности малорусской и пріемнымъ великорусской", и онъ „палъ жертвой душевной раздвоенности, имѣвшей глубочайшіе корни въ раздвоенности національной". Но дѣло прежде всего въ томъ, что никакой трагедіи въ „національной раздвоенности", предположивъ ее существующей, Гоголь не чувствовалъ, и его нисколько не угнетало то, что онъ имѣетъ „душу хохлацкую и русскую". И никакого трагизма, ничего мучительнаго, а лишь примиряющее и идиллическое можно слышать въ желаніяхъ самого писателя „обнять обѣ половины русскаго народа—сѣверную и южную, сокровище ихъ духа и характера" [1])... Проф. Овсянико-Куликовскій смотритъ на вопросъ о національности Гоголя иначе и не видитъ совмѣщенія или параллелизма двухъ національныхъ личностей. Всѣ малорусскія симпатіи писателя онъ объясняетъ не сохраненіемъ въ немъ малорусской національности, а только его малорусскимъ происхожденіемъ, малорусскою основою его общерусской національности. Гоголь былъ, по его мнѣнію, общерусъ на малорусской основѣ [2]). Академикъ предлагаетъ свои соображенія для національнаго опредѣленія термина „русскій" и, принимая его за родовое понятіе, дѣлитъ не на три, а на четыре вида—великороссъ, малоруссъ, бѣлоруссъ и общеруссъ. Послѣднимъ терминомъ онъ обозначаетъ особую, фактически, будто бы, существующую разновидность. Подъ общее понятіе „русскіе" онъ подводитъ всѣхъ великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ со всѣми ихъ подраздѣленіями и еще общеруссовъ, также имѣющихъ свои подраздѣленія на общеруссовъ на великорусской, малорусской, французской, еврейской и другой какой бы то ни было основахъ. Общеруссы, слѣдовательно,—это тѣ люди особой національной формы, которые по происхожденію принадлежатъ къ разнымъ народностямъ, а только восприняли и пользуются русскимъ литературнымъ языкомъ [3]). Но въ основѣ этой теоріи лежитъ логическое недоразумѣніе: принципами дѣленія родового понятія „русскій" послужили два весьма разныхъ основанія,—признакъ этническій для выдѣленія первыхъ трехъ видовъ и признакъ культурный

[1]) Запис. книга Гоголя 1846 г. въ VI т. соч., стр. 511.

[2]) „Гоголь". 2-е изд., стр. 181. 177.

[3]) Ibid., стр. 176.

для выдѣленія въ особый видъ общеруссовъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій настойчиво утверждаетъ, что „сомнѣваться въ существованіи особой національной формы, обозначаемой названіемъ „общерусской“, нельзя, ибо не подлежитъ сомнѣнію существованіе особаго общерусскаго языка“. Однако, въ томъ-то и вся суть, что русскій литературный языкъ не только возникъ изъ великорусскаго нарѣчія, но онъ и созданъ великоруссами, онъ—прежде всего и послѣ всего есть языкъ великорусскій. То, что „онъ давно уже перешелъ за предѣлы московскаго нарѣчія, воспринялъ массу чуждыхъ послѣднему словъ и оборотовъ, получилъ высшее развитіе и сталъ однимъ изъ міровыхъ языковъ“ [1]), нисколько не мѣняетъ существа дѣла. Воспріятіе русскимъ литературнымъ языкомъ чуждыхъ его великорусскому характеру словъ и оборотовъ рѣчи не сдѣлало его какой-то униформой, общерусскимъ языкомъ, понятнымъ некультурному и необразованному малоруссу, бѣлоруссу и другимъ. Да и воспріятіе это, какъ въ частности и участіе въ созданіи русскаго литературнаго языка народныхъ малорусскихъ элементовъ, до крайности преувеличено: *спеціально-украинскихъ* вліяній въ русскомъ литературномъ языкѣ не больше, пожалуй, чѣмъ было вліяній всѣхъ заодно иностранныхъ западно-европейскихъ языковъ на лексическій составъ и синтаксисъ русскаго языка. Общерусскимъ этотъ литературный, по безусловному преимуществу великорусскій, языкъ можно назвать только въ государственномъ смыслѣ; и насколько черезъ государство шла культура, его можно опредѣлить, какъ языкъ культурно-великорусскій въ отличіе отъ великорусскаго народнаго языка. „Общерусскій“—терминъ умозрительный и отвлеченный; вотъ почему онъ узаконенъ въ филологической литературѣ, гдѣ въ понятіе общерусскихъ чертъ входятъ общіе отдѣльнымъ нарѣчіямъ лингвистическіе процессы въ родѣ смягченія согласныхъ, паденія глухихъ гласныхъ и т. п.. и т. п. Въ жизненномъ и житейскомъ смыслѣ термины эти непримѣнимы, потому что общеруссъ — фикція, миѳъ. Не существуетъ нигдѣ на свѣтѣ ни одного живого индивидуума въ формѣ „общерусской національности“, но существуютъ малоруссы, бѣлоруссы, нѣмцы, евреи, пользующіеся преимущественно русскимъ литературнымъ языкомъ и, если они — литераторы, то, быть можетъ, даже и исключительно этимъ культурно-великорусскимъ языкомъ. Къ таковымъ принадлежалъ и Гоголь.

Гоголь былъ малоруссъ на малорусской основѣ. Ничѣмъ другимъ

[1]) Ibid., стр. 177.

онъ и не могъ быть. Припомнимъ то, что было сказано раньше о происхожденіи, окружающей средѣ, дѣтствѣ, воспитаніи и первыхъ шагахъ писателя на литературномъ поприщѣ. Когда онъ началъ работать надъ своими повѣстями, то особенно просилъ тѣхъ, кто доставлялъ ему малорусскіе матеріалы, чтобы они писали четко имена собственныя и т. п., такъ какъ, говорилъ онъ, „сочиненіе мое будетъ на *иностранномъ* языкѣ и тѣмъ болѣе мнѣ нужна точность, чтобы не исказить неправильными именованіями существеннаго имени націи“ [1]). Этотъ „иностранный языкъ“ былъ тогда для Гоголя русскій литературный языкъ. Но почему же онъ не писалъ, или, по крайней мѣрѣ, не началъ писать своихъ повѣстей на малорусскомъ народномъ языкѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно найти, смѣемъ думать, въ нашихъ прежнихъ соображеніяхъ: во-первыхъ, Гоголь писалъ для русскихъ журналовъ и русской публики; во-вторыхъ, онъ искалъ всегда большой аудиторіи, а малорусская художественная литература вращалась въ первой половинѣ XIX вѣка въ узкой сферѣ украинцевъ-любителей; въ-третьихъ, онъ былъ человѣкомъ новаго интеллигентнаго слоя малорусскаго общества, открещивавшагося отъ народной малорусской рѣчи, и учился въ русской школѣ и, наконецъ, вообще былъ „окультурившійся“ украинецъ, воспринявшій отъ сѣверныхъ братьевъ своихъ, прежде всего, форму русскаго литературнаго языка. Такими явились многочисленные уроженцы Украины „по ту и по сю сторону Днѣпра“, и между ними его же земляки-полтавцы и Капнистъ, и Богдановичъ, и Гнѣдичъ, и Гребенка, и Максимовичъ, и мн. др.

По поводу же того русскаго литературнаго языка, на которомъ писалъ Гоголь, „гоголевскаго языка“, надо принять во вниманіе, что онъ давался ему съ большимъ трудомъ. Не „иностраннымъ“ былъ онъ, конечно, великому писателю, но, во всякомъ случаѣ, и не роднымъ. И тяжело давалась Гоголю работа надъ языкомъ его сочиненій: не въ однихъ только цензурныхъ условіяхъ, не въ одной мнительности, перфекціонизмѣ и стремленіи сказать въ своихъ художественныхъ созданіяхъ то, чего и онъ не могъ дать, и они не могли выразить, не въ этомъ одномъ заключается причина постоянныхъ передѣлокъ, вставокъ, исправленій и разныхъ редакцій многихъ его произведеній, начатыхъ еще въ 30-хъ и вполнѣ законченныхъ въ 40-е годы. Писатель самъ признавался въ концѣ своего литературнаго поприща, что ему стоило громаднаго труда все то, что достается

[1]) Письма Гоголя, т. I. стр. 128.

легко „природному писателю“. „Я до сихъ поръ какъ ни бьюсь, не могу обработать слогъ и языкъ свой, первыя необходимыя орудія всякаго писателя: они у меня до сихъ поръ въ такомъ неряшествѣ, какъ ни у кого даже изъ дурныхъ писателей, такъ что надо мной имѣетъ право посмѣяться едва начинающій школьникъ“ [1]). Проф. Будде указываетъ, что Гоголь часто не умѣлъ выражаться, правильно построить свою рѣчь, прямо не зналъ обихода русскаго литературнаго языка [2]). Напрасно только профессоръ обвиняетъ писателя въ томъ, что онъ попросту былъ небреженъ къ стилю и невнимателенъ къ языку своему [3]). Едва ли можно указать другого писателя, который бы съ такимъ прилежаніемъ, трудомъ и вниманіемъ работалъ надъ языкомъ и стилемъ своихъ сочиненій. Для того, чтобы въ этомъ удостовѣриться, слѣдуетъ только взглянуть на его рукописи и просмотрѣть записныя книги, словарчики разныхъ выраженій, замѣтки, выписки Гоголя и т. д. Мозаичность работы Гоголя поразительна, и когда читатель знакомится съ твореніями въ окончательной отдѣлкѣ, онъ не можетъ представить себѣ, какого кропотливаго труда стоили эти „перлы созданія“ ихъ творцу-писателю. О томъ, какъ работалъ и какъ совѣтовалъ работать Гоголь, сохранились интересныя воспоминанія. Какъ-то у С. Шевырева зашла бесѣда о литературномъ трудѣ. „Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто,—рѣшительно все“, говорилъ Н. В. Гоголь, „и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою), достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея — новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста — взять отдѣльный клочекъ и приклеить сбоку. Когда все будетъ такимъ образомъ исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новые урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прежнихъ вскочатъ слова, которыя необходимо тамъ должны быть, но которыя почему-то никакъ не являются сразу. И опять положите тетрадку. Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего или хоть пишите другое. Придетъ часъ,—

[1]) О „Современникѣ“; статья, посланная Гоголемъ въ концѣ 1846 г. Плетневу для напечатанія въ его журналѣ. Соб. соч., т. IV. стр. 233.

[2]) Значеніе Гоголя въ исторіи рус. литер. яз. *Жур. Мин. Нар. Просв.*, 1902 г., № 7 стр. 11.

[3]) Ibid., стр. 17—18.

вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ и, когда снова она будетъ измарана, перепишите ее собственноручно. Вы замѣтите при этомъ, что вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой, очисткой фразъ, какъ бы крѣпчаетъ и ваша рука; буквы ставятся тверже и рѣшительнѣе. Такъ нужно дѣлать, по моему, восемь разъ. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного еще и больше. Я дѣлаю восемь разъ. Только послѣ восьмой переписки непремѣнно собственной рукой трудъ является вполнѣ художнически законченнымъ, достигаетъ перла созданія. Дальнѣйшія поправки и пересматриванье, пожалуй, испортятъ дѣло, что называется у живописцевъ: „зарисуешься“ [1]). Слѣдовательно, не вина была Гоголя, если далеко не всегда выходилъ толкъ изъ его стараній и его труда. Не правда и то, что онъ „какъ бы не желалъ содѣйствовать обработкѣ русскаго литературнаго языка его времени, какъ это дѣлалъ Пушкинъ“ [2]). Очень желалъ, но на этотъ разъ писатель *не могъ* идти по слѣдамъ своего предшественника и во многомъ учителя, хотя кое-что, ограничиваясь предѣлами вѣдомаго и возможнаго для него, въ области развитія русской литературной рѣчи Гоголемъ все же сдѣлано. Проф. Мандельштамъ въ своемъ обстоятельномъ изслѣдованіи „О характерѣ Гоголевскаго стиля“ исходитъ изъ того вѣрнаго положенія, что „поэзія била у Гоголя живымъ ключемъ изъ глубочайшей глубины, недосягаемой даже для его собственнаго сознанія: она имѣла источникомъ тѣ тайники, гдѣ живетъ наша первобытная стихія, гдѣ обитаетъ самая правда человѣка“ [3]). Профессоръ доказываетъ цѣлымъ рядомъ убѣдительныхъ примѣровъ, взятыхъ изъ рѣчи писателя, что и языкъ души Гоголя былъ малороссійскій; онъ весьма нерѣдко не только мысленно переводилъ обороты и слова, примѣняясь къ русской рѣчи, но даже просто переводилъ родную рѣчь на русскій языкъ, а не прямо по русски писалъ. Не менѣе часто текстъ своихъ первыхъ повѣстей Гоголь вытравлялъ въ смыслѣ удаленія малорусскихъ элементовъ рѣчи и замѣны ихъ великорусскими оборотами и словами. Во многихъ случаяхъ непосредственно сказывается, что авторъ, думая на родномъ своемъ языкѣ, и не переводилъ словъ по русски, оставляя рѣчь въ ея природномъ состояніи. Очень часто, наконецъ, Гоголь слѣдуетъ малорусскому правописанію, и это замѣчается даже въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ. Вообще, онъ поль-

[1]) Воспомин. Н. Берга о Гоголѣ, „Рус. стар.“ 1872 г., № 1. стр. 124—125.

[2]) *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1902 г., № 7, стр. 27.

[3]) Op. cit., стр. 200.

зовался то малорусскимъ, то русскимъ языкомъ, сообразно тому, въ какой изъ нихъ укладывалась мысль поэтичнѣе, легче, ярче. Малорусскій языкъ переплотался у него съ русскимъ, но раздѣльность свою онъ все же сохранялъ; и тѣмъ ближе Гоголь былъ къ малорусскому, чѣмъ болѣе основная стихія его міровоззрѣнія, его юморъ, его чувство выступали на первый планъ. Гоголь весь жилъ своею родиною, подтверждаетъ изслѣдователь, и можно по языку, по выраженіямъ, по рѣчи, по сравненіямъ, по образамъ, входящимъ въ главныя его произведенія, безошибочно судить о степени участія поэта въ судьбахъ своей родины въ широкомъ смыслѣ слова: добрая часть его существа проникнута была малорусскимъ началомъ [1]). Съ этимъ вполнѣ согласны слова А. Н. Пыпина, когда онъ говоритъ, что Гоголь былъ по природѣ малоруссъ до мозга костей и носилъ въ самомъ талантѣ своемъ черты спеціально малорусской веселости и юмора, какъ въ своемъ духовномъ складѣ отличался особенностями малорусскаго ума и вкуса съ ихъ достоинствами и недостатками [2]). Несомнѣнно, что такимъ Гоголь былъ въ юную пору, такимъ отстался и до конца дней своихъ, несмотря на близкія связи съ русскими друзьями и съ заграничными путешественниками. Онъ съ паѳосомъ восклицалъ: „Москва—моя родина“ (II, 98), а въ другіе моменты усиленно увѣрялъ, что „Римъ—родина его души“ (I, 493); но дѣйствительная, не риторическая, не выдуманная его мать-родина была Украина. Любовь къ ней не являлась у него результатомъ сознательнаго отношенія къ прошлому и настоящему малорусскаго народа, она не была освѣщена идейной убѣжденностью украинца-патріота,—это была стихійная любовь, сотканная изъ „первозданныхъ элементовъ“, о которыхъ Гоголь говоритъ въ письмѣ къ другу Максимовичу [3]), украинцу весьма сознательному, убѣжденному и идейному. Но сила этого безсознательнаго украинства была у писателя необыкновенно напряжена и ярко выражена.

Прошли юные года. Онъ жилъ среди чужихъ людей, въ сферѣ широкихъ интересовъ и сильныхъ впечатлѣній, вдали отъ родины, въ вѣчныхъ скитаніяхъ по Европѣ, рѣдко наѣзжалъ въ Полтавщину, чаще живалъ на сѣверѣ, но нѣжная любовь къ родному слову, къ родной пѣснѣ, къ поэтическому былому и чарующему настоящему родного края всегда жили въ немъ и съ нимъ. Свидѣтелями того являются

[1]) Op. cit., стр. 197, 208—209, 220 и др.

[2]) Ист. рус. литературы, т. IV, стр. 484.

[3]) Письма Гоголя, т. I, стр. 340.

не только письма и художественныя произведенія писателя, но и продолжительныя его работы надъ малорусскимъ словаремъ [1]) и надъ собираніемъ малорусскихъ пѣсенъ [2]). В. Горленко указывалъ, что и среди книгъ въ библіотечномъ шкафу, въ селѣ Васильевкѣ, принадлежавшихъ Ник. Вас., преобладали именно сборники малорусскихъ пѣсенъ [3]). Стихійная сила психическаго наслѣдія Гоголя отъ временъ отдаленныхъ и отъ впечатлѣній, получаемыхъ съ дѣтства отъ родной природы и жизни, проявляется, наконецъ, и въ складѣ его учительно-проповѣдническихъ воззрѣній, и въ самыхъ пріемахъ и характерѣ художественнаго творчества писателя. Все это переплеталось въ очень сложный узоръ душевной организаціи Гоголя, дающій загадочныя отраженія и тѣни, но въ основѣ ихъ лежали опредѣленныя своеобразныя черты человѣка своего племени, своей среды и своего времени—украинца съ пятъ до головы.

VII.

Ни одинъ пишущій о художественномъ творчествѣ Гоголя не можетъ обойти вопроса о роли и значеніи смѣха, комизма, юмора, лирики восторженной и грустной и дидактизма въ его сочиненіяхъ. Остановимся и мы на этомъ вопросѣ въ немногихъ словахъ, но прежде всего напомнимъ сказанное выше, что въ этихъ чертахъ, самихъ по себѣ, не видимъ ничего національнаго: это свойства общечеловѣческія и общеписательскія. Гоголь, однако, проявилъ своеобразный характеръ и въ смѣхѣ, и въ слезахъ, и въ юморѣ, и въ лирикѣ—и это своеобразіе въ пріемахъ, въ оттѣнкахъ, въ манерѣ писательской естъ уже то, что составляетъ сущность Гоголя, и какъ отдѣльной человѣческой особи, и какъ человѣка, родившагося среди условій жизни своей національности и своей эпохи.

Есть въ чистомъ смѣхѣ что-то жесткое, когда онъ вызывается противорѣчіемъ между дѣйствительно существующимъ и идеально необходимымъ и обращается исключительно къ одному нашему разсудку. Таковъ былъ смѣхъ Вольтера надъ фантомами и призраками, какими человѣчество всегда и всюду опутываетъ всю свою жизнь, и смѣхъ Свифта надъ ничтожествомъ человѣка, вообразившаго себя

[1]) Замѣтки Н. Тихонравова въ „Сбор. любит. россійс. слов.“ на 1890 г.

[2]) Пѣсни, собр. Гоголемъ, изд. академіей наукъ въ сборн. „Памяти Жуковскаго и Гоголя“, вып. 2-й. С.-Пб. 1908.

[3]) „Молва“, 1880 г., № 22.

царемъ природы. Нѣсколько иной смѣхъ Сервантеса надъ слѣпой вѣрой въ идеалы, Мольера надъ двуличіемъ и лицемѣріемъ подъ маской цивилизаціи и идейности, а особенно Диккенса—надъ безчеловѣчностью человѣка,—послѣдній наиболѣе близко подходитъ къ смѣху Гоголя. Но въ смѣхѣ Гоголь былъ вполнѣ своеобразенъ. Его опредѣленіе „смѣхъ сквозь слезы“ указываетъ на то, что не къ одному разуму, а преимущественно къ сердцу человѣческому обращалось его слово, какъ писателя-сатирика. Гоголь ставилъ свой смѣхъ „рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ“. Въ сущности, смѣхъ его исходилъ изъ этого высокаго лирическаго движенія, т. е. былъ лирическимъ, сердечнымъ смѣхомъ. Психологическую основу такого смѣха указывалъ самъ писатель: „кто льетъ часто душевныя глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ“. Не кажется, а и на самомъ дѣлѣ такъ, потому что этотъ смѣхъ и эти слезы проистекаютъ изъ одного и того же источника—изъ неуравновѣшенности душевныхъ состояній, управляемыхъ чувствомъ. Гоголь называетъ это чувство „святой любовію къ человѣчеству“. Но любовь въ томъ смыслѣ, какъ онъ понималъ ее, не исключаетъ негодующаго тона,—это любовь возвышенная, ищущая правды, не только наказывающая, но и жалѣющая наказаннаго человѣка, а потому и вносящая *примиреніе* въ душу читателя. Вотъ почему Гоголь назвалъ свой смѣхъ „свѣтлымъ“, вотъ почему, по его мнѣнію, „засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ можетъ только одна добрая душа“. Смѣхъ Гоголя былъ добрымъ, потому что это не былъ эгоистическій смѣхъ: онъ возвышался до уровня, на которомъ нѣтъ мѣста личному раздраженію, такъ какъ всякій, присмотрѣвшись къ себѣ, находилъ и въ самомъ себѣ то, надъ чѣмъ смѣялся авторъ. И смѣхъ писателя былъ честный смѣхъ, о которомъ говорится въ „Театральномъ разъѣздѣ“ по поводу „Ревизора“, что онъ „весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, потому что на днѣ ея заключенъ вѣчно бьющій родникъ его, который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницательной силы котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка“. Этотъ смѣхъ вращался въ сферѣ совѣсти и не смѣшивалъ добра со зломъ. Это былъ смѣхъ сквозь слезы, предшествующія смѣху, слезы обиды и оскорбленія лучшихъ человѣческихъ чувствъ; а послѣдующія за смѣхомъ слезы были слезами примиряющаго сознанія близости къ идеалу. Цѣль такого смѣха—разбудить въ душѣ человѣка тоску по идеалу и такимъ образомъ примирить его съ жизнью. „Союзъ совѣсти и ума,

честности и просвѣщенія, геніальности и самоотреченія“—это есть, по мнѣнію Гоголя, черты идеальной человѣческой личности. Вотъ почему великаго юмориста, по всей справедливости, и называютъ преимущественно поэтомъ совѣсти.

Изъ всей огромной области смѣшного, изъ всѣхъ видовъ комизма, подчеркивающаго противорѣчіе между идеей и ея осуществленіемъ, совмѣщающаго контрасты или быструю смѣну впечатлѣній отъ противоположныхъ представленій о предметахъ, дѣйствіяхъ, качествахъ и т. п., таланту Гоголя былъ особенно свойственъ видъ юмористическаго отношенія къ изображаемымъ явленіямъ. Въ писателѣ, по существу, не было темперамента сатирическаго: не бросалъ онъ рѣзкаго „облитого горечью и злостью“ обвиненія русскому обществу, не кипѣла подъ его смѣхомъ кровь и желчь, какъ въ лучшихъ созданіяхъ Салтыкова и Гл. Успенскаго и др., не охватывало Гоголя презрѣніе къ роду человѣческому, пороки котораго онъ изображалъ. Лирическіе порывы, жалость и слезы надъ человѣческимъ грѣхопаденіемъ тѣсно были связаны у Гоголя съ тѣмъ смѣхомъ, который вырывался у него отъ холода жизни, какой окружалъ его всегда. Такъ было въ дѣтствѣ, въ юности, въ годы зрѣлости великаго писателя. Онъ жаждалъ любви, ласки, восторга, а взамѣнъ этого получалъ камень, и сердце Гоголя, охваченное горемъ, тоской и обидой, всецѣло отдавалось самоанализу и самоироніи. Люди думаютъ, что разъ человѣкъ смѣется, ему весело живется. В. И. Панаевъ спрашивалъ С. Аксакова: „А что Гоголь? Опять написалъ что-нибудь смѣшное и неестественное?“ [1]). Это былъ „голосъ изъ толпы“, и С. Аксаковъ справедливо негодовалъ на члена Россійской академіи и литератора, потому что зналъ источникъ и цѣну Гоголевскаго смѣха. Юморъ Гоголя созидался путемъ пережитыхъ страданій. Принимали они такіе мучительные размѣры потому, что Гоголю постоянно представлялась необыкновенно безысходной та бездна, какая открывалась пытливому взору между идеалами и дѣйствительностью, несовершенствомъ его личнымъ и высокой миссіей, выпавшей ему на долю. Этотъ вѣчный самоанализъ вызывалъ и самоиронію, то въ видѣ смѣха надъ своими же слабостями и недостатками, то въ видѣ горькаго разочарованія въ томъ, что наиболѣе дорого ему, какъ въ вещахъ и людяхъ, такъ и въ самихъ вѣрованіяхъ и надеждахъ, составляющихъ интимный міръ его души. Сознаніе того, что осмѣиваемые недостатки

---

[1]) „Ист. моего знакомства съ Гоголемъ“, стр. 21.

человѣчества есть въ то же время и недостатки самого смѣющагося, есть не что иное какъ высшая степень юмора — юморъ, какъ цѣлое міровоззрѣніе. Это міросозерцаніе и эта самоиронія и были подкладкой всего гоголевскаго творчества.

Реализмъ изложенія, юморъ настроенія особенно сильно выразились въ наиболѣе совершенныхъ произведеніяхъ Гоголя — „Ревизорѣ" и „Мертвыхъ душахъ". Вполнѣ выдержанной, а потому и сильной, явилась великая комедія. Въ ней писатель, по его собственному признанію, „рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое тогда зналъ, всѣ несправедливости, которыя дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости, и за однимъ разомъ посмѣяться надо всѣмъ. Это, какъ извѣстно, произвело потрясающее дѣйствіе" [1]). Комедія ударила не въ бровь, а въ глазъ. Гоголь самъ на себѣ испыталъ справедливость словъ Стерна, что за каждыя десятокъ шутокъ и остротъ мы пріобрѣтаемъ сотню враговъ. Среди многочисленныхъ враговъ Гоголя большинство было людей вліятельныхъ [2]). А то были времена, когда „свободно рыскалъ звѣрь, а человѣкъ бродилъ пугливо"; начальство же, по мѣткому слову въ записной книжкѣ Гоголя 1846 г., „любило деспотировать съ народомъ совсѣмъ дезабилье" [3]). Н. В. Гоголь не на шутку боялся отъ властныхъ людей даже преслѣдованій, а литературная будущность рисовалась въ его встревоженномъ, мнительномъ и разстроенномъ воображеніи совершенно невозможной. Его угнетало, что противъ него возстали рѣшительно всѣ сословія. Неудачи на педагогическомъ поприщѣ, своеобразный „успѣхъ Ревизора" и вѣчно непокидавшая Гоголя „охота къ перемѣнѣ мѣстъ" потянули его въ даль, и въ іюнѣ 1836 года онъ уѣхалъ за границу.

Двѣнадцать лѣтъ, заканчивая поѣздкой въ Палестину въ началѣ 1848 г., Гоголь провелъ въ странствованіяхъ. Значительно бо́льшую часть времени проживалъ онъ въ Германіи и Франціи, а преимущественно въ Римѣ и Италіи; иногда по дѣламъ пріѣзжалъ въ Россію. Первыя пять лѣтъ посвящены были передѣлкамъ нѣкоторыхъ прежнихъ произведеній (Тарасъ Бульба, Портретъ, Женитьба), отдѣлкѣ ранѣе задуманной повѣсти „Шинель" и работѣ надъ новымъ великимъ созданіемъ. Едва оправившись отъ отечественныхъ впечатлѣній, такъ

[1]) Соб. соч. т. IV, стр. 249.

[2]) См. разсказъ о сенаторѣ, полагавшемъ, что Гоголь—революціонеръ, достойный ссылки. „Рус. вѣс." 1862 г. № 1, стр. 86.

[3]) Выраженіе квартальнаго; см. соб. соч. т. VI, стр. 520.

истерзавшихъ его, Гоголь уже пишетъ Жуковскому: „Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую въ душѣ своей. Никакое развлеченіе, никакая страсть не въ состояніи на минуту овладѣть моею душою и отвлечь меня отъ моей обязанности. Для меня нѣтъ жизни внѣ моей жизни, и нынѣшнее мое удаленіе отъ отечества оно послано свыше тѣмъ же великимъ Провидѣніемъ, ниспославшимъ все на воспитаніе мое [1]). Возстанутъ противъ меня новыя сословія и много разныхъ господъ; но что жъ мнѣ дѣлать! Уже судьба моя враждовать съ моими земляками. Терпѣніе! Кто-то незримый пишетъ передо мною могущественнымъ жезломъ" [2]). Созидалось великое твореніе—„Мертвыя души", разросшееся потомъ въ мечты о „Левіафанѣ".

Въ первой части поэмы, напечатанной въ 1842 г., высказались наиболѣе полно и совершенно типичнѣйшія особенности генія Гоголя — характерныя черты юмора, дидактическій тонъ настроенія, страстная вражда ко всему низменному и пошлому. „Гоголь умѣлъ „слышать душу", говорилъ вѣщій поэтъ Пушкинъ, „еще ни у одного писателя не было дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ *пошлость* пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ". Эта пошлость и была основой всѣхъ пороковъ изображеннаго Гоголемъ русскаго общества. Въ основѣ пошлости лежитъ отсутствіе у людей сердечности и любви человѣческой, и поэма Гоголя была повѣстью о „деревянныхъ" душахъ. „Гоголь первый увидѣлъ невидимое и самое страшное зло не въ трагедіи, а въ отсутствіи всего трагическаго.... въ тупости и плоскости, пошлости всѣхъ человѣческихъ мыслей" [3]). И не то было ужасно, что герои его были достовѣрны, а жизнь и обстановка ихъ—реально-правдивы, а то, что они вѣроятны, возможны и типичны. „Герои мои вовсе не злодѣи", писалъ авторъ, „прибавя только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ бы

[1]) Письма Гоголя, I т. стр. 384.

[2]) Ibid., стр. 415.

[3]) *Д. Мережковскій*, „Гоголь", С.-Пб. 1909, стр. 5.

точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ. Мнѣ бы скорѣе простили, если бы я выставилъ картинныхъ извергов; но пошлости мнѣ не могли простить. Русскаго человѣка испугала его ничтожность болѣе, нежели всѣ его пороки и недостатки" [1]). И изображенія пошлости русскаго человѣка не простили писателю русскіе люди—почемъ знать?—многіе, можетъ быть, и до нашихъ дней...

Не литературной критикой заняты мы въ данной работѣ. Поэтому вопросъ о значеніи художественнаго творчества писателя интересуетъ насъ, главнымъ образомъ, съ той точки зрѣнія, какую онъ имѣетъ къ „дѣлу душевному", къ мистическому проповѣдничеству и учительству Гоголя.

Гоголь думалъ стать чиновнымъ сановникомъ, а сдѣлался маленькимъ преподавателемъ исторіи; такъ онъ полагалъ быть проповѣдникомъ и сталъ великимъ писателемъ-художникомъ. Но при этомъ онъ *примирился* и съ писательствомъ своимъ только тогда, когда почувствовалъ, что на этомъ поприщѣ можетъ также служить своей землѣ [2]). Въ такомъ пониманіи писательскаго труда и значенія ничего нѣтъ невозможнаго, противорѣчиваго и несовмѣстимаго, и Гоголь оставался всегда однимъ и тѣмъ же въ своей психологической основѣ—и въ дни юности, и въ годы возмужалой зрѣлости, и въ послѣдній періодъ жизни: онъ былъ и остался странствующимъ проповѣдникомъ и вдохновеннымъ учителемъ. Съ какимъ-то недовѣріемъ относятся многіе, даже вдумчивые критики къ частымъ и настойчивымъ заявленіямъ Гоголя, что онъ шелъ „по одной дорогѣ", „не совращался со своего пути", работалъ всю жизнь надъ однимъ дѣломъ. Какъ то не могутъ люди отрѣшиться отъ тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, которыя близки имъ, отъ тѣхъ привычныхъ соображеній, которыя дороги имъ: близка и дорога людямъ художественная сторона и поэтическая прелесть Гоголевскихъ произведеній, и они все другое въ писателѣ почитаютъ за наносное, привходящее, внѣшнее. Можетъ быть, мистическое проповѣдничество Гоголя есть что-то ненужное и лишнее, но безъ него не было бы и Гоголя: внутренняя душевная основа его—въ пророческомъ учительствѣ, а выраженіе ея нашелъ онъ въ художественномъ творчествѣ.

Сатира-юморъ только тогда имѣютъ свой серьезный смыслъ, когда въ нихъ заключено нѣчто нравоучительное. Юмористически-отрицательное и сатирически-обличительное направленіе въ художествѣ есть одно и то же, что проповѣдь и наставничество. Въ основѣ воззрѣній сатирика, юмориста и пророка лежитъ мысль о всяческой суетѣ всего земнаго. Обличеніе веселой ли шуткой, горькимъ ли смѣхомъ всегда будетъ носить характеръ назиданія. Писатель-сатирикъ, поэтъ-юмористъ безъ дидактической идеологіи—шутъ, гаеръ, зубоскалъ. Писатели-обличители должны носить въ душѣ своей вѣчные идеалы; кто обосновываетъ ихъ на философскихъ и научныхъ истинахъ, кто на политическихъ и общественныхъ идеалахъ; Гоголь исходилъ изъ своихъ религіозно-мистическихъ воззрѣній, единственной идеологіи, какая у него имѣлась и какая была родственна и близка душевному его складу. Дѣятельность возвышенно-комическаго писателя и вдохновенно-учительствующаго проповѣдника въ своихъ конечныхъ цѣляхъ почти всегда одна и та же. Такъ понималъ это и Гоголь, когда говорилъ о всемогуществѣ надъ людьми смѣха, о томъ, какъ человѣкъ боится смѣха, о томъ, какое нравственное воздѣйствіе оказываетъ на человѣчество возвышенный, честный смѣхъ. Но всякая проповѣдь требуетъ слушателей: для учителя нужна аудиторія и каѳедра. Успѣхъ первоначальнаго выступленія Гоголя на литературномъ поприщѣ постепенно опредѣлилъ и окончательно предрѣшилъ эту аудиторію и каѳедру,—читателей и писательство. Сила художественнаго таланта направила Гоголя на вѣрный путь, и онъ сталъ писателемъ-юмористомъ, писателемъ-проповѣдникомъ. И даже въ самыя темныя минуты своей жизни Н. В. горячо защищалъ и свое поприще, и избранный имъ путь „поученія людей". Онъ указывалъ А. Толстому по поводу дѣятельности драматическаго писателя и театра: „это такая каѳедра, съ которой можно много сказать міру добра" [1]). Въ 1847 г. Гоголь писалъ А. Данилевскому: „Никакая проповѣдь не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы" [2]).

Страсть Гоголя къ мистическому нравоучительству, порожденная культурно-историческими традиціями и переживаніями среды, въ которой онъ выросъ, и взлелѣянная семейной обстановкой, усиливалась съ каждымъ годомъ, чѣмъ дальше уходилъ писатель отъ юношескихъ впечатлѣній, и достигла своего апогея въ послѣдній періодъ жизни. Но не въ дѣтствѣ ли и въ годы умиранія — отъ дряхлости ли, отъ

[1]) Соб. соч. IV, 87.
[2]) Ibid., стр. 270.

[1]) „Выбр. мѣста". Соч. т. IV. стр. 60.
[2]) Письма, т. III, стр. 416.

усталости или отъ старости—и выступаетъ ярче, выразительнѣе, обнаженнѣе канва психической сущности человѣка, во многомъ сокровенная въ жизнерадостныя лѣта юности и возмужалые годы зрѣлой, сознательной, бодрой борьбы за проявленіе своей творческой силы и осуществленіе всѣхъ лучшихъ сторонъ своего человѣческаго *я*? А неожиданный и необычный успѣхъ литературной дѣятельности Гоголя, да излишнее захваливаніе друзей и общеніе со смутными душами людей изъ аристократическаго общества и воинствующей церкви могли только сильнѣе напрягать склонности, доводить до высшей точки кипѣнія страсти, лежавшія искони въ глубинѣ души Н. В. Гоголя.

Гоголь и началъ свое существованіе, и пришелъ подъ конецъ его „къ Тому, Кто есть источникъ жизни". И когда онъ усомнился, съ той ли каѳедры онъ проповѣдовалъ, съ какой можно восхвалять Бога и наставлять людей въ христіанской нравственности, онъ задумалъ свою злосчастную книгу „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями". Въ ней интимный міръ своего религіознаго настроенія Гоголь перенесъ въ сферу общественныхъ представленій. Но правдивы слова писателя С. Аксакову, что эта книга „есть законный и правильный ходъ его образованія внутренняго" [1]). На пороки же общественные Гоголь смотрѣлъ, какъ на нѣчто независимое отъ условій общежитія и государственно-бытового уклада, какъ на нѣчто готовое, присущее природѣ человѣка, который можетъ избавиться отъ нихъ энергіей мистическаго вѣрованія, а не силою гражданскихъ чувствъ. Понятно, что эти представленія, умѣстныя, можетъ быть, для нравственнаго усовершенствованія личности, оказались односторонними и узкими для прогресса общественной мысли и жизни, особенно въ той мистической и догматической формѣ, въ какой они высказаны были Гоголемъ. Голая, чистая проповѣдь „Переписки" показала весь тотъ небольшой запасъ сознательной общественности и философскаго міропониманія, какой имѣлъ писатель, помимо громаднаго художественнаго таланта, который отымалъ у него всѣ душевныя силы. И только въ этомъ смыслѣ моральнаго и художественно-поэтическаго начала можно говорить о двойственности внутренняго міра Гоголя. Отъ природы онъ былъ человѣкомъ этическихъ настроеній и стремленій, которому судьба послала талантъ пробуждать эстетическія чувства. И не могъ Гоголь не чувствовать разлада между эстетикой и этикой. Въ этомъ—трагедія его жизни тѣмъ болѣе ужасная, что моральная система понятій

[1]) Письма Гоголя т. IV, стр. 66.

писателя была глубокой и искренней, но никогда не отличалась широтой воззрѣній.

Послѣ путешествія въ Іерусалимъ въ февралѣ—мартѣ 1848 г., изъ котораго Гоголь не вынесъ ни успокоенія, ни бодрости. Съ весны этого года онъ жилъ въ Россіи и работалъ надъ второю частью „Мертвыхъ душъ". Однако, стремленіе соединить въ продолженіи поэмы начала чистой морали съ былой художественной образностью не давало желаемыхъ результатовъ. Гоголь жегъ рукописи, опять принимался за трудъ,—ничего не выходило. Силы слабѣли. Казалось, трудъ жизни конченъ,—какъ будто пора и на вѣчный покой. Это были годы наибольшаго напряженія внутренней борьбы и умиранія писателя. Здоровье Гоголя уже тогда надломилось. Онъ всегда былъ болѣзненнымъ человѣкомъ: съ дѣтства золотушный часто страдалъ лихорадками, нервнымъ разстройствомъ и желудочными заболѣваніями, весьма нерѣдкими, потому что, если Ник. Вас. не вѣдома была „поэзія пьянства", какъ, напримѣръ, мандрованнымъ дьякамъ-пиворѣзамъ, то знакома была нѣкоторая прихотливость чревоугодія. Наслѣдственная и благопріобрѣтенная мнительность, иногда доходившая до крайностей, усиливала болѣзни, — постоянно Гоголь лѣчился, чѣмъ, конечно, не улучшалъ, а разстраивалъ свои силы. Да и внутренняя борьба давала себя знать: большой еще вопросъ, можетъ ли плоть исцѣлить духъ, но что душевное настроеніе можетъ создать почву для заболѣваній—это внѣ всякаго сомнѣнія, и изнемогающій духъ писателя не приходилъ на помощь слабѣющей плоти. Онъ не былъ пожилымъ по годамъ—ему шелъ сорокъ третій годъ,—но въ удѣлъ Гоголю не было дано примиряющаго и успокаивающаго долголѣтія: голова его еще не покрылась сѣдымъ снѣгомъ, а уже душевное одиночество и старость—эти непрошенные спутники человѣка—рано направили дорогу Н. В. Гоголя на послѣднюю жизненную тропу, къ неизбѣжному могильному холму и надгробному кресту. Трагедія жизни нерѣдко обращается въ комедію, а комедія жизни — въ трагедію. Печально и жутко наступалъ конецъ великаго юмориста. Умиралъ Гоголь въ Москвѣ, въ домѣ А. Толстого (впослѣдствіи оберъ-прокурора синода), гдѣ онъ жилъ съ осени 1851 г. Задолго еще до страстныхъ своихъ дней писатель мучился какимъ-то безотчетнымъ страхомъ и кошмарами. Онъ началъ постоянно думать о смерти, приближеніе которой чувствовалъ, и его до глубины души тревожила мысль о загробномъ существованіи и грозномъ посмертномъ возмездіи. Готовъ ли онъ предстать передъ лицомъ Всевышняго?

Насталъ великій постъ 1852 г. Гоголь, несмотря на жестокіе припадки болѣзненнаго состоянія, говѣлъ, молился и постничалъ. Тревожное самочувствіе и религіозно-напряженное настроеніе писателя особенно сказались въ эти дни. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста онъ просилъ А. Толстого взять рукопись 2-й части „Мертвыхъ душъ“ и говорилъ: „я скоро умру; свези, пожалуйста, эту тетрадь къ митрополиту Филарету и попроси его прочитать, а потомъ, согласно его замѣчаніямъ, напечатай“. Гоголю вообразилось, что, можетъ быть, въ этомъ произведеніи заключается что-нибудь опасное для нравственности читателей, способное ихъ раздражить и разстроить [1]). А. Толстой уклонился отъ этого порученія. Въ ту же ночь, съ 11-го на 12-е февраля, послѣдовало сожженіе рукописи второго тома „Мертвыхъ душъ“. Въ концѣ этой недѣли, 16-го февраля, Н. В. Гоголя видѣлъ докторъ Тарасенковъ, оставившій цѣнныя записки о болѣзни и смерти Гоголя [2]). Онъ говоритъ, что, увидавъ Гоголя, ужаснулся. „Передо мною стоялъ человѣкъ, какъ бы изнуренный до крайности чахоткою или доведенный продолжающимся тифомъ до необычайнаго изнеможенія. Глаза его были тусклы и впалы, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились, голосъ слабъ, языкъ трудно шевелился отъ сухости во рту, выраженіе лица неопредѣленное, необъяснимое. Мнѣ онъ показался мертвецомъ съ перваго взгляда“. 18-го февраля, въ понедѣльникъ второй недѣли поста, духовникъ предложилъ Н. В. Гоголю собороваться. Онъ съ радостію согласился; во время обряда молился со слезами, за Евангеліемъ едва держалъ слабою рукою свѣчу. Во вторникъ ему стало какъ будто легче, но въ среду произошелъ сильный припадокъ нервной горячки [3]). Доктора ничѣмъ не могли помочь. Гоголь оставался въ забытьи. Л. Арнольди видѣлъ его тогда и вспоминаетъ, что больной лежалъ на постели съ закрытыми глазами, худой, блѣдный; длинные волосы его были спутаны и падали въ безпорядкѣ на лицо и глаза; онъ иногда вздыхалъ тяжело, шепталъ какую-то молитву и по временамъ бросалъ мутный взоръ на икону, стоявшую у ногъ, на постели, прямо противъ больного [4]). Это былъ образъ Богоматери; въ рукахъ Н. В. Гоголя были четки. Въ ночь со среды 20-го онъ бредилъ и говорилъ „лѣстницу, поскорѣй лѣстницу“ [5])...

[1]) *Н. В. Бергъ*, „Воспоминанія о Гоголѣ“. „Рус. стар.“ 1872 г., № 1.

[2]) *А. Тарасенковъ*, „Послѣдніе дни Гоголя“. Отеч. зап. 1856 г., кн. 12.

[3]) *В. Шенрокъ*, „Матеріалы“, т. IV, гл. 147.

[4]) Рус. вѣст. 1862 г. № 1.

[5]) *А. Тарасенковъ*, „Посл. дни Гоголя“. Отчет. зап. 1856 г., № 12.

Это были послѣднія слова, которыя слыхали отъ Гоголя. Они невольно напоминаютъ письмо его къ Жуковскому за десять лѣтъ до смерти: „небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я и стою на нижайшихъ и первыхъ ступеняхъ ея“ (II, 181). Рѣчь идетъ о ступеняхъ добродѣтели, ведущихъ въ царствіе небесное, о чемъ писалъ извѣстный монахъ—богословъ Іоаннъ Синаитъ, авторъ одной изъ любимыхъ книгъ Гоголя „Лѣствица Райская“. Это было руководство для подвижнической жизни, въ которомъ изображался путь непрерывнаго и труднаго восхожденія по тридцати ступенямъ „лѣствицы“ духовнаго самоусовершенствованія. Не вспомнилъ ли передъ самой кончиной объ этой „лѣствицѣ“ христіанскихъ добродѣтелей умирающій писатель? Какъ знать...

На утро 21-го февраля Гоголя не стало. Умеръ онъ, какъ проповѣдникъ, не увѣренный, что своимъ художественнымъ творчествомъ истинно служилъ государственной идеѣ нравственнаго возрожденія общества. Надгробнымъ воспоминаніемъ Гоголю могли бы всецѣло служить слова св. Тихона Задонскаго: „хвалили меня и хулили люди, славили и поносили; и которые хвалили, тѣ и проклинали, и которые хулили, тѣ и хвалили“. Но — прошло время, и исполнились вѣщія слова о самомъ себѣ наставника и учителя жизни, великаго художника и поэта: „Мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня, и потомки земляковъ моихъ съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни“.

Мартъ, 1909 г.
